НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

М.С. ЧЕРКАСОВА

СЕВЕРНАЯ РУСЬ: ИСТОРИЯ СУРОВОГО КРАЯ XIII—XVII ВВ.

Выпуск 3

ЦЕНТРПОЛИГРАФ®

Annotation

Вниманию широкого читателя предлагается научно-популярная книга о средневековой истории Северной Руси – от Древней Руси через удельный период к Московской Руси. Территориально исследование охватывает Белозерскую, Вологодскую и Устюжскую земли. История этой отдалённой окраины Древней Руси проанализирована на основе разнообразных письменных источников и с учётом новейших археологических данных. Показаны пути интеграции Севера с метрополией, формы административно-территориального устроения обширного края в XV–XVII вв. и наследие ордынского ига. Автор делает акцент на характерном для данного региона процессе «взаимного уподобления» гражданских и церковных форм и структур в экономическом и социально-политическом освоении пространства. В работе на примере городов Вологда и Устюг рассмотрены вопросы исторической демографии. В качестве опыта микроистории предложены очерки об институте семьи и брака у городских и сельских жителей Севера, о первом и последнем вологодском удельном князе Андрее Васильевиче Меньшом, об истории крестьянской семьи Рычковых из усть-вымской архиерейской вотчины в 1650–1670-х гг. и особенно – о богатейшем вологодском госте Г. М. Фетиеве. В работе раскрывается и социокультурный аспект истории средневекового русского Севера: индивидуальные и коллективные практики милосердия, пиров и братчин, а также устное и письменное, городское и сельское начала в повседневном функционировании книжной культуры и грамотности.

- М. С. Черкасова
  -
  - Введение
  - Раздел первый. Земля и власть
    - Очерк 1. Северная окраина Древней Руси
    - Очерк 2. Ордынский след
    - Очерк 3. Административно-территориальные структуры в XV–XVII вв.
      - Белозерье

        - Кубено-Заозерье в XIV–XV вв.
        - Устюжская земля
        - Вологодская земля
        - Наместники и волостели в конце XV–XVI в.
        - Церковное управление
    - Очерк 4. Опричнина и Смута
        - Опричнина
        - Смута
- Раздел второй. Земля и люди в городе и деревне
    - Очерк 5. Демография
        - Системы учёта населения в XVII в. (на примере Вологды)
        - Миграции населения на Устюге
    - Очерк 6. Брак и развод: народный обычай и церковное регулирование
        - Брачность как демографическое явление
        - Городская семья в 1678 г.
        - Развод
        - От народа – ряд/сговор, от церкви – венчание
        - Отпускные-выводные записи/памяти
        - Блуд и незаконнорождённые дети
- Раздел третий. Человек во времени
    - Очерк 7. Удельный князь в эпоху перемен
    - Очерк 8. Крестьяне: заботы земные
    - Очерк 9. Купец: между наживой и спасением
- Раздел четвертый. Культура и общество
    - Очерк 10. Богатство и бедность
        - Милосердие и благотворительность: идеи, нормы, практика
        - Пиры и братчины
    - Очерк 11. Устное и письменное в культуре повседневности
- Заключение
- Библиографический список
    - Источники
    - Литература
- Список сокращений

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12

М. С. Черкасова
Северная Русь: история сурового края XIII–XVII вв.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15–41–93006к)

© Черкасова М. С., 2017
© «Центрполиграф», 2017

Введение

Вниманию широкого читателя предлагается научно-популярная книга, состоящая из серии очерков. Хронологически повествование охватывает Средневековье – от Древней Руси через удельную к Московской Руси. Территориально – базируется главным образом на трёх землях – Белозерской, Вологодской и Устюжской. Очерки сформированы в четыре «измерения» – раздела. В первом (с учётом прежде всего данных новейшей археологии, специалистом в области которой автор не является) речь идёт о севере как отдалённой окраине Древней Руси, путях его интеграции с метрополией, затем – о наследии ордынского ига и формах административно-территориального устроения обширного края в XV–XVII вв. Здесь важен показ «взаимного уподобления» гражданских и церковных форм и структур в экономическом и социально-политическом освоении пространства.

Во втором разделе затрагиваются проблемы исторической демографии: сначала на примере городов Вологды и Устюга (у последнего – с учётом его ближайшей округи и более отдалённых уездов севера и центра страны). Как опыт микроистории и антропологически ориентированной истории в разделе предложен очерк об институте семьи и брака у городских и сельских жителей севера, а после него приведены документы из вологодских архивов за 1626–1681 гг. Антропологическая направленность сохраняется в очерках третьего раздела – о первом и последнем вологодском удельном князе Андрее Васильевиче Меньшом, об истории конкретной крестьянской семьи Рычковых из усть-вымской архиерейской вотчины в 1650–1670-х гг. и особенно – о богатейшем вологодском госте Г. М. Фетиеве. По окончании очерка также приведены некоторые документы из купеческого архива.

Четвёртый раздел имеет социокультурную направленность: в нём раскрываются индивидуальные и коллективные практики милосердия, пиров и братчин, а также устное и письменное, городское и сельское начала в повседневном функционировании книжной культуры и грамотности. Научно-справочный аппарат указан в документальных приложениях к отдельным очеркам и в «табличном» материале. От самого же наименования «Таблица» автор с учётом научно-популярного

формата книги решил отказаться. Завершается работа, однако, обширным списком источников и литературы, а также списком сокращений.

Раздел первый. Земля и власть

Очерк 1. Северная окраина Древней Руси

Русским Севером в научной литературе называют огромные пространства к северу от водоразделов: 1) Волги и Онеги; 2) Волги и Северной Двины. Славянская колонизация их начинается на рубеже X–XI вв. Значительные успехи археологии последних десятилетий (масштабные работы Л. А. Голубевой, Н. А. Макарова, С. Д. Захарова, А. Н. Башенькина, А. В. Кудряшова, И. П. Кукушкина и мн. др.) подняли изучение северного Средневековья на качественно новый уровень. Наибольший пласт средневековых древностей к настоящему времени выявлен в Белозерье, Каргополье, Посухонье, Важской и Устюжской землях. Хозяйственное освоение (промыслово-земледельческая колонизация) этих окраинных территорий Древней Руси осуществляется в суровых природных условиях и позднее, чем на юге и Волго-Окском междуречье. Именно на северной окраине Древней Руси сложились наиболее благоприятные условия для сохранения архаических элементов финно-угорской и славянской культуры. В ходе освоения водно-волоковых коммуникаций на водоразделах речных систем Волги, Онеги и Северной Двины шло становление сначала присваивающего, а затем – производящего типов хозяйства. Факторами этого движения на начальном этапе являлись, как пишет Н. А. Макаров, широкие перспективы пушного промысла и наличие незанятых земель, пригодных для сельскохозяйственного освоения.

Крупнейшим центром на северной окраине Древней Руси являлось Белоозеро, упомянутое в Повести временных лет под условной датой 862 г. в числе древнейших русских городов как населенное финно-угорским племенем *весь*. Наряду со словенами, мерей и кривичами оно участвовало в призвании варягов. По современным археологическим данным, ядро племенной территории веси находилось не на самом Белоозере, а к юго-западу от него. Узел же славянского расселения сформировался на периферии как древнерусских земель, так и расселения веси, а также на пересечении двух основных потоков колонизации – новгородского и ростово-суздальского. В этот процесс были вовлечены, кроме славян, представители других этнических групп – балтов, прибалтийских финнов, скандинавов, мери и восточных финнов. С конца X в. шло быстрое смешение славянского и финно-

угорского населения, наблюдался активный приток в Белозерскую округу (северный и восточный берега озера, низовья Кемы, верховья Шексны и на Волок Славенский) выходцев из русской метрополии. Уже в XI в. Белоозеро теснее других севернорусских земель было связано с центром Руси. В Белозерской округе открыто за последние десятилетия более 100 археологических памятников, установлено сходство материальной культуры белозерских селищ с аналогичными более южных районов Древней Руси.

Ещё один центр концентрации археологических комплексов (полтора десятка селищ и могильников XI–XIII вв., причём в последних погребены представители смешанного славяно-финского населения) – это окрестности Лаче-озера. Со второй половины XII и в течение XIII в. формируется Вологодская округа: в низовьях р. Вологды и в верхнем течении Сухоны выявлен ряд поселений с древнерусской керамикой XII–XIII вв. Наиболее же достоверные ранние письменные указания на существование Вологды как города относятся к 1264 и 1273 гг. В ходе археологических раскопок последнего сезона (под руководством И. П. Кукушкина в районе улиц Парковой-Бурмагиных в июле 2015 г.) была выявлена первая вологодская берестяная грамота, датируемая А. А. Зализняком и А. А. Гиппиусом по совокупности палеографических и языковых признаков первой четвертью XIV в. Грамота ещё не опубликована. Такое её чтение озвучил А. А. Гиппиус на научной конференции журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики» в Институте российской истории в сентябре 2015 г.: «*Гяков к тобе, к тобе ся Онаник тесть. Брат Остафе, послал с тобою емь рубль, к Самойлу рубль. И ни мне рубля, ни мне проторов*». В ходе обсуждения совместного доклада И. П. Кукушкина и А. А. Гиппиуса было высказано много различных трактовок данного текста. Источник находится в стадии изучения.

Другим сгустком населения в XIII в. становятся земли Кубенского Заозерья и Бохтюги с находками вещей XII–XIII вв. Именно здесь с конца XIV в XV в. будут располагаться северные уделы Ростовского и Ярославского княжеств, ставшие за последние годы предметом детального рассмотрения О. Н. Адаменко, Н. В. Башнина, А. Л. Грязнова, В. Д. Назарова. Сухона в её среднем и нижнем течении оставалась ещё слабозаселённой. Можно указать лишь на погост Векшенгу. Судя по карте из монографии А. Н. Насонова, он маркировал

южную кромку новгородских даней, определённых по уставной грамоте князя Святослава Ольговича 1136/37 г. Погост был расположен в 89 км к востоку от Вологды у впадения справа рч. Векшенги («беличья река») в Сухону. Здесь в казну новгородского святителя бралось «два сорочка» (80 беличьих шкурок). Археологическое исследование А. В. Никитина выявило на месте Векшенги небольшое мысовое городище треугольной формы, две стороны которого были образованы оврагами, а третьей служил ров. Незначительный культурный слой свидетельствует о том, что люди на самом городище, скорее всего, не проживали, тогда как сохранившееся рядом с ним селение до сих пор называется Погост.

Далее ниже по течению Сухоны можно указать на погост Усть-Тошьма и предположительно связать его с устьем реки Толшмы, её заметного правого притока, по которому волна колонистов-поселенцев двигалась из Костромского Поволжья. Либо это Старая Тотьма, предшественница современного города Тотьмы. Волоки между Монзой и Лежей (впадающей в Сухону), а также между реками Монзой, Лежей и Обнорой (впадающей в р. Кострому) в литературе изучены слабее, тогда как местными археологами и краеведами новейшего времени подробно описаны (работы А. В. Белова, И. Ф. Никитинского, Д. А. Пшеницына). Они обратили внимание не только на топонимику данного края в писцовой книге 1624 г. (починок Переволока, приход Заволочьевский к церкви Василия Великого, пристань Ноземские Исады у впадения Лежи в Сухону), но и агиографический памятник – житие Ферапонта Монзенского, основавшего в конце XVI в. небольшой Благовещенский монастырь у впадения р. Монзы в Кострому. При Иване Грозном был прорыт канал между Монзой и Лежей длиной 6 км, а общая протяженность Монзенско-Лежского пути с Волги на Сухону составила 325 вёрст – значительно меньше, чем Волжско-Шекснинского пути (691 верста). Письменное указание на функционирование волока между Галицким и Вологодским уездами (реками Монзой и Лежей) имеется в сотной на вотчину вологодского архиепископа 1624 г.: «…от Каменново болота на судовую *переволоку, что переволачивали* суды сухим путём из речки Мензы в реку Лежу».

Ниже по течению Сухоны при слиянии её с р. Юг крупнейшим центром славянской колонизации стали города Гледен и Устюг. Первый упомянут в летописи в 1178 г. (при кн. Всеволоде Большое Гнездо),

второй – в 1212 г. (его сыне кн. Константине Всеволодовиче). В 1980-х гг. Онежско-Сухонской экспедицией академического Института археологии под руководством Н. А. Макарова было обследовано до двух десятков сельских поселений по Малой Северной Двине и Югу. Они располагались на излучинах рек, иногда вблизи мелких рек и ручьёв. Характерная для них древнерусская круговая керамика и бытовые предметы могут быть датированы XII–XIII вв. и маркируют область первоначальной славянской колонизации на данной территории. Наиболее раннему поселению на Гледенской горе соответствует археологический памятник Морозовица-III. Поселение располагалось на краю высокого коренного берега Сухоны и практически уже не существует, будучи снесённым паводками рек Юг и Сухона. Видевший остатки его в 1771 г. академик и путешественник И. И. Лепёхин ориентировочно определял протяжённость сохранившихся валов в 175 саженей, то есть 378 м. В настоящее время в пределах Устюжской округи выявлено более 20 селищ древнерусского времени, основанных в XII–XIII вв. выходцами из центральных районов Руси, но гораздо больше их было смыто разливами своенравной Сухоны. Несомненно, Устюг находился в центре плотно заселённой округи, заметно отличавшейся в этом отношении от сопредельных территорий.

По разделу Северо-Восточной Руси между сыновьями кн. Всеволода Большое Гнездо в 1212 г. Устюг вместе с Ростовом, Ярославлем и Угличем достался старшему его сыну, кн. Константину Всеволодовичу, который в том же году «детинец и *церкви* устроив в нем». К 1218 г. относится известие о взятии волжско-камскими болгарами Устюга. Весьма показательно упоминание Устюга в литературном памятнике XIII в. «Слово о погибели Русской земли». В нём Устюг маркирует северную границу Древней Руси: «от немец до корелы, от корелы до *Устюга*, где тамо бяху тоймици погани и за Дышащим морем, от моря до болгар…» Фигурирует Устюг как северный край Руси и в «Списке русских городов ближних и дальних» конца XIV в.

Завершая краткий обзор истории Северной Руси в древнерусский период, скажем коротко о процессе христианизации здесь. Многое в этом плане дают недавно открытые в Белозерье и на Волоке Славенском могильники – Кемский, Нефедьевский, Мининский. Археологами установлен постепенный переход от языческого обряда

погребений (кремация с большим количеством украшений и бытовых вещей) к обряду, более соответствующему христианским канонам: ингумации с гораздо меньшим количеством вещей либо вовсе безынвентарной, в грунтовых ямах, с западной ориентировкой. В центральной части Белозерской земли переход этот датируется первой половиной XII в., а на восточной окраине Белозерья, Волоке Славенском, – рубежом XII–XIII в.

Как показывает эволюция погребальной обрядности, переход от язычества к христианству на севере не был одномоментным, погребальные обычаи обширного края формировались в результате скрещивания финских и славянских традиций. Обилие находимых в культурных слоях тельных крестиков свидетельствует о поступательном процессе крещения местного населения. Ранними образцами христианской рукописной книги стали знаменитый Шенкурский Пролог, написанный в 1227 г. новгородским дьячком Давидом в храм «Спаса за Волок в Шенкурье» и Париминийник 1271 г. для церкви Бориса и Глеба в Матигорах в нижнем Подвинье, также новгородского происхождения.

Рассадниками христианства становятся также первые северные монастыри, тесно связанные с городами – Троицкий Усть-Шехонский на Белоозере, Троице-Кайсаров в Вологде, Троице-Гледенский и Михайло-Архангельский в Устюге. Возможно, не случайны эти Троицкие (Господские) храмоименования древнейших монастырей Белоозера, Вологды и Устюга. Не указывает ли это на оказываемую им поддержку со стороны кн. Глеба Васильковича, про которого в «Сказании о Троицком Усть-Шехонском монастыре» говорится, что князь Глеб начал «княжити на *Белоозере и на Вологде*, *и на Устюге Великом*». Автор «Сказания» к этому добавляет, что благоверный кн. Глеб и сын его кн. Михаил «стяжаста велию веру к Живоначальной Троице».

Распространение христианства, несомненно, способствовало укреплению института моногамии (единобрачия). На севере была открыта серия парных (мужчина/женщина) захоронений – как разновременных (в Нефедьевском могильнике), так и синхронных (в Мининском могильнике). Можно согласиться с их интерпретацией Н. А. Макаровым как символизирующих значимость брачных союзов и семейных отношений. Это яркий феномен средневековой культуры на

севере, существенный для характеристики семейно-родственных связей, психологического уклада и религиозного сознания. Малая семья воспринималась как важнейший общественный институт, и был он отнюдь не только социальной ячейкой, но ещё зиждился на глубокой личной привязанности. В предлагаемой ниже работе проблемы семьи и брака на более широкой документальной основе применительно к XVI–XVII вв. будут рассмотрены в специальном очерке.

Очерк 2. Ордынский след

В XIII в. Северо-Восточной Руси пришлось пережить тяжелейшее испытание – татаро-монгольское нашествие. По этой причине возрос приток населения из наиболее разорённых её районов (Владимир, Ростов, Суздаль, Кострома, Ярославль) на север – в Белозерье, Вологодчину, Устюжскую землю. В данном очерке приведены некоторые факты и наблюдения относительно административно-территориального деления, социально-политической и финансовой истории Вологды и Устюга в эпоху ордынского ига на Руси в XIII–XV вв. При этом используются не столько источники того времени, сколько ретроспективно привлекаются позднейшие свидетельства разнообразных памятников XVI–XIX вв. – летописных и литературных, писцовых и переписных книг, окладных архиерейских книг, челобитных, актов, историко-статистических описаний волостей и фольклора.

Одним из распространённых в ордынскую эпоху терминов с широким диапазоном значений было тюркское слово *улус*. В предельно широком смысле оно употреблялось для обозначения части Великой Монгольской империи, разделённой между потомками Чингисхана («улус Джучи» – в его состав была включена Русь; «улус Чагатая»; «улус Хубилая» и т. п.). Применительно к русским князьям слово *«улусник»* означало их вассальный статус, политическую зависимость от Орды, когда единственным легитимным источником их власти являлось получение ярлыков на княжение, обусловленное последующей выплатой ордынской дани («выхода», «хараджа»).

При обращении к источникам по Вологде, Тотьме и Устюгу XVI–XIX вв. в них обнаруживаются и термин «улус», и – как уменьшительное от него – *«улусец»*. Удалось установить любопытное совпадение *погоста* древнерусского времени (XII в.) и *улусца* конца XVII в. Оно относится к известному по уставу новгородского кн. Святослава Ольговича 1136/37 г. погосту *Векшенга*. В переписных книгах 70–80-х гг. XVII в. фигурирует Векшенский *улусец* в значении «часть», «доля» в составе Векшенской волости (в улусце отмечена лишь деревня Глухая, принадлежавшая гостю И. Д. Панкратьеву). В это время и улусец, и волость входили в Тотемский уезд, сам же уезд

формировался во второй половине XVI – первой четверти XVII в. из восточных волостей Вологодской и западных волостей Устюжской земли. О составе поселений погоста Векшенга на «дикой (правой. – *М. Ч.*) стороне» Сухоны можно узнать из одной челобитной 1651 г. В погост входили следующие селения: слободка Пьянково по р. Сухоне ниже по её течению, до устья рч. Толшмы, дер. Куницыно подле Пьянковой слободы, дер. Выставка на устье рч. Ихалицы, дер. Глухая на речке Глухой и, наконец, искомая дер. *Векшенья* Воробьево тож. Несмотря на сильную хронологическую разведённость сведений о Векшенге как погосте XII в. и волости XVII в. (с частью её – улусцем), «прямое попадание» прихода и улусца в одну точку само по себе весьма показательно и, несмотря на исключительную редкость, побуждает к дальнейшим поискам. Речь в данном случае идёт о преемственности погостов древнерусского времени и позднейших административно-налоговых опорных пунктов в продолжавшемся освоении этой части Русского Севера, в том числе и в ордынскую эпоху.

Помимо Векшенского, в Тотемском уезде XVII в. были и другие улусцы. В волости Стрелице (на левой стороне Сухоны) известен *Нутренской улусец* на речке Нутрянке (то есть и он был её частью). В составе ещё одной тотемской волости – Толшмы (на правой стороне Сухоны) – и тоже как часть её переписные книги 1670–1680-х гг. отмечают *Маныловский улусец* (приход ц. Рождества Христова). Остальная же часть этой волости улусцем не называлась и образовывала приход церкви Благовещения Пресвятой Богородицы на устье р. Толшмы, существовавший уже к середине XVI в. Здесь был местный торжок и Усть-Толшменская таможня (ныне – с. Красное). В одной крестьянской челобитной преосв. Александру Устюжскому и Тотемскому 1697 г. фигурирует *Верхоеденгский* улусец – приход церкви Николая Чудотворца.

Тотемские улусцы продолжали существовать и во второй половине XVIII в. В окладной книге Устюжской епархии 1755 г. (в неё тогда входил и Тотемский уезд) отмечены следующие улусцы-приходы: Нутренской, Векшенский, Чаловский, Ихалицкий (во всех – церковь Николая Чудотворца), Маныловский (с той же церковью Рождества Христова) и Верхоеденский Старототемской волости. Географически улусцы располагались как по правому, так и по левому берегу р. Сухоны. Заметное присутствие в них Никольских храмоименований не

случайно, учитывая охранительные функции этого святого для плавающих по водам. Исторически тотемские погосты, несомненно, относились к территории Устюжской земли, западный рубеж которой с Вологодской землёй ранее всего фиксируется в 1540-х гг., а затем – в комплексе писцовых и переписных книг XVII в. Он проходил по Сямженской волости, расположенной по частям и в Вологодском, и в Устюжском (в XVII в. – в Тотемском) уезде. В составе Сямженской волости в XVII в. был Рубежский станок, а в соседней тотемской волости Моле – деревня с выразительным названием Порубеж. Вологодско-устюжское разграничение в районе Сямжи-Молы отражало разную политическую и владельческую принадлежность данных земель – восточный рубеж вотчин старшей ветви ярославских князей (Пенковых) на их вологодской окраине и мелкие уделы Ростовского княжества (князей Голениных – старшей линии Ростовского дома) на западной оконечности Устюжской земли. В условиях ордынского ига к этому политическому разграничению мог добавиться ещё учёт податных округов для выплаты выхода с северных окраин Ярославского и Ростовского княжеств.

Векшенский, Ихалицкий и Нутренский улусцы были вытянуты вдоль Сухоны, а ещё два – Чаловский и Маныловский – по верховьям и низовьям р. Толшмы соответственно, связывая тотемские земли с галицко-костромскими. И действительно, слободка Пьянково в XVII в. называлась «на Галицком взвозе», а про расположенную на острове Никольскую Бабьеозёрскую пустынь в Илезской волости говорилось «у Галицкого рубежа». Через галицко-костромские земли на Сухонское правобережье совершались неоднократные в XV–XVI вв. набеги казанских татар. Попав на Сухону, далее они двигались вверх и вниз по её течению – на Вологду, Шуйский городок (крупную вотчину Ростовской митрополии), Тотьму и Устюг.

Обнаруживаются улусы/улусцы в значении «часть, доля» в составе волостей в материалах поземельного кадастра соседнего с Тотемским Вологодского уезда, причём как в Заозерской, так и в Первой его половине. В писцовой и переписной книгах 1627–1630 гг. и 1646/47 г. в заозёрской Давыдовской волости фигурируют два улуса – *Софонтьевский* и *Фоминский*, а в дозорной книге 1619–1621 гг. синонимом Фоминского улуса выступает Фоминская *волостка*. Подобное словосочетание указывает на некие владельческие права и в

большей степени показательно для новгородских, нежели вологодских источников. Дозор 1619 г. фиксировал как раз поместные раздачи в данной части уезда. Не случайно Вл. Даль после длинного перечня значений слова «улус» (как стойбище, становище, собрание жилых хижин, селение, табор, аул, род, поколение под одним старшиной) заметил, что «у нас принято это называть волостью». К такому пониманию близко указанное Б. Д. Грековым и А. Ю. Якубовским значение улуса как подвластного *населения*. Ещё одно упоминание Софоновского улуса встречается в крестьянской челобитной вологодскому архиерею 1673 г. В Заозёрской части уезда в переписной книге 1678 г. указан также *Ратинский* улусец. В описании 1620-х гг. он же отмечен как Ратинский *станок* Мануйловской волости, а в окладной архиерейской книге 1676/77 г. без указания на улусец фигурирует *приход* Св. Дмитрия в Ратине в Троицкой трети Вологодского уезда. Налицо взаимозаменяемость понятий улусец, волостка, станок – всё это было мелкими территориальными (и, возможно, владельческими) единицами.

В одной челобитной вологодскому архиерею 1640 г. упомянут улус (полагаем, что в значении «приход») *Милостивое* на Кизме. Локализовать его можно в районе Киземского озера и вытекающей из него рч. Кизьмы, расположенными тоже в Вологодском Заозерье, немного севернее Азленского станка, недалеко от упомянутого выше селения-погоста Ратина. Название улуса Милостивое ассоциируется с храмоименованием – Всемилостивый Спас. В окладной книге 1676/77 г. храм Всемилостивого Спаса указан рядом с приходом Св. Дмитрия в Ратине. В окладной книге 1691 г. местоположение церкви Всемилостивого Спаса рядом с Ратинским приходом уточнено – «на речке на Мужу». В Списках населённых мест Вологодской губернии за 1881 г. дер. Горка *Киземская* показана в Азлецкой волости Кадниковского уезда в 115 км от Кадникова.

Среди множества значений термина «улус» Вл. Даль и М. Фасмер приводят следующее: «ряд прямых полей, пашен в прямых межниках, закоулки» (из псковских и тверских говоров). Улус неожиданным образом оказывается близким греческому «αυλίς» – стоянка, улица. Улус как ряд прямых полей вполне соотносим с улицей – чем-то выпрямленным, ровным. На память приходит топонимика Устюга, для которого, как и для всякого северного города, была характерна

органическая близость посада и прилегающей сельской округи. В писцовой книге 1623–1625 гг. здесь отмечена Мироносицкая улица, переходящая в Мироносицкое село. Есть и другие улицы – Пятницкая, Леонтьевская и, вероятно, ставшие их продолжением села, указанные в самом Устюге, – Пятницкое, Леонтьевское, образующие приходы, а «улисная» (уличная? – *М. Ч.)* земля в них учитывалась *плугами.* В городах границы прихода охватывали как раз улицу или квартал, а в сельской местности – исторически сложившуюся волость или её часть. В образцах ставленных грамот новгородского архиепископа Геннадия 1503/04 г. (дьячкам и пономарям) термин улица является синонимом названию церкви («…на которую улицу имярек святому…»).

Заслуживает внимания ещё одно значение греческого «αυλίς» – находящийся, ночующий в поле, сельский. Так могли называться первоначальные остановки архиереев и их должностных лиц (десятильников, доводчиков со своими «людьми»), собиравших ещё в домонгольское время церковную дань и судебные пошлины. Дело в том, что первичной формой деятельности и государственной, и церковной администрации в Древней Руси была объездная, а не стационарная. Так слово «αυλίς» (путём замены в русских переводах дифтонга *ау* на *у)* могло семантически соединиться с приходом, местом остановки лиц церковной администрации, иными словами, погостом древнерусского времени, образцом которого выше мы как раз и посчитали Векшенгу. Архаические элементы такой именно организации управления в виде зимнего «объезда» сельских приходов Устюжской земли владычными десятильником, доводчиком с их людьми, сбора «полюдного» отражены в окладной книге Ростовской митрополии 1625 г. Унаследованные от древнерусской эпохи, они, таким образом, продолжали функционировать и в первой четверти XVII в. Все указанные выше тотемские и вологодские улусцы территориально как раз укладываются в рамки Ростовской епархии на севере.

Другое объяснение происхождения северных улусов/ улусцев можно связать с летописным известием о большой ссылке знатных казанских татар в 1487 г. на Вологду и Белоозеро (точнее, Карголом) – царя Алегама с матерью царицей Фатимой, женами, сестрами и братьями Мелик-Тагиром и Худай-Кулом. Кроме того, на Вологду в 1480 г. был сослан крымский царевич Хайдар (Айдар), сын Хаджи-

Гирея. В Устюжском летописном своде отмечено, что вел. кн. Иван III *«татар рассажал по посельским»*. Посельские, как известно, управляли дворцовыми (великокняжескими) сёлами, а Вологодский и Устюжский уезды в XV–XVI вв. вообще были плотно насыщены дворцовым землевладением. Речь, следовательно, должна идти о кормовом обеспечении ссыльной татарской знати с дворцовых сёл-волостей Вологды и Устюга. Такие волости, точнее их часть, могли пониматься как улусы, с которых кормились татары. Допустимо и предположение о переходе части ссыльных татар в православие, что как-то может объяснить позднейшее соединение улусов с низовой структурой церковной организации. Однако для подтверждения нашего предположения у нас нет систематических описаний – и государственных, и тем более внутрицерковных – Вологодского и Устюжского уездов конца XV – первой половины XVI в., в которых содержался бы фактический материал о возможном расселении татар и их крещении здесь.

Крайняя западная оконечность в географическом распространении улусцев замечена в Чарондской округе в 1699 г. – это *Чюриловский улусец* в вотчине Спасо-Вожеозёрского монастыря. Крайним восточным улусцем можно считать Пичужский в составе Кичменгской волости, расположенный по р. Ентале. В 1780-х гг. он входил в Никольский уезд Вологодской губ. Этот улусец примыкал к одному из ареалов Южской трети Устюжского уезда – по среднему Югу с его притоком Кичменгой. Любопытно, что на р. Ентале по писцовым книгам XVII в. известна дер. Бакшеев двор, а тюркское слово «бакшей» означает писца. Используется это слово и в антропонимических конструкциях при указании на казанскую и крымскую знать. В Пискарёвском летописце под 1534–1536 гг. фигурируют послы из Казани (Козя-Охмат-бакшей) и Крыма (Тетчербей-бакшей). В том же источнике находим смысловое сближение слов «улусы», «ясак» и «чёрные люди», что подчёркивает значение улусов как податных округов.

Взяв Казань в 1552 г., царь Иван IV потребовал от податного населения бывшего ханства («чёрных людей всех улусов») «есаки платити по-прежнему». Скорее всего, исчисление налогоплательщиков в улусах совпадало с военно-децимарным делением на десятки, сотни, тысячи и тьмы. Отсюда и выборные лица, ответственные за каждое подразделение, – десятские, сотские, тысяцкие, темники. Позднейшее

употребление термина «улус» выявлено нами в просьбе казахских старшин Младшего Жуза 1726 г. о принятии их в подданство России. В тексте фигурирует 40 тыс. улусов, а в них 100 тыс. чел., «и все те люди военные». Значит, *улус* – это не только какая-то владельческая часть в общей территории или податной округ, но ещё и военное подразделение (применительно к упоминанию 1726 г.) численностью в 2,5 тыс. чел.

Список вологодских улусцев можно дополнить. На Сухонском правобережье между Шуйским городком и Тотьмой известны *Святогорский и Монзенский улусцы*. Последний в составе Шилегодской волости указан в переписных книгах 1678 г. Святогорский улусец отмечен в окладных книгах конца XVII в. и в «Историко-статистических описаниях церквей Вологодской епархии» середины XIX в. В книге 1691 г. Святогорский улусец отождествляется с приходом церкви Воскресения Христова на Святой горе, а Монзенский – с приходом ц. Успения Богородицы на Монзе.

Территория между Устюгом и Сольвычегодском в писцовых и переписных книгах XVII в. определялась как Баскачий стан. «Баскаки» (слово тюркское, они же по-монгольски «даруги», «даругачи») имели свои военные отряды, частично рекрутировавшиеся из представителей местного населения. Расцвет системы баскачества на Руси относится к первым, наиболее тяжёлым десятилетиям ордынского ига (1260–1290-е). В связи с проблемой баскачества А. Н. Насонов особо подчёркивает значение окраинных городов – северных или южных (Устюга, Тулы, Курска), находившихся в непосредственной зависимости от татар.

В Устюге бытовало сказание о татарском «ясащике» (баскаке, сборщике ясака-дани) Буге-богатуре (Багуе), чинившем местному населению всяческий произвол. Оно оказалось включённым в Устюжский летописный свод под 1262 г. Буга «имал силно на постелю» дочь одного поселянина за неуплату им ясака. В условиях народных волнений против татар в начале 1260-х гг. ради собственного спасения Буга крестился в православие под именем Иоанн, а затем основал на окраине города – Сокольей горе – церковь Рождества Иоанна Предтечи. Функционирование устюжского баскака хронологически вполне совпадает с существованием института баскачества во многих городах Южной и Северо-Восточной Руси второй половины XIII в. Возможно, институт баскачества в Устюге контролировал обширную северную территорию по рекам Сухоне, Югу, Ваге, Вычегде и по крайней мере

верховьям Северной Двины. Немного южнее села Баскачье-Вондокурье в Устюжском уезде даже на современной карте отмечена дер. Бугино, а ещё севернее – дер. Бегоулевская.

Заметим, что в Шуйском городке на правом берегу Сухоны у впадения в неё речки Шуйки (ныне – Междуреченский район Вологодской обл.) до сих пор уцелело селение Баскаково. Селение с таким же наименованием фигурирует в одной грамоте XV в. ещё и на восточном берегу Кубенского озера, а в XVII в. деревня с таким названием отмечена и в волости Лежский Волок Вологодского уезда. Ю. И. Чайкиной такое название выявлено ещё и в Череповецком районе. Подобная топонимика (деревни Баскаково вообще нередки и в других губерниях России, а их наиболее полную сводку привёл А. Н. Насонов) указывает на размещение здесь баскаческих отрядов. А. Н. Насонов подчеркнул особо сильную их концентрацию на территориях Ростовского княжества, города которого с их вечевыми традициями выступили в 1262 г. против ордынских агентов. Упомянем ещё дер. Татариново недалеко от Шуйского городка (в конце XVII в. – это Шейпухоцкая вол.). Деревни Татариново, Татарово, Татарково существовали и в других волостях Вологодского уезда – Вастьяновской, Кубенской, Тошенской. Распространение приведённых названий также свидетельствует о закреплении в народной памяти «пришествий» сюда татар (скорее всего, казанских, с учётом уже отмеченных нами выше речных коммуникаций с Волги на Сухону, в 1530–1540-х гг.), налоговых выплатах в их пользу и, не исключено, о проживании их здесь.

При этом следует избегать буквальных истолкований этнических названий каждого выявленного населённого пункта типа Баскаково, Татарово или Казарино (хазары), Задние Чуди (чудь заволочская), Зырянский починок (коми-зыряне). Здесь могли сказаться свойства, закреплённые в значениях приведённых слов (баскак – смелый, бойкий, наглый, дерзкий человек), и факты испомещения служилых людей тюркоязычных фамилий Ахматовых, Баскаковых, Вельяминовых-Зерновых, Макшеевых, Мещерских и мн. др. на территории Вологодского уезда в XVI–XVII вв. Сказанное относится и к возможным трактовкам таких наименований, как Ахмыльцово, Дюденево, Щелканово.

Красноречивый «язык земли» (приведённую топонимику), отразивший ордынский след, можно дополнить наблюдениями над

налогово-повинностными взиманиями ордынской эпохи. Значительный интерес представляет исследование их наименований, как и самих окладных единиц. В 1324 г. на Устюг был совершён поход московского кн. Юрия Даниловича с новгородцами «и докончаша мир по старине и выход давати по старине во Орду». В 1333 г. кн. Иван Калита разгневался на новгородцев и устюжан за то, что они не дали выхода в Орду – *чёрного* бора. Выплата должна была идти с «пермских мест *устюгских*» – Вычегды и Печоры. Название чёрный бор происходило от пушнины, в частности чёрных соболей и куниц, которыми славились Устюжский, Пермский и Вычегодский края. «*Чёрный* бор» мог также противопоставляться взиманию ордынского выхода (как и дани вообще) не мехом, а деньгами – *белым* серебром.

В ряде источников XVI–XVII вв. фигурирует «плуг» (причём не только в актах по Устюгу, но и в порядных записях, хозяйственных книгах Спасо-Прилуцкого монастыря по Вологодскому уезду), а *«поплужное»* соотносимо со сбором податей «по сохам» (плуг в налоговом смысле – это двойная, тяжёлая соха). Поплужное и его сборщики – «поплужницы» (причём это были княжеские люди, наряду с писцами и «таможницами», а не татары) – фигурируют в татарских ярлыках русским митрополитам XIII–XIV вв. В одной правой грамоте Лопотова Пельшемского монастыря 1561/62 г. в качестве спорных упоминаются старинные «два плужища пашни». Выявленная в Устюжском уезде XVI–XVII вв. дер. Марковская *Плужище тож* наводит на предположение, что «плугом» как окладной единицей могло быть описано селение в целом. В офицерской описи Сольвычегодского Введенского монастыря 1763 г. Н. П. Воскобойникова отметила дер. Михайловскую *Плуг*, а Дементьево тож. Во фрагменте посадской окладной книги по Соли Вычегодской за 1567 г. находим обширный перечень налоговых сборов, некоторые из которых, полагаем, восходили к ордынской эпохе – это «поминочные деньги», «чёрные соболи», «ямские деньги и ямское дело», «*поплужная* пошлина». «Плуги» как окладные единицы фигурируют и в актах Великоустюжского Михайло-Архангельского монастыря в сёлах Пятницком и Леонтьевском. Поминками назывались посольские подарки в Орду. А о татарском яме следует сказать отдельно.

Это была повинность поставлять лошадей, транспортные средства вообще татарским послам и чиновникам. Под «ямом», как пишет Б. Д.

Греков, могла пониматься и дань, собираемая с населения для организации ямской гоньбы. На противоположном от Шуйского городка берегу Сухоны («ходучая сторона») располагалась ямская слобода, от куда шла «Мольская дорога», ставшая частью системы ямской гоньбы в сторону Тотьмы и Устюга. Название некоторых тотемских слободок Сухонского левобережья свидетельствует об их включённости в эту систему. Например, Коченская слободка, «что был *ям* Коченга на р. Сухоне», располагалась на её левой стороне. К югу от Вологды функционировали два яма – Обнорский и Комельский; на окраинах города – Кирилловская и Московская ямские слободы. И хотя приведённые факты относятся к XVI–XVII вв., допустимо предположение об отголосках каких-то устроительно-транспортных мероприятий татар здесь в более ранний период.

В вологодских и устюжских актах XV–XVII вв. широко отражена имеющая ордынское происхождение номенклатура транспортных налогов и повинностей – «ям», ямские деньги, ямское дело, ямщина. К ним, вероятно, близка по значению пошлина «повёрстное», упомянутая в одной прилуцкой грамоте 1541 г. С ликвидацией зависимости Руси от Орды эти поборы были включены в общерусскую систему налогообложения. К ордынской системе налоговых сборов восходила и посошная служба, организуемая по сохам, то есть путём взимания платежей или определённого количества человек с сохи («посошный корм»). К этому же кругу понятий восходили и сошные книги, сотные грамоты.

К налогообложению Устюжской земли в ордынское время могут иметь отношение упоминания о *бегоулях*. Этимологически это слово связывается с тюркским словом «букаулы» – интенданты, отвечавшие за снабжение крупных армейских подразделений в Орде XIV–XV вв. В источниках XVI–XVII вв. данный термин обозначал агентов низового звена наместничьей системы кормлений. В словарях он переводится как «пристав», а у М. Фасмера указан ещё как дворцовый чин (из чагатайского языка). Наиболее ранняя документальная фиксация бегоулей относится к Ярославлю и отражена в жалованной оброчно-несудимой и проезжей грамоте кн. Фёдора Ростиславича Чёрного Спасо-Ярославскому монастырю конца XIII в., текст которой оказался воспроизведённым в грамоте его внука кн. Василия Ярославича Грозные Очи 1320-х гг.

Слово это фигурирует также в актовых источниках и делопроизводственной документации Устюга и Устюжской земли XVI–XVII вв. В указной грамоте Ростовского архиепископа Никандра устюжанам 1554 г. на построение каменного Успенского собора *бегоули* названы среди других должностных лиц и социальных категорий населения, наряду с детьми боярскими, гостями, торговыми людьми, земскими целовальниками, священниками, дьяконами градскими, посадскими, становыми и окологородними людьми. В соседнем с Устюгом Сольвычегодске до сих пор существует местная фамилия *Бегоулевых*. Обозначаемые этим словом должностные лица, наряду со старостами, ведали сбором с населения каких-то старинных кормовых поборов («бегоулева издержка»). В Устюге бегоули подчинялись волостелям, тиунам и наместникам, а в Соли Вычегодской – великокняжеским (дворцовым) посельским. Вероятно, бегоули раскладывали кормовые поборы среди податного населения – городского и сельского («…что не розрубят бегоули старины» – так говорится в актах Великоустюжского Михайло-Архангельского монастыря).

Бегоулям могли быть пожалованы и небольшие земельные владения. Деревня с названием Бегоулевская упоминается при отводе владычных земель в Комарицком стане Устюжского уезда (в районе р. Евды) от великокняжеских в сотной из писцовых книг Ю. И. Самсонова-Александрова на вотчину Ростовского архиепископа 1556–1557 г. Отвод середины XVI в. воспроизводил более старый отвод, зафиксированный в писцовых книгах А. Карамышева 1521/22 г. Не исключено, что дер. Бегоулевская существовала здесь и в XV в. В писцовых книгах XVI в. выявлена дер. Бегоулевская и в Закоторосльском стане Ярославского уезда.

Заметим также, что ярославский кн. Фёдор Ростиславич (в грамоте которого конца XIII в. впервые встречаются «бегоули») в ряде летописей называется ханским «улусником». Будучи женатым на ханской дочери, он занимал высокое положение чашника при дворе Менгу-Тимура. В ряде волостей вологодского Заозерья, представлявших собой северную окраину Ярославского княжества, в XVII в. были церкви во имя Фёдора и его детей Давыда и Константина, канонизированных в 1460-х гг. Подобные храмоименования отражали почитание ярославских князей на Вологодчине. В источниках

отмечается благочестие кн. Фёдора и его ордынской жены Анны, принявшей православие. Не исключено, что кн. Фёдор в конце XIII в. контролировал обширную территорию Вологодского Заозерья с санкции (по ярлыку? – *М. Ч.*) своего тестя. Поскольку отмеченные храмоименования не обнаружены в тех приходах, применительно к которым в XVII–XIX вв. известно их определение как улусцев, это указывает на различное происхождение данных явлений (и по времени, и по причинам). Помимо ярославских и устюжских документов, употребление термина «бегоули» косвенно устанавливается и для Устьянских волостей (1539/40 г.).

Одна из дочерей Ивана Калиты, Евдокия (ум. 1342), была замужем за внуком кн. Фёдора, великим ярославским князем Василием Давыдовичем Грозные Очи (ум. 1345), а в селе Заднем, центре заозёрских владений ярославских князей, в позднейших писцовых и переписных книгах отмечена церковь во имя «матери Евдокеи». Основана она могла быть дочерью Калиты как ктиторский храм в честь своей соименной святой великомученицы. Приведенный ряд фактов отражает в том числе и усиление позиций Московского великого княжества в данной части севера. Достигнуто оно было не только через династический брак, но и, по-видимому, при непосредственной поддержке Орды. Расширение территории, подведомственной Калите как ставленнику Узбека, сулило вместе с тем увеличение ордынского выхода. Возможно, происходило это в хронологических рамках 1339 (момента купли Белоозера) и 1345 гг. (смерти его зятя, ярославского кн. Василия Давыдовича). Спустя почти столетие после Калиты включённость Заозерья в ярославскую «часть» ордынского выхода («и во все пошлины в ординские проторы по старине…») фиксируется в докончании Василия II и удельного кн. Михаила Андреевича Белозерского (июнь 1447 г.). Вскоре в докончании Василия II с кн. Иваном Андреевичем Можайским (сентябрь 1447 г.) ордынский выход был уже переадресован с Ярославля в казну великого князя.

В связи с уплатой полагающейся с данного княжества части «выхода» составлялись специальные податные грамоты (или списки), называемые *дефтери* («…А имати ти у мене выход по старым дефтерем по крестному целованию»). На основе дефтерей великий князь мог дать освобождение от уплаты выхода на несколько лет удельному князю с его территории. Дефтери как разновидность актов

фигурируют в духовных грамотах великих князей среди других важнейших документов их казны (архива) – ярлыков и договоров. «Дефтерь» определяется также как перечень налоговых поступлений с областей и городов. А. Н. Насонов отмечает, что на основании дефтерей вёлся счёт населения по домам или семействам по «тьмам» (темам), а к 1360 г. относится известие о 15 «темах», входивших в великое Владимирское княжество.

О привлечении местного населения к ордынской по происхождению повинности *ямщине* (в денежной форме – по 4 алт. с сохи – или непосредственно в виде проезжей службы с сохи) можно найти позднейшее свидетельство в жалованной грамоте одного из последних представителей старшей ветви ярославских князей, служилого кн. Василия Даниловича Пенкова Сямженскому Евфимьеву монастырю 1526 г., трактуемое С. М. Каштановым как совершенно оригинальное. Здесь уместно привести и мнение Б. Д. Грекова, основанное на первом ханском ярлыке митрополиту Кириллу (1267) о том, что первоначально ям являлся видом дани, а затем стал натуральной повинностью – поставлять лошадей и подводы татарским послам и чиновникам.

Обратившись теперь к Вологде, напомним её сопредельное положение между Новгородом и великим Владимирским княжеством. С 1264 г. она последовательно фигурирует в докончаниях республики с князьями в составе новгородских волостей. Одновременно князья неуклонно стремятся закрепить своё влияние в Вологодской «волости». Определённую роль в проникновении сюда их власти сыграла военная помощь татар. В 1273 г. в летописях отмечены нападения великого владимирского кн. Василия Ярославича с великим владимирским баскаком Амраганом на Торжок и тверского кн. Святослава Ярославича с «царёвыми татарами» на ряд других новгородских волостей – Бежицы, Волок и Вологду. Так в ней могла возникнуть княжеская часть, противостоящая новгородской. Политическая подоплёка событий 1273 г. была проанализирована А. Н. Насоновым. Она заключалась в том, что новгородцы не хотели признать великим князем ставленника Орды Василия Ярославича, и тогда военные акции княжеской власти против Новгорода были проведены с участием «царёвых татар», то есть с санкции тогдашнего правителя (царя) Орды Менгу-Тимура. Ещё

одним средством давления на Новгород была задержка его купцов («гостебников») и отнятие их товаров в Низовской земле.

В связи со сказанным на память приходит такой урбоним старой Вологды, как *Числиха*. Топографически Числиха, ныне практически совпадающая с центром Вологды в районе «Старого рынка», по отношению к городу XIII в. находилась ниже по течению реки, за пределами новгородской крепости. Правда, этот урбоним (по аналогии с улусами и бегоулями) фигурирует в поздних источниках (обывательских книгах конца XVIII в.), но все же наводит на предположение об опорном пункте и агентах ордынской налоговой системы *(численниках)* здесь. «Численные люди» на Руси XIV–XV вв. (наряду с делюями и ордынцами как принадлежащими числовому делению на десятки, сотни и тысячи) специализировались на обслуживании ордынских послов, других видах особой службы, доставляли дань в Орду. Не исключено, что после отвоевания князьями у Новгорода в 1273 г. с помощью татар части города здесь в 1275 г. была проведена татарская перепись и население «положено в число», то есть учтено как налогооблагаемое, а ещё подлежащее набору в военные подразделения (десятки, сотни, тысячи), возможно, для поддержания местного порядка. Такие меры стали реакцией татарских властей на стихийные городские движения начала 1260-х гг., в том числе и в Устюге. Числихой указанное место могло быть также названо в силу поселения на нём «численных» (описанных татарами) людей либо самих численников – переписчиков-налоговиков.

О проведении переписей в Вологде и уезде с целью взимания ордынского выхода известно лишь во второй половине XV в., когда существовало Вологодское удельное княжество Андрея Васильевича Меньшого. Необходимость фиксации налогообложения «по сохам и людям» отражена в завещании Василия II 1461 г.: «…как мои дети почнут жити по своим уделом и поимут писцов да уделы *писцы их опишут* по крестному целованию, да по тому писму обложат по сохам и по людем, да по тому окладу моя княгиня и мои дети и в *выход* учнут давати сыну моему Ивану со своих уделов». Не случайно в вологодских актах того времени упоминаются люди чёрные, тяглые, письменные, данные. Заслуживает внимания гипотеза С. М. Каштанова о сохе в Вологодском Заозерье во второй четверти XVI в. как податном округе

из 100 дворов. Не исключено, что такой же она была и в более раннее время.

На общерусском уровне ответственным за ордынский выход с Вологодского удела был вел. кн. Иван III, и, судя по духовной кн. Андрея Меньшого, к моменту его смерти в 1481 г. с Вологды накопился большой долг в 30 тыс. руб. перед великокняжеской казной. «…Что за меня, – писал кн. Андрей в завещании, обращаясь к старшему брату, – в Орды давал и в Казань и в Городок царевичю и что есмы у него себе имал». Поскольку кн. Андрей Вологодский реально управлял своим уделом с 1467 г., то в течение 15 лет до кончины ему следовало бы уплачивать по 2 тыс. в год со всех его частей (не только с Вологды с 14 волостями, но и Тарусы, а также некоторых подмосковных волостей и сёл – Раменейцо, Тайнинского, Ясенева, Шарапова). Цифра эта представляется чрезмерно завышенной: обычно с уделов младших князей оклад выхода составлял 150–159 руб. К тому же из общей суммы, указанной в завещании, в 30 тыс. следует вычесть личный долг кн. Андрея старшему брату, размер которого конкретно не отмечен. Одним словом, краткость известия ду ховной не позволяет более подробно рассчитать размеры ордынского выхода с Вологодского удела кн. Андрея, а также – в «адрес» каждого из трёх получателей (Большой Орды, Казанского ханства и Касимова).

Ещё один топоним старой Вологды – Кайсаров ручей – свидетельствует о тюркской по происхождению фамилии Кайсаровых. Ранее всего она фигурирует в 1499 г. и связывается специалистами с Василием Михайловичем Кайсар-Комаком. Комак в данном случае объясняется как искажённое конак-кунак (гость). Возможно, такой термин отражал не только пребывание группы знатных татарских пленников из Казани, но и их торговую деятельность в Вологде. Топографически Кайсаров ручей находился недалеко от Ленивой площадки – наиболее древней торговой площади Вологды. Торговый облик города был отмечен уже в Повести о чудесах Герасима и кратком летописце под 1147 г., а купцы стали основной облагаемой категорией городского населения при установлении ордынской дани. «Тамга» – так назывался введённый татарами налог для городов, и фиксируется он во множестве последующих актов по Вологде и уезду XV–XVII вв. Однако в последующем составе служилых землевладельцев Вологодского уезда

Кайсаровы неизвестны: скорее всего, не со служилым землевладением надо связывать гипотетического «Кайсара» на Вологде в XV–XVI вв.

Не случайно упоминание Вологды в исторической песне о Щелкане, обобщённо отразившей события антиордынского восстания в Твери против баскака Чол-хана (Щелкана, Шевкала) в 1327 г. В этой песне говорится, что

Шурьев царь дарил,
Озвяк Товрулович,
Городами стольными:
Василья на Плесу,
Гордея к Вологде,
Ахромея – к Костроме.

Под Озвяком Товруловичем в песне понимается ордынский хан Узбек (1313–1342), при котором Орда стала мусульманским государством и сильнейшей военной державой Восточной Европы. Им был установлен жёсткий контроль над государственной территорией Владимирского великого княжества, отсюда и мотив раздачи городов на Руси своим сторонникам, хотя он был распространён и в более раннее время (например, в былинах о кн. Владимире). И если концовка песни (гибель Щелкана) указывает на время её *появления* не позднее 1327 г., поскольку ничего не говорится о наказании Твери за восстание (Федорчуковой рати с кн. Ив. Калитой в 1328 г.), то приведённый фрагмент мог возникнуть уже в ходе дальнейшего *бытования* песни. По мнению Л. В. Черепнина, в ней смутно отразились события не только Тверского восстания 1327 г., но и нашествия эмира Едигея на Русь с 4 царевичами и многими военачальниками в 1408 г. Среди них были князь Тегриберды, он же Ериклибердей (Гордей) и Алтамырь (Ахромей). Гордея и царевича Булата Едигей посылал к тверскому кн. Ивану Михайловичу с требованием явиться с войском под Москву. После рейда одного из темников по нижегородским землям в 1408 г. тот намеревался пойти далее на Кострому и Вологду, однако тревожные вести о «замятне» в самой Орде заставили татар повернуть восвояси.

Сведения о военных нападениях татар на Костромской и Вологодский края можно найти и в житийной литературе. В 1429 г. был татарский набег на ярославские, галицкие, костромские земли и

Вологодское Заозерье. В житии Александра Куштского говорится о чудесном спасении от татарского разорения основанного им недалеко от устья р. Кубены Успенского монастыря. После гибели в борьбе с татарами представителя младшей ветви Ярославского дома кн. Дмитрия Васильевича Заозерского в память о нём его вдова Мария пожаловала ряд земель Александро-Куштскому монастырю. Сочетание трёх городов – Вологды, Костромы и Плёса – в песне о Щелкане как датирующий признак не позволяет отнести данный фрагмент ко времени ранее конца XIV – начала XV в. (Плёс возник лишь со второй половины XIV в., а Вологда с Костромой впервые вместе фигурируют в уставной Двинской грамоте 1397/98 г.). Определение городов «стольными», хотя в XIV–XV вв. самостоятельных княжеских столов они не имели, указывает лишь на их общую принадлежность к великому Владимирскому княжеству.

Одним из последних был рейд казанских татар на Костромские и Вологодские земли в 1538 г. – отсюда также могло идти упоминание и Вологды, и Костромы, и Плёса в песне о Щелкане. Среди названий селений Введенского Корнильево-Комельского монастыря, пострадавшего в набег казанских татар 1538 г., встречаются такие, как дер. Щелканов починок, пустошь Щелканово. Не является случайным, что после 1538 г. жителям вологодско-костромского рубежа предписывалось построить крепость Любим у впадения р. Учи в р. Обнору. Спустя 4 года разорительному набегу казанских татар подверглась и Дымковская сторона Устюга (1542).

Для более раннего времени также известно о приходах казанских татар на Устюжскую землю. Во время прихода 700 татар весной 1446 г. после трёхдневной осады жители Устюга откупились 11 тысячами рублей. В ряде летописей эта выплата названа «копейщиной», а понимается под ней старинный копеечный сбор с дыма. В 1462 г. был приход к Устюгу татар с черемисами, а в 1468 г. татары пришли на верховья р. Юга и к Кичменгскому городку, который был ими сожжён, а люди уведены в плен. В следу ющем 1469 г. вологжане и устюжане стали участниками грандиозного общерусского похода на Казанское ханство. В нём погибло 110 устюжан, а остальных трёхсот Иван III наградил «по денге золотой», запасами (маслом) и одеждой (шубами, однорядками, сермягами).

Дополнительными аргументами в пользу пребывания агентов татарской администрации могли бы стать данные материальной культуры, однако археологически Устюг исследован пока совершенно недостаточно. За последнее время там, правда, были обнаружены остатки волжской (восточного типа) керамики и некоторое количество ледоходных шипов, с помощью которых обычно передвигалась татарская конница в зимнее время. В Вологде были обнаружены остатки персидской расписной («кашинной») керамики, известной с XIII–XIV вв., а поступавшей на Русь со второй половины XIV в. Укажем также на новейшие материалы раскопок В. А. Зейфера в Переславле-Залесском с большим количеством золотоордынской и вообще восточной посуды, которые автор в устных выступлениях расценивал как указание на усадьбу ордынского феодала. В Старой Рязани среди развалин Спасского собора в ходе раскопок 1995 и 1998 гг. была обнаружена каменная пластина с именем и титулом Тимура по-арабски (типа пайцзы), «подражание монете времени Тохтамыша» и керамика того же времени. Подобные артефакты свидетельствуют о пребывании в названных городах влиятельных лиц Золотой Орды.

Очерк 3. Административно-территориальные структуры в XV–XVII вв.

Белозерье

Белозерское княжество выделилось в 1238 г. из состава Ростовского после гибели на р. Сити в 1238 г. ростовского кн. Василька Константиновича. Белоозеро получил его младший сын Глеб, а Ростов – старший сын Борис. В 1244 г. они уже ездили в Орду, скорее всего, за татарской санкцией на свои права. В обстановке ордынского ига на Руси юридическое оформление Белозерского княжества могло произойти в промежутке времени между 1249 и 1251 гг. и было обусловлено получением на него кн. Глебом татарского ярлыка. В 1251 г., согласно ряду летописных известий, «поеха Глеб в свою отчину на Белоозеро». В 1256 г. он ещё раз побывал в Орде, вернувшись оттуда с татарской женой. В 1273 г. она, по-видимому, преставилась (названо её имя Феодора, возможно монашеское), а в 1278 г. умер и он сам.

Кн. Глебу Васильковичу наследовал сын Михаил Глебович, для политической позиции которого был характерен союз с ярославским кн. Фёдором Ростиславичем Чёрным, на дочери которого он женился ещё в 1277 г. При нём политическая самостоятельность Белозерского княжества оказалась прерванной насильственным захватом в 1279 г. ростовским кн. Дмитрием Борисовичем. В 1286 г. Белоозером владел его брат кн. Константин Борисович, который сохранил его и в 1294 г. после смерти Дмитрия. Годом же раньше в Орде умер и кн. Михаил Глебович, а ближайшее летописное известие о его сыне Фёдоре Михайловиче относится лишь к 1302 г. На этом основании В. А. Кучкин считает, что в 1292–1302 гг. Фёдор не занимал княжеский стол на Белоозере. О нём известно, что он также придерживался семейной традиции брачных связей с Ордой, женившись на дочери хана Ильбассара, убитого Узбеком в 1314 г. Татарский брак, возможно, помог Фёдору вернуть отцовский стол. Второй брак на дочери тверского боярина Дмитрия Жидимирича связал его с Тверью и кн. Михаилом Ярославичем.

Младший брат кн. Фёдора, Роман Михайлович, по данным сфрагистики, являлся новгородским наместником кн. Юрия Даниловича Московского, а в 1339 г. известен как суверенный белозерский князь, ездивший в Орду вместе с союзным ему ярославским кн. Василием Давыдовичем (Грозные Очи). Их коалиция противостояла московскому кн. Ивану Калите, который пытался помешать этой поездке. В. А. Кучкин считает, что междукняжеский конфликт мог быть вызван расширением владений Ивана Калиты в районе Вологды и Кубеноозерья.

По мнению новейшего исследователя А. Л. Грязнова, вероятным следом политического компромисса между старшей (Фёдор Михайлович) и младшей (Роман Михайлович) ветвями Белозерского княжеского дома стало выделение в середине XIV в. сыну первого, кн. Василию Фёдоровичу, Согорского удела. Старшинство Василия Согорского было установлено в науке сравнительно недавно, благодаря введению в оборот синодика Ростовского Успенского собора (С. В. Коневым) и ранней редакции родословных книг (Типографской и Ермолинской летописей – А. В. Кузьминым). Именно в потомстве Василия Фёдоровича Согорского и продолжался в дальнейшем род белозерских князей, владельческие права которых распространились на значительные и компактные территории края.

С Белоозером связана загадочная общерусская проблема – так называемые «купли Ивана Калиты». Наряду с Галичем и Угличем Белоозеро фигурирует в духовной вел. кн. Дмитрия Ивановича Московского 1389 г. как «купли моего деда». В научной литературе под куплями Калиты понимаются временные приобретения им ярлыков в Орде на названные города и княжества без права передачи по наследству своим детям. В отношении Белоозера В. А. Кучкин считает, что оно было куплено Калитой между 1328 и 1339 гг., причем в 1327 г. часть Белозерья была захвачена новгородцами, что облегчало Ивану Калите его «куплю». Затем Белоозеро было возвращено татарами прежнему «вотчичу» кн. Роману Михайловичу. Его сын кн. Фёдор Романович был женат на дочери Ивана Калиты Федосье, в 1375 г. он в качестве белозерского удельного князя участвовал в общерусском походе на Тверь, а в 1380 г. погиб на Куликовом поле вместе с сыном Иваном. Командование кн. Фёдором Романовичем всем белозерским войском в походах 1375 и 1380 гг. В. А. Кучкин расценивает как

проявление политического единства белозерских князей. Полагаем, можно говорить и об их политической лояльности к кн. Дм. Ив. Московскому. В то же время матримониальная связь его тётки Феодосьи и кн. Фёдора Романовича облегчала для московского князя задачу присоединения белозерских владений погибшего Фёдора.

Белозерский удел Московского княжества в XV в. После 1380 г. можно говорить о важном рубеже в политической истории Белозерья, когда, потеряв свою самостоятельность, значительная его часть становится уделом Московско-Владимирского великого княжения. В результате повторной правовой санкции Ордой Белозерской «купли Калиты» в 1389 г. вел. кн. Дмитрий Иванович завещает этот край своему третьему сыну, кн. Андрею Дмитриевичу Можайскому. В состав его владений, помимо двух Белозерских городков, были включены волости Вольское, Шаготь, Милолюбский уезд. За вдовой кн. Фёдора Романовича Федосьей в пожизненном владении оставались волости Суда, Колашна, Рукина Слободка, Федосьин Городок, Волочек Славенский. После её смерти они должны были перейти к жене Дм. Донского, кнг. Евдокии. Реальное формирование администрации Белозерского удела происходит в 1398–1400 гг., а в 1433–1434 гг. Белоозеро становится частью удела кн. Михаила Андреевича Верейского, вполне лояльного к старшим сюзеренам – Василию II и Ивану III. Со смертью Михаила в 1486 г. Белозерское удельное княжество московских Рюриковичей прекратило своё существование.

Обозначив основные вехи политической истории Белозерья, затронем вопрос о его внутренней истории. На протяжении XV в. размножается белозерский княжеский род и формируется значительная по генеалогическому составу территориально-сословная корпорация белозерских служилых князей. По ориентировочным подсчётам А. Л. Грязнова, в это время жило и действовало около 70 служилых белозерских князей. Их фамильные ветви получили свои названия по рекам или отдельным местностям (волостям): Андожские (Андомские) – по р. Андоге (Андоме), Белосельские – по пошехонскому с. Белому, Вадбольские – по одноименной волости, Карголомские – по с. Карголом, Кемские – по р. Кемь, Шелешпанские – от с. Шелешпали, Ухтомские – по р. Ухтоме, притоку р. Согожи в Пошехонье, Согорские – по местности Согорза Согорской вол., по левому притоку р. Согожи речке Соге и т. п. Образование фамилий с

помощью форманта *-ский* указывает на их владельческое происхождение. Вероятно, прав В. А. Кучкин, считавший, что процесс территориального дробления отчины кн. Василия Согорского в XV в. развивается быстро и необратимо, а самостоятельное политическое значение Белозерского княжеского дома уходит в невозвратное прошлое. По мере укрепления вассально-служебных связей с московскими государями происходила адаптация местных Рюриковичей в институты и связи формирующейся элиты Российского централизованного государства.

Социально-правовой статус этой значимой категории местного общества определялся тем, что служилые князья являлись не субъектами, а объектами договорных отношений между великими и удельными князьями. Однако, в отличие от бояр и слуг вольных, к ним неприменимо было право свободного отъезда от сюзеренов, в силу полноты судебных и финансовых прерогатив на свои земли и подвластное население. Для них были также характерны довольно строгие родственно-клановые ограничения на право распоряжения родовыми вотчинами (мнение В. Д. Назарова). По наблюдениям того же исследователя, признак корпоративности здесь особенно был ощутим в тех случаях, когда княжеские родовые вотчины исчерпывали базу феодального землевладения в данной местности.

На основании терминологии грамот кн. Михаила Андреевича и других актовых источников можно говорить о следующем социальном составе местного общества. Помимо служилых князей, в него входили бояре, дети боярские, «дворные люди» (дворяне), духовенство приходских церквей и монастырей, горожане (торгово-ремесленные люди) и крестьяне разных владельческих категорий. Многочисленные поземельные акты конца XIV–XV в. из Кирилловского архива свидетельствуют о развитых формах феодального землевладения на Белоозере – княжеского домениального, вотчинно-родового и вотчинно-условного как местных землевладельцев, так и представителей пришлых на Белоозеро служилых родов (Внуковых, Горбовых, Ильиных, Лихоревых, Монастырёвых, Перхушковых), монастырского, общинно-крестьянского. Княжескими грамотами оформлялся феодальный иммунитет, то есть привилегированный статус монастырских земель, население которых освобождалось от поземельных налогов и таможенных пошлин (дани, писчей белки,

резанки) и судебной подведомственности («опричь душегубства») княжеским агентам.

Управление на Белоозере в XV в. можно определить как систему кормлений. Уже при кн. Андрее Дмитриевиче Можайском известны наместники, волостели и тиуны – агенты данной системы. Среди наместников указываются «городской», «городецкий», «белозерский». По упоминаниям волостелей (волоцких, ирдомских, милобудских, угольских, череповских) можно говорить о сформировавшемся к этому времени волостном делении Белозерья. Иногда в числе должностных лиц в аппарате управления удельных князей называются казначеи, данщики, писцы («опищики»). Дворцовым хозяйством удельных князей (земледельческим и промысловым) руководили посельские, путники, приказчики, езовщики, рыбники.

В системе управления на Белоозере весомая роль принадлежала и выборной верхушке местной общины – крестьянской и городской – сотским и старостам. Принцип этот был выражен в ст. 19 Белозерской уставной грамоты 1488 г.: «А наместником нашим и их тиуном без *сотских* и без добрых людей не судить суд». Он затем перенесён в общерусский судебник Ивана III (ст. 38: «…без дворского и без старосты и без лутчих людей суда наместником и волостелем не судити»). Ю. Г. Алексеев видит в ст. 19 сохранение древнего общинного института судных мужей, известного во всей Европе, превращаемого из обычая в закон. Натуральные или денежные налоги изымались наместничьими доводчиками у населения не напрямую, а через посредничество городских *сотских.* Обращение великого князя к выборным от городских сотен, принцип совместного с городскими и волостными сотскими наместничьего и тиунского суда, налоговая ответственность сотских за свои общины, их контроль над состоянием земельного фонда на местах – всё это показывает не только во многом ещё гомогенность, социальную однородность города и деревни в средневековой Руси, их недостаточную размежёванность, но и социальные основы формирующегося Российского государства, опиравшегося на выборных представителей от местных сословных групп. Это видно и в период функционирования системы кормлений конца XV – первой половины XVI в., и тем более в период проведения структурных реформ 1550-х гг.

Кубено-Заозерье в XIV–XV вв.

За территорией, расположенной к северу от Сухоны и северо-востоку от Кубенского озера, в литературе закрепилось название Заозерье. Возможно ещё одно, более расширительное его определение как Кубено-Заозерье. Название объясняется по Кубенскому озеру, впадающей в него реке Кубене и территории «за озером». Разветвлённая водная система связывала край как с соседним Белозерьем, так и с Заволочьем и низовой (Залесской) землёй. Устойчивая позднейшая традиция почитания в Кубеноозерье ярославских князей-чудотворцев Фёдора, Давыда и Константина (храмоименования, иконография) отражает некие контуры проникновения сюда ярославцев едва ли не с конца XIII в., когда действовал кн. Фёдор Ростиславич Чёрный (ум. 1299). Это могло быть связано с браком дочери последнего и кн. Михаила Глебовича Белозерского. Наличие церкви во имя «матери Евдокеи» в заозерском селе Заднем, считающемся центром вологодских владений ярославских князей, косвенно может указывать на принадлежность этой территории великому ярославскому кн. Василию Давыдовичу Грозные Очи (ум. 1345), женой которого была дочь Ивана Калиты Евдокия (ум. 1342).

К XV в. Кубено-Заозерье было разделено между представителями старшей и младшей ветвей Ярославского княжеского дома. Под старшей ветвью понимаются потомки второго сына великого ярославского князя Василия Васильевича, Фёдора Васильевича (первый, Иван, ум. ок. 1426 г.), а под младшей – третий сын Василия Васильевича, Дмитрий Васильевич Заозерский и его сыновья. В структуру землевладения Кубеноозерья входили домениальные и чёрные земли Ярославского княжества, служние земли вассалов ярославских князей. Вотчинное землевладение местных монастырей (Спасо-Каменного, Дионисьево-Глушицкого, Григорьево-Пельшемского, Николо-Катромского, Николо-Подольного, Сямженского Евфимьева) сложилось за счёт пожалований как ярославских князей старшей и младшей ветвей, бохтюжских князей, так и московских великих князей и княгинь – вот почему состав латифундий этих небольших корпораций ретроспективно может отражать контуры прежней структуры землевладения в этом крае. Кроме того, должны быть отмечены и владения некоторых

великокняжеских бояр и московской митрополичьей кафедры – их проникновение сюда, несомненно, имело политическое значение.

Именование «Заозерский» бесспорно приложимо к Дмитрию Васильевичу, деятельность которого может быть отнесена примерно к 1402–1436 гг. В последние годы его правления Заозерское княжество оказалось втянутым в водоворот бурных событий феодальной войны, когда кн. Дмитрий Заозерский выступил на стороне коалиции Василия II и Дмитрия Шемяки против Василия Косого. В 1435 г., после короткого захвата Вологды и пленения здесь московских воевод Василием Косым последовал его стремительный рейд в Заозерье. В Типографской летописи сообщается, что в бою у села Устье (центра княжества) «…много же заозерян… избьено бысть». В этих условиях княжеская семья попыталась спастись бегством, но Косой взял в плен на Волоке Славенском жену заозерского князя с дочерью и снохами, а также «имение его все взял, а князь Фёдор (старший сын Дмитрия Заозерского. – *М. Ч.*) утекл».

Коалиция была закреплена браком дочери заозерского князя Софьи и Дмитрия Шемяки, получившего (либо рассчитывавшего получить) за женой её приданые земли в Заозерье. Косвенно об этом можно догадываться по заверениям Василия II в его договоре с Дмитрием Шемякой от 13 июня 1436 г.: *«…что будет поимал наш недруг князь Василей Юрьевич твое приданое, что писано по душевной грамоте твоего тестя, и отколе чего достану, и мне, князю великому, то тебе отдати»*. Речь шла о содействии Василия II Шемяке в возврате каких-то земель в Заозерье, прежде захваченных Косым, на которые Шемяка претендовал. Во всяком случае, к моменту заключения этого договора кн. Дмитрия Заозерского уже не было в живых. За период после 1436 и до 1447 г. произошла окончательная ликвидация самостоятельности Заозерского княжества и его присоединение к Москве.

В обобщённой и неопределённой форме как «заозерские князья-вотчичи» упомянуты в прошедшем времени правители Заозерья в докончании Василия II с удельным кн. Михаилом Андреевичем Верейско-Белозерским 19 июня 1447 г. Договор зафиксировал расширение Белозерского удела за счёт присоединения к нему половины Заозерья и половины Кубены «на сей стороне». Под Кубеной понимается столь же небольшое, как и Заозерское, Кубенское удельное княжество, с которым они весьма короткое время (1446–1447) могли

составлять единое целое. Сам же раздел Кубены между князьями Московского дома стал возможен, как и раздел Заозерья, после отобрания её Василием II у прежних «вотчичев». В опубликованной М. Е. Бычковой летописной редакции родословных книг говорится о браке кн. Андрея Дмитриевича Заозерского, получившего Кубену за дочерью кн. Ивана Дея, *«и взял у него Кубену князь великий»*. Иван Дей – это сын кн. Дмитрия Романовича, двоюродного брата Фёдора Васильевича Ярославского и Дмитрия Васильевича Заозерского, внук Романа Васильевича (младшего сына вел. ярославского кн. Василия Васильевича).

С половины Кубены и Заозерья кн. Михаил Белозерский обязан был давать ордынский выход, «…по старине, как давали Заозерские князи ярославским князем». Вскоре в докончании Василия II с кн. Иваном Андреевичем Можайским (сентябрь 1447 г.) ордынский выход был уже переадресован с Ярославля на казну великого князя. Тем самым, вероятно, остатки суверенитета Ярославского великого княжества над бывшим и миниатюрным по территории Кубено-Заозерским уделом были окончательно ликвидированы в пользу Москвы.

Таким образом, присоединение к Москве сравнительно небольшой территории Кубено-Заозерского удела Ярославского великого княжества произошло на протяжении 1447–1461 гг. Вместе с тем права представителей старшей ветви ярославских князей на большую часть Кубено-Заозерского края ещё длительное время сохранялись. Они выражались в выдаче ими жалованных (в том числе и данных, меновных) грамот монастырям с административно-судебными и налоговыми привилегиями, в наличии своего управленческого аппарата, распоряжении большими массивами земли (передача в монастыри, пожалования своим мелким вассалам), в неподведомственности этих земель государевым писцам. И при этом старшие ярославские князья собственно Заозерскими никогда не назывались.

Судя по меновной грамоте кн. Александра Фёдоровича Спасо-Каменному монастырю 1440-х гг., содержащей ссылку на духовную его отца, Фёдора Васильевича, взамен на отобранную дер. Баскач обители достались княжеские земли в районе р. Кихти (Безопишино, Воронинское, Дупленое, Дурбенево, Марьино, Перебатинская,

Петряевская, Сыроежкино, Трушенино, Чешковская и мн. др.), правого притока р. Кубены. Местоположение их устанавливается по писцовым и переписным книгам Заозерской половины Вологодского уезда 1620-х и 1670-х гг. В южной части указанного комплекса проходил рубеж между владениями ярославских князей старшей и младшей ветви: в грамоте сына Александра Фёдоровича, кн. Данилы Александровича Пенкова 1497 г. отмечена речка Яхренга, правый приток Кихти (на карте в монографии В. А. Кучкина о формировании государственной территории Северо-Восточной Руси эти ориентиры отмечены). Гидроним Яхреньга финно-угорского происхождения и в переводе означает «озёрная река». Северный рубеж владений старшей ветви ярославских князей в Заозерье проходил в районе реки Вожеги, впадающей в озеро Воже. Об этом свидетельствует запись во Вкладной книге Кирилло-Белозерского монастыря под 1600/01 г. В ней Вожегодская волость отнесена к Троицкой трети Вологодского уезда *«из-за Кубенского озера Пенковщины»*.

Северо-восточным рубежом ярославских владений в Заозерье, согласно показаниям двух грамот кн. Д. А. Пенкова 1496–1497 гг., являлись деревни в «Верховье» (Келарева, Мосеевская). Прежде они были пожалованы Спасо-Каменному монастырю кн. Александром Фёдоровичем, но как далеко отошедшие от обители затем отданы по обмену кн. Д. А. Пенкову взамен на более близкие ок. 1496 г. Под Верховьем следует понимать местность, расположенную в верховьях рек Ваги и Вели. Там же была известна дер. Верховье на озере Верхнем. Там же проходил рубеж между Вологодчиной и Верховажьем. Укажем на ещё одну пограничную точку – верховажско-тотемскую, где соприкасались земли Важская и Устюжская (в её составе первоначально были тотемские земли), а в грамоте Спасо-Режской пустыни 1538 г. фигурировали наместники Важские и Тотемские. С 1548 г. известны уже самостоятельные тотемские наместники, хотя повторное введение здесь данного института управления произойдёт уже после смуты.

Восточнее реки Катромы и Катромского озера находилась волость Вальга, маркирующая восточную границу Заозерского комплекса ярославских князей. Одна из церквей на Валгском Преображенском погосте была во имя предков князей Пенковых, ярославских князей-чудотворцев Фёдора, Давыда и Константина. Это храмоименование может служить косвенным подтверждением принадлежности Валги к

вологодской окраине владений старшей ветви ярославских князей. В Валге не известны ни домениальные, ни монастырские вотчины, возможно, здесь располагался массив чёрных земель вологодской окраины Ярославского княжества.

Определение западной границы ярославских владений в Кубено-Заозерье возможно на основе позднейших ретроспективных указаний актов и писцовых книг на вотчину ещё одного ктиторского монастыря Пенковых – Николо-Подольного. Он располагался в низовьях р. Уфтюги, впадающей с севера в Кубенское озеро.

В. А. Кучкиным было установлено существование ещё одного удельного княжества – Бохтюжского. Оно являлось мелким уделом Ростова и располагалось по левым притокам р. Сухоны Бохтюге и Глушице. Эта небольшая территория во второй половине XIV – середине XV в. принадлежала представителям старшей ветви Сретенской линии Ростовского княжеского дома – князьям Ивану Андреевичу, его сыну Юрию Ивановичу (Немому) и единственному сыну последнего Семёну Юрьевичу. В. А. Кучкин также предположил, что этим уделом владел представитель старшей ветви ростовских князей Андрей Фёдорович в 30–60-х гг. XIV в. (ум. 1409), до своего утверждения в Ростове путём изгнания оттуда кн. Константина Васильевича в 1363 г. Центром Бохтюжского княжества, как показали последующие археологические исследования Н. А. Макарова и О. Н. Адаменко, являлось село Архангельское.

Состав земельных владений в Бохтюжском княжестве определяется на основе актов Дионисьево-Глушицкого монастыря. Деятельность св. Дионисия Глушицкого в этом крае способствовала его христианизации и монастырской колонизации. Им были основаны два монастыря – Покровский и Иоанно-Предтеченский в Сосновце, а также две приходские церкви – Воскресенская у впадения рч. Глушицы в Сухону и Никольская на рч. Двинице. За последнее время ряд интересных исследований об этих обителях как центрах социально-экономической и духовной жизни Кубено-Заозерского края был выполнен Н. В. Башниным, выдвинувшим гипотезу о связи двух Дионисьево-Глушицких монастырей с существованием двух малых княжеств – Заозерского и Бохтюжского. Мнение это, однако, было оспорено А. Л. Грязновым, исправившим ряд неверных географических

локализаций Н. В. Башнина и показавшим, что земли Покровскому монастырю давали как заозерские, так и бохтюжские князья.

Устюжская земля

По разделу территории Северо-Восточной Руси между сыновьями кн. Всеволода Большое Гнездо в 1212 г. Устюг вместе с Ростовом, Ярославлем и Угличем достался старшему его сыну, кн. Константину Всеволодовичу, который в том же году «детинец и *церкви* устроив в нем». К 1218 г. относится известие о взятии волжско-камскими болгарами Устюга.

«Князья устюжские» упоминаются в Сказании о Мамаевом побоище, а на Дымковской стороне города церкви назывались во имя Дмитрия Солунского (небесного покровителя вел. кн. Дмитрия Донского) и Сергия Радонежского (благословившего его на Куликовскую битву). Для поминовения погибших в битве воинов вскоре после неё была установлена Дмитриевская родительская суббота (26 октября по ст. ст.), а общерусская канонизация Сергия произошла в 1447 г. В Краткой и Пространной редакциях Задонщины Устюг фигурирует как крайний предел, куда приходит весть о победе кн. Дмитрия Московского и гибели большого числа людей («…весть подавая по разным землям до Устюга поганых татар»).

В ряде летописей под 1333 г. сообщается о гневе вел. кн. Московского и Владимирского Ивана Калиты на новгородцев и устюжан за то, что те не давали чёрного бора в Орду с Вычегды и Печёры, «и с тех времян князь великий почал взимать дани с пермские люди». Под 1364 г. сообщается о гневе вел. кн. Дмитрия Ивановича на ростовского кн. Константина Дмитриевича и отобрании у него Устюга и «пермских мест устюгских». В 1379 г. началась христианская миссия уроженца Устюга иеромонаха Стефана Храпа у коми-зырян. В 1383 г. в Москве произошло его поставление в первые пермские епископы «пожалованием» вел. кн. Дмитрия Ивановича с боярами и «благословением» митрополита Пимена. Стефан создал пермскую азбуку, основал в Вычегодской земле много монастырей и церквей, а в 1396 г. скончался в Москве и был похоронен в каменной церкви Спаса на Бору. Биографом Стефана Пермского стал знаменитый Епифаний Премудрый, автор Жития Сергия Радонежского, подчеркнувший

духовную близость Стефана и Сергия. Благодаря миссионерской деятельности Стефана значительно усилились позиции Москвы в её противостоянии Новгороду на севере и продвижении к Двинской земле. Особой остроты оно достигло в годы так называемой Двинской войны. Не случайно в Двинской уставной грамоте 1397/98 г. Василия I синхронно указаны великокняжеские наместники на Устюге и Вологде. Ещё ранее, при летописной записи об общерусском походе на Тверь в 1375 г. рядоположены три рати – белозерская, вологодская и устюжская.

В период феодальной войны второй четверти XV в. Устюг неоднократно подвергался нападениям со стороны противников великого кн. Василия II. В Севернорусском летописном своде 1472 г. говорится о двух нападениях кн. В. Ю. Косого на Устюг. В 1435 г., на Пасху (17 апреля), устюжане освободили московских воевод, пленённых им в Вологде, перебили ратников кн. Василья Юрьевича, а самого едва не пленили (тому удалось спастись по льду Сухоны, несмотря на начавшийся ледоход). В ходе преследования устюжанами часть его войска, не успевшая перебраться по льдинам на Дымковскую сторону, погибла. Зимой 1436 г. после длительной осады Василий Косой снова захватил Устюг, жестоко расправившись с великокняжским наместником здесь кн. Глебом Ивановичем Оболенским (похоронен в соборной Успенской церкви) и десятильником ростовского владыки Иевом Булатовым. После поражения под Галичем в январе 1450 г. кн. Дмитрий Шемяка также некоторое время находился в Устюге, совершая оттуда стремительные разбойничьи рейды за добычей по северу в 1450–1452 гг. (на Кокшенгу и Вологду). Возможно, правильнее считать Гледен его последней резиденцией в 1450–1452 гг. И возможно, Устюг с Гледеном (важное место речных коммуникаций) Шемяка хотел бы превратить в столицу своего будущего княжества (если допустить у него такие планы).

Под 1469 г. в Устюжском летописном своде сообщается, что за доблестное участие в общерусском Казанском походе оставшиеся в живых 300 устюжан были награждены вел. кн. Иваном III золотыми монетами. Эти деньги они передали своему духовному отцу, попу Ивану «Бога молити о государе и его воинстве». Помимо золотых монет, Иван III подарил устюжанам 700 четв. муки, 300 пудов масла, 300 луков, 6000 стрел, 300 шуб бараньих, 300 однорядок, 300 сермяг.

В духовной грамоте Василия II «Устюг с волостьми и с путми и с селы и со всеми пошлинами» назначался его старшему сыну Ивану III. Некоторые устюжские сёла (Вондокурские, Мошемское, Леонтьевское и Пятницкое «с деревнями и с присельи» и Дымковская сторона Устюга) получала вел. кнг. Мария Ярославна.

О торгово-экономических связях Устюга и Москвы в XV в. свидетельствует возникновение в столице, в Китай-городе, *Устюжской полусотни*. Так назывались части городской территории, объединённые в административно-налоговые единицы. Судя по названию, эту полусотню населяли переведённые из Устюга купцы, численность которых, возможно, составляла 50 чел. (если принять в сотне 100 чел.).

Вологодская земля

Из-за чрезвычайной скудости письменных источников важное познавательное значение имеет *ретроспективный метод* – привлечение поздних документальных свидетельств для воссоздания ранней истории Вологодской земли. Обращение к писцовым, переписным и окладным книгам государственного и архиерейского происхождения XVI–XVII вв. позволяет выявить десяток волостей вокруг Вологды, в пределах которых отмечены *«погосты на стану», «станки» или «становища»*. Они зафиксированы в таких известных волостях позднейшего Вологодского уезда, как Водожская, Комельская, Кубенская, Лежский Волок, Обнорская, Ракульская, Тошенская, Южская, Янгосарская. Очерчиваемая ими территория относилась в XVI–XVII вв. либо к Городскому стану, либо к Первой половине Вологодского уезда. Полагаем, это и была *Вологда как волость* новгородско-княжеских докончаний XIII–XV вв.

Здесь мы сталкиваемся со сложной проблемой *преемственности* территориально-административных структур Руси XII–XIII вв. и XIV–XVII вв. Крупный современный археолог и историк Н. А. Макаров считает, что общая сеть промысловых, торговых и даннических путей, достигшая самых отдалённых районов Европейского Севера, и система опорных пунктов, необходимых для контроля над этими территориями, сформировалась в относительно ранний период – XII–XIII вв. Это важно учитывать с точки зрения перспектив дальнейшего развития Вологодской земли, даже если позднейшие её административно-

территориальные структуры не повторяли полностью и обязательно размещение древнерусских погостов. В одном случае нам удалось найти полное совпадение погоста древнерусского времени и административно-налогового пункта («улусца») периода ордынского ига. Оно касается известного уже в XII в. погоста Векшенга, поскольку именно с системой ордынского властвования на Руси XIV–XV вв. можно связать существование Векшенского *улусца*.

Нам представляется, что погосты-становища появились отнюдь не в XVI–XVII вв., когда они попали в источники. Приведённые упоминания являются всего лишь архаическими репликами, маркирующими существование на территории Вологодской земли в XII–XIII вв. опорных административно-судебных и налоговых пунктов, мест остановок государственных и церковных должностных лиц в их поездках за данью, других мероприятиях по устроению территории, осваиваемой в ходе колонизационного процесса. Импульсы этой колонизации исходили как от Новгородской, так и от Ростово-Суздальской земли. В ходе её нередко случались вооружённые конфликты. Известная такая икона – «Битва суздальцев с новгородцами». Исторической основой этого сюжета как раз являлись столкновения новгородских и ростово-суздальских дружин на обширном пространстве между Белоозером и Вологдой. Так, в 1169 г. новгородская дружина Даньслава Лазутинича сначала собрала свою дань, а потом на «суздальских смердах» взяла другую. Данный случай свидетельствует о неустойчивом ещё территориальном разграничении административно-податных округов на Вологодчине между Новгородом и Низовской землёй.

В период раздробленности статус некоторых территорий Северо-Восточной Руси отличался двойственностью, половинчатостью, что было обусловлено их сопредельным положением между Новгородской феодальной республикой и Владимирским великим княжеством. Здесь существо вали порядки «сместного суда» (=управления) высших должностных лиц этих политических образований – князя и посадника. Такие сопредельные регионы суть – Бежецкий Верх, Волок Ламский, Торжок и *Вологда*. Именно они последовательно фигурируют в новгородско-княжеских докончаниях (договорах) XIII–XV вв. в статье «А се, княже, волости новгорочские», и в этих волостях князь не мог осуществлять свой суд и выдавать грамоты без посадника. Таким

образом, для Вологды именно включение в упомянутые договорные грамоты, начиная с 1260-х гг., является наиболее достоверным указанием на фактическое существование как волости и как городского центра.

Естественно задаться вопросом о времени возникновения половинчатого статуса Вологды и характере разграничения здесь двух юрисдикций – новгородской и княжеской. Обратим внимание на летописную статью о нападении в 1273 г. тверского кн. Святослава Ярославича «с татары» на Вологду как новгородскую волость. Одновременно нападения были совершены князем и на другие сопредельные территории – Волок Ламский, Торжок и Бежицы. Возможно, в 1273 г. княжеской власти при военной помощи татар удалось отвоевать себе в Вологде свою часть. С учётом этого события яснее становятся попытки князей в последующие 30 лет внедрить на Вологде своего тиуна. Наиболее раннее указание на его существование здесь содержится в докончании Новгорода с вел. кн. Михаилом Ярославичем: в нём оно было выражено в отрицательной форме, запрещающей князю держать на Вологде своего тиуна. По мнению В. А. Кучкина, такой запрет свидетельствовал о проникновении княжеской власти и владений в район Вологды уже в начале XIV в.

По трехстороннему соглашению Новгорода, тверского кн. Михаила Ярославича и московского кн. Юрия Даниловича 1318 г. Михаил должен был восстановить границы между Вологдой как новгородской волостью и великим Владимирским княжением («по старому рубежу рубеж дати»). К этому времени можно говорить о наличии на Вологде (речь в данном случае идёт не о городском центре, а о территории-волости) сёл, принадлежащих великим князь ям, княгиням и тверским боярам, однако по условиям договора 1318 г. они должны были быть возвращены «св. Софии». Найденная в Вологде привесная печать-булла вел. кн. Дмитрия Михайловича (1322–1325) могла принадлежать какому-либо его должностному лицу здесь (скорее всего, тиуну), следовательно, внедрение княжеской власти на Вологду неуклонно продолжалось и после драматических событий московско-тверской войны 1317–1318 гг. Для понимания двойственного статуса Вологды следует исходить из представлений о территориальном разграничении двух половин (не в арифметическом смысле равенства), точнее, частей Вологды – и городского центра, и прилегающей к нему округи. Как

тогда объяснить постоянные требования новгородско-княжеских докончаний о том, что Новгород в пограничных городах мог держать посадника на своей половине, а князь – тиуна на своей половине?

Существенный перевес сил в новгородско-княжеском противостоянии на Вологде происходит на протяжении 70–90-х гг. XIV в. Новым влиятельным политическим и культурным центром на Вологде стал основанный между 1378 и 1382 гг. на средства московского вел. кн. Дмитрия Ивановича Спасо-Прилуцкий монастырь. В Житии Димитрия Прилуцкого говорится, что, придя на Вологду, он увидел *град, украшенный многими церквями*, но среди них не было ещё церкви во имя Всемилостивого Спаса на Происхождение Честных Древ и общежительного монашества. Именно это и сделал св. Димитрий – основал общежительный монастырь во имя названного праздника.

В общерусском походе на Новгород с вел. кн. Дми трием Ивановичем в 1386 г. приняли участие три рати – белозерская, вологодская и устюжская. Значит, в этих землях были сформированы военные подразделения, предводительствуемые московскими воеводами. В начале 1390-х годов на Вологде утвердились бояре московского вел. кн. Василия I Глеб Семёнович, Семён Жданов и Михаил Лушин. Ещё одно важное известие относится к 1397 г., когда в Двинской уставной грамоте Василия I впервые были отмечены *устюжские и вологодские наместники*. Им поручался сбор таможенных пошлин в великокняжескую казну на обширном Сухонском речном пути. Следующее упоминание великокняжеских наместников на Вологде (вкупе с бохтюжскими волостелями) имеется в жалованной грамоте Василия II Дионисиево-Глушицкому монастырю 1448 г.

О проникновении московского влияния и власти в ближайшие вологодские окрестности свидетельствует духовная грамота вел. кн. Дмитрия Донского 1389 г.: волости Сяму и Тошню он передавал своему младшему сыну Петру. В духовной Василия I волость Ухтюшка называлась его «куплей», упоминались также Брюхова слободка, «примыслы и прикупы» на Вологде и Тошне. Усилению московского влияния способствовало появление на Вологде землевладения великокняжеских бояр, например, Фёдора Свибла, сёла которого в Отводном на Сяме фигурировали в первом варианте духовной Василия I. Ряд московских бояр и воевод (Г. М. Перхушков, И. И. Салтык-

Травин, И. Д. Руно) имели сёла в Белозерской и Вологодской округе (Рунова слободка, Ивановское в «Остром конце», Спасское в Водожской волости).

О важном значении Вологды для Москвы в период феодальной (или династической, как её ныне именуют) войны свидетельствует присутствие здесь великокняжеских воевод Ф. М. Челяднина, В. М. Шеи, А. Ф. Голтяева, В. А. Зворыкина, Мих. Чепеткина и «многих дворян». Их взял в плен, отобрав имущество, кн. Василий Косой во время своего нападения на Вологду в 1435 г. К концу 1434 г. (не позднее января 1435 г.) В. Д. Назаров предположительно относит выдачу Василием II Кирилло-Белозерскому монастырю грамоты на городской двор в Вологде. А летом-осенью последовала, как считает учёный, выдача особой грамоты Василием II городской общине Вологды: в документе тот напрямую обращался «*к горожаном вологжаном и сотским*» относительно сбора податей с городского двора Кирилло-Белозерского монастыря наравне с остальными тяглецами. В одной статье В. Д. Назарова отмечено, что, включая кирилловский двор в общее тягло с вологжанами, Василий II демонстрировал явную заинтересованность в их поддержке как целостной группой. В преддверии новгородско-московского размежевания земель в районе Вологды такая поддержка приобретала для Василия II дополнительную мотивацию.

В сентябре-октябре 1446 г. на короткое время Вологда как удел Московского великого княжества (полученный от великого на тот момент князя Дмитрия Юрьевича Шемяки) стала местом пребывания ослеплённого Василия II с женой вел. кнг. Марией Ярославной и детьми – княжичем Иваном (будущим вел. кн. Иваном III) и Юрием. Происходит массовый отъезд к нему сюда бояр и детей боярских.

В «Повести об ослеплении Василия II» говорится, что по прибытии на Вологду тот побыл там немного и пошёл со всеми своими людьми в Кириллов монастырь, «как бы для того, чтобы накормить тамошнюю братию и дать милостыню, нельзя ведь такому великому государю оставаться в заточении в столь дальней и пустой земле». В Сказании Паисия Ярославова о Спасо-Каменном монастыре сообщается, что Василий II посетил и эту островную обитель, получив благословение от игумена Евфимия. Кирилловский игумен Трифон со старцами сняли с Василия II данную Шемяке (в Угличе) клятву не

искать под ним великокняжеского стола, взяв этот грех для отмаливания в монастыре, благословив на продолжение борьбы. Социально-политическая поддержка, оказанная тогда ему вологодско-белозерскими монастырями, способствовала успеху московского князя на заключительном этапе феодальной войны, а сами монастыри вывела на общерусский уровень авторитета. Кирилловский игумен Трифон вскоре (зимой 1447 г.) стал архимандритом придворного Спасского монастыря, затем в завещании Василия II 1461/62 г. назван его духовным отцом[1], а позднее займёт кафедру ростовского архиепископа. Уже во второй половине 1447 – начале 1448 г. общерусской канонизации удостоился Кирилл Белозерский. Святым он назван в междукняжеском докончании Василия II и Ивана Андреевича Можайского 31 марта – 6 апреля 1448 г. По повелению Василия II известный агиограф Пахомий Логофет (Серб) был послан в Кириллову обитель для составления жития преп. Кирилла. Ферапонтовский игумен Мартиниан в 1448–1456 гг. возглавит Троице-Сергиев монастырь. Старец Спасо-Каменного монастыря Паисий Ярославов позднее (в 1478–1481) также станет троицким игуменом, крестившим будущего великого князя Василия III, и кандидатом на митрополичий стол в 1484 г.

Наместники и волостели в конце XV–XVI в.

Наиболее раннее свидетельство наместничьего управления в Вологодском уезде содержится в двух грамотах вел. кн. Ивана III 1484 г.: 1) жалованной несудимой Злобе Васильеву сыну Львову на деревни в Окологородье и вол. Маслене от сентября и 2) жалованной игумену Спасо-Рабангского монастыря Феогносту от 22 декабря. Их общей чертой было установление подсудности населения светской и монастырской вотчин наместникам по высшим уголовным преступлениям – душегубству, разбою и татьбе с поличным. По своей территориальной направленности вторая грамота относилась к Заозерью, конкретно землям по Рабанге (Верхней Сухоне) – Борковской и части Засодимской волости. Вологодские наместники и их тиуны, согласно этому документу, отправляли суд над городскими людьми и участвовали вместе с игуменом или его приказчиком в «сместном суде» по делам, касающимся конфликтов монастырских крестьян с

городскими людьми. Над монастырским настоятелем и его приказчиком устанавливалась юрисдикция великого князя или его *«боярина введённого»*, этой ключевой фигуры в организации боярского суда средневековой Руси. О сохранении установленных в 1484 г. порядков для монастыря свидетельствуют последующие подписи этой грамоты – Василием III в феврале 1509 г., вел. кн. Иваном Васильевичем в феврале 1534 г. и им же в качестве царя в мае 1551 г.

В отдельные годы наместничье управление функционировало в Вологде на основе *двойного представительства*: например, в 1489 г. известны одновременно два наместника – Григорий Васильевич Поплева-Морозов и Иван Гаврилович Заболоцкий. Полагаем, что этому соответствовало и *двойное тиунство*, поскольку в 1495 г. названы *два городских тиуна* – Обрезок Паздерин и Злоба Воронцов, выступавшие в качестве судей по земельным делам, однако для данного года персонально неизвестны сами вологодские наместники. Как распределялись полномочия между парами наместников и тиунов, трудно сказать из-за крайнего лаконизма источников. Возможно, разделение между ними было территориальным – в отношении города (по половинам) и формирующихся частей уезда (пригородные волости и более отдалённое Заозерье), имевших свои исторически обусловленные особенности.

Помимо наместников, властные полномочия в отношении ряда территорий Вологодского уезда имели и должностные лица дворцовой администрации, причём их представительство тоже нередко было двойным. *Два дворцовых дьяка* – Григорий Захарьин сын Микулина и Обрюта Михайлов сын Мишурина – известны в 1530 г. в качестве послухов на земельном обмене Кириллова монастыря в вол. Тошне. Агенты низового аппарата Дворца могли действовать согласованно с выборными представителями города, и прерогативы их выходили за пределы собственно Вологды. Вологодский *дворский* Иосиф Иванов совместно с *городским сотским* М. И. Дюдковым и *земским дьяком* Т. Белевановым фигурируют в одной купчей грамоте Спасо-Прилуцкого монастыря 1531/32 г. На основе подробного изучения указных грамот сотским В. А. Кучкин отметил, что власть городских сотских могла распространяться и на население ближайшей к городу сельской округи.

При Василии III в системе общегосударственного управления заметно возрастает значение института *дворецких*, среди которых

различались так называемые большие (Приказа Большого дворца) и областные (территориальных дворцов – Новгородского, Тверского, Дмитровского, Угличского, Рязанского). Два последних дворецких – угличский и рязанский – по местническому счёту своих судей были значительно скромнее двух первых. Частота упоминания и больших, и областных дворецких в актовом материале по Вологде объясняется плотной насыщенностью и Белозерья, и Вологодчины дворцовым землевладением, а также сравнительно неплохой сохранностью, как считает М. М. Кром, архивов вологодских монастырей. Наряду с контролем над дворцовыми землями и живущим на них населением (как специализированным – сокольниками, бобровниками, бортниками, так и крестьянским), дворецкие могли исполнять некоторые общегосударственные функции. Они выдавали грамоты монастырям, что ставило церковно-монастырское землевладение под контроль государства. Полномочия дворецкого боярина Василия Андреевича Челяднина по его грамотам Спасо-Прилуцкому монастырю известны с 1509/10 г. Его финансовые прерогативы отразились в оброчной грамоте 1512 г. на мельничное место на посаде «по конец Еремеевской слободки» (здесь была церковь во имя пророка Иеремии).

Указание на то, что Вологда была «в приказе у дворецкого», впервые встречается в жалованной несудимой грамоте Василия III игумену Александро-Куштского монастыря Даниилу от 2 февраля 1508 г., хотя имени самого дворецкого в ней нет. Территориально действие документа распространялось на «Закуштскую волость» – небольшое пространство к востоку от Кубенского озера. В отношении остальных заозерских волостей о власти дворецких в 1510–1520-х гг. говорить не приходится: грамоту Спасо-Рабангскому монастырю 1484 г. в феврале 1509 г. подписал дьяк Лука Семёнов, и никакой дворецкий распоряжения об этом не давал. При подписаниях её в 1534 и 1551 гг. дворецкие также не отмечены.

В 1525 г. грамоту Спасо-Прилуцкому монастырю приказал выдать дворецкий Иван Фёдорович Палецкий, и документ этот привлекался учёными к исследованию вопроса об областных дворцах. А. А. Зимин на его основании считал, что в 1525 г. был создан Рязанский дворец, М. М. Кром – что в это время имела место кратковременная попытка организации особого областного дворца для управления вологодскими землями, однако в дальнейшем дворцовые земли и их население на

Вологде были подчинены Рязанскому дворцу. О подведомственности дворецкому ближайшей к Вологде волости Сямы ретроспективно указывает жалованная тарханно-несудимая грамота первого Самозванца от 12 сентября 1605 г. Сямскому Богородице-Рождественскому монастырю, упоминающая некую «старую жалованную грамоту». В ней был отмечен *суд дворецкого* над игуменом, старцами и слугами этой обители. Поскольку монастырь возник в Сямской волости недалеко от Вологды не ранее 1524 г. на месте явления чудотворной иконы Богородицы, то и жалованная грамота Василия III, содержащая указание на судебные полномочия дворецкого, может быть отнесена ко времени не ранее 1524 г. С. М. Каштанов датирует её 1524–1533 гг. на основании общей жалованной грамоты царя Михаила Фёдоровича Сямскому монастырю 12 мая 1624 г.

В феврале 1534 г. грамота Александро-Куштского монастыря 1508 г. была подтверждена на имя игумена Логина за подписью дьяка Фёдора Мишурина и по приказу дворецкого кн. Семёна Дмитриевича Оболенского. А в июле 1539 г. по приказу *рязанского дворецкого* Ивана Михайловича Юрьева была выдана жалованная несудимая и заповедная грамота Арсению Сахарусову на порубежные земли Вологодского (волость Лежский Волок) и Галицкого уездов.

В системе территориальных дворцов-«приказов» Вологда действительно оказалась подведомственна рязанскому дворецкому. Так, в 1541 г. В. М. Тучков-Морозов отдавал распоряжения относительно мельницы Спасо-Прилуцкого монастыря на р. Вологде. В июне того же года он совместно с тверским дворецким И. И. Хабаровым отдал по обмену Павло-Обнорскому монастырю несколько «чёрных старых деревень» и «новых пустошей» в Обнорской волости, взяв монастырское сельцо Козлятево в Раменском стане Ростовского уезда. Примечательно, что в 1541 г. в самой Вологде известны два наместника – М. Д. Бутурлин и Ф. В. Киндырев «з братьею». Этот факт устанавливается по указной грамоте вел. кн. Ивана Васильевича о ненарушении жалованной грамоты Ферапонтова монастыря. Ему принадлежало село Ивановское в «Остроколье» (местечке Острый конец) с церковью Ивана Кушника, купленное в 1480-х гг. у московского боярина Г. М. Перхушкова. Село локализуется в вол. Пельшме, следовательно, она (будучи в числе волостей, завещанных

сначала Василием II сыну кн. Андрею Меньшому, а затем «унаследованных» Иваном III) входила в территорию, подведомственную двум вологодским наместникам, а не какому-либо дворецкому.

В 1541 г. одновременно функционировали *разные* дворцовые учреждения в отношении южных частей Вологодчины: вол. Обноры (рязанский дворецкий В. М. Морозов) и северной (заозерской), где поземельные дела контролировал боярин и большой дворецкий кн. И. И. Кубенский. По его приказу 21 марта 1541 г. была выдана жалованная подтвердительная тарханно-несудимая оброчная с элементами уставной грамота сямженскому Спасо-Евфимьеву монастырю, имевшая в дальнейшем многочисленные подтверждения. Особый интерес данному документу придаёт то обстоятельство, что в нём впервые для Вологодского края (волости Сямжи) приводятся сведения о нормативах денежных взиманий на волостеля и его агентов.

Весьма показательно одновременное функционирование двух дворецких в отношении двух половин формирующегося уезда, и всё это при наличии двух наместников в самом городе. Разнообразие форм центрального и местного управления здесь налицо. Они предстанут ещё богаче, если учесть появление в 1520–1540-х гг. новых институтов и должностных лиц – городовых приказчиков и губных старост, формируемых из местной служилой среды, что было обусловлено расширением служилого землевладения на Вологде и ростом социально-политического значения детей боярских.

Полномочия рязанских дворецких в отношении южных и юго-восточных земель Вологодского уезда известны вплоть до 1550–1551 гг. При подтверждении грамоты Арсеньево-Комельского монастыря 1543 г. в июне 1550 г., сделанном по приказу боярина и дворецкого Данилы Романовича Юрьева дьяком Романом Казаковым, отмечена подсудность монастырского строителя и приказчика *«дворецкому, которого будет дворецкого Рязанской дворец в приказе»*. В последовавшем через год её подтверждении 17 мая 1551 г. юрисдикция более развёрнута и разделена на гражданскую и церковную: отмечен *суд вологодского епископа* со своим *тиуном* над игуменом или строителем и *суд дворецкого* (без указания на то, что он именно рязанский) над монастырскими людьми и крестьянами. Подпись была дьяка Юрия Сидорова, который вообще оформил большинство подтверждений в

ходе майской 1551 г. ревизии грамот русских монастырей, включая и вологодские. В позднейших подтверждениях этой грамоты (конца XVI – первой четверти XVII в.) положение о суде дворецкого уже отсутствовало, что соответствовало постепенному исчезновению данного института, системы территориальных дворцов, вообще.

Ещё один заслуживающий внимания момент в грамоте 1543 г. – это указание, наряду с вологодскими наместниками, и на *вологодских волостелей*, на основании чего *вологодскую волость* можно гипотетически соотнести с совокупностью волостей, составлявших «Вологду» новгородско-княжеских докончаний XIII–XV вв. Вероятно, прерогативы вологодских волостелей в 1540-х гг. распространялись на территорию, называемую позднее в писцовых книгах Окологородним станом (он же Городской, он же – часть Первой половины) Вологодского уезда.

В 1541–1545 гг. разнообразные полномочия в отношении спасо-прилуцких и кирилловских владений в вол. Сяме осуществлял рязанский дворецкий В. М. Тучков-Морозов. В апреле 1543 г. он по великокняжескому слову менялся землями в Ракульской волости близ Вологды с Кирилловским монастырём. В 1543 и 1545 гг. по его предписаниям посельские (управляющие дворцовыми сёлами) должны были предоставить Кириллову монастырю по 500 четв. ржи в год («чистой и не с мякиною»). К концу 1540-х гг., как считает М. М. Кром, Вологда по своей административной принадлежности настолько укоренилась в составе Рязанского областного дворца, что в выданной по приказу рязанского дворецкого П. В. Морозова жалованной грамоте Дионисьево-Глушицкому монастырю в июле 1548 г. появилась фраза о суде над игуменом самого царя или его *«рязанского дворецкого, у кого Вологда будет в приказе»*. По нашим наблюдениям, значительная часть этой фразы (за исключением прилагательного рязанский) была приведена уже в упомянутой выше жалованной грамоте Александро-Куштскому монастырю 1508 г. Вероятно, полномочия рязанского дворецкого к 1548 г. распространялись уже и на некоторые другие волости Вологодского Заозерья (Бохтюжскую прежде всего, где располагался данный монастырь и его владения).

Вопрос о времени упразднения Рязанского областного дворца остаётся в научной литературе открытым. Обычно указываются 1547–1548 гг., и связывается это со смертью В. М. Тучкова-Морозова. На

самом же деле данное учреждение существовало по крайней мере до 1557 г., поскольку в апреле 1557 г. с суда *рязанского дворецкого кн. Василия Андреевича Сицкого* была выдана правая грамота по спорному делу Корнильево-Комельского монастыря с князьями Ухтомскими в Пошехонском уезде. Значит, не только Вологодский, но и соседний с ним По шехонский уезд управлялись из областного Рязанского дворца.

Отдалённые от уездного центра северные волости, расположенные на стыке Вологодского, Важского и Каргопольского уездов, контролировались дворцовыми учреждениями сравнительно короткое время – в конце 1530-х гг., а в дальнейшем – великокняжеской казной (Приказом Большой казны) – высшим финансовым учреждением тогдашней России. В грамоте 1538 г. Спасо-Режской пустыни на «Важской верхотине» (стыке Верховажских и Тотемских земель) отмечен суд дворецкого над крестьянами. В 1540-х же гг. грамоты на монастырские владения в этих местах выдавались по распоряжению казначеев, что свидетельствует о совмещении ими своих основных – контрольно-финансовых – функций с административно-судебными. 6 июля 1546 г. по приказу казначея И. И. Третьякова была выдана жалованная грамота Спасо-Преображенской пустыни на Глубоком озере (вскоре будет приписана к Спасо-Прилуцкому монастырю, поскольку в мае 1551 г. подтверждена на имя его игумена). В этом документе был отмечен суд дворецкого в случае предъявления иска настоятелю. 14 марта 1546 г. по распоряжению казначея И. И. Третьякова дьяк Ив. Курицын (тоже, несомненно, казённый, как считает Д. Е. Гневашев) оформил грамоту о неприписке к вологодскому посаду архиерейской слободки в подтверждение более ранней (и несохранившейся) грамоты, Василия III (которая тогда же, в 1546 г., возможно, была заново подписана). Финансовые прерогативы казначея в 1546 г., таким образом, распространялись не только на северную оконечность Вологодского уезда, но и на саму Вологду, тогда как административно-судебные были сосредоточены у вологодского наместника кн. В. И. Воротынского. В отношении ближайшей к Вологде и довольно крупной, плотно населённой Кубенской волости в то время правом «боярского суда» обладал кормленщик Р. Б. Голохвастов: он мог не предоставлять свои судные списки к докладу кн. В. И. Воротынскому, а посылать их прямо в Москву к боярскому докладу.

Новыми должностными лицами, формируемыми из состава средних и мелких служилых людей, стали на Вологде с 1521 г. *городовые приказчики*. Первый из известных – это А. Филимонов, которому была направлена указная грамота Василия III о запрещении облагать оброком за сенные покосы крестьян Спасо-Прилуцкого монастыря от 18 февраля 1521 г. Грамота была выдана по приказу великокняжеского казначея Ю. Д. Шеина, а в дальнейшем дважды подтверждалась – в 1538 г. (дьяк Ф. Мишурин) и даже в 1677 г. (дьяк Ф. Артемьев).

Помимо финансовых, городовые приказчики имели и земельно-распорядительные функции. В 1530 г. городовой приказчик И. Г. Володимеров по указным грамотам Василия III измерял и межевал земли и леса Корнильево-Комельского и Кириллова монастырей соответственно в Комельской волости и Городском стане. Показательно, что Василий III в этом акте обращался к князьям, детям боярским, сотским, десятским и всем крестьянам («моим, великого князя, и митрополичим, и княжим, и боярским, и монастырским и всем без омены, кто чей ни буди») – столь полный перечень местных сословных групп напоминает преамбулу Белозерской губной грамоты 1539 г., и это позволяет усматривать несомненную общность в их развитии, тем более что территориально грамота относилась к сопредельным с Белозерьем землям. В 1532/33 г. тот же И. Г. Володимеров «разъезжал» смежные починки Павло-Обнорского и Корнильево-Комельского монастырей. В 1536 г. вологодский городовой приказчик Ф. Д. Матафтин вместе с городовым же приказчиком г. Любима разводил соседние земли Павло-Обнорского и Корнильево-Комельского монастырей в Комельской волости и Лежском Волоке. В 1542 г. городовой приказчик П. В. Ушаков присутствовал на земельном обмене.

Городовой приказчик Тебенок Михайлов и подьячий Васюк Мясново в 1550–1551 гг. производили землеописательные работы, в ходе которых заозерские села Спасо-Каменного монастыря Марьино, Филисово и Вечеслово с обширной округой из 62 деревень были положены в окладные единицы – четыре сохи с целью взимания с их населения «государевых ямских и приметных денег и всяких податей». Налоги должны были выплачиваться *сотским* князя Ив. Вас. Пенкова (вотчинника этой части уезда) в крупные княжеские села Заднее и

Никольское-Заболотье. К их же «присуду» крестьяне названных сёл по делам о высших уголовных преступлениях – разбою, татьбе и душегубству. Таким образом, в 1550-х гг. отнюдь не вся ещё территория Вологодского уезда была подведомственна агентам центральной власти. Зримым наследием удельной эпохи оставались на ней подобные «анклавы» с административно-судебными и налоговыми правами местных князей. Книги Т. Михайлова и В. Мясново 1550/51 г. упоминаются в жалованной грамоте Ивана IV Спасо-Каменному монастырю от мая 1562 г., подписанной казённым дьяком Д. В. Лазаревым, когда в связи со смертью последнего представителя старшей ветви ярославских Рюриковичей кн. И. В. Пенкова происходит унификация административно-финансового статуса вотчинных комплексов этой духовной корпорации. Сбор сведений о городовых приказчиках на Вологде (как и на Белоозере) – их персональном составе и функциях в дальнейшем следует дополнить и расширить, но даже приведённые здесь данные ставят под сомнение мысль М. М. Крома о том, что в северных городах, сеть которых была очень редкой, данный институт местного управления не был развит. На Вологде известны и *губные старосты*. Земельно-распорядительные полномочия *губного старосты* С. Ф. Волоцкого распространялись на смежные с Комельской волостью пошехонские земли, а оформил запись о размежевании земель Корнильева монастыря с кн. Ф. М. Угольским губной дьяк И. Н. Пестин (1564). Этот институт в Белозерье и на Вологде активно действовал и в опричные годы.

В спасо-прилуцкой описи 1688 г. отмечена «грамота вел. кн. Ивана Васильевича всея Россия о сыску разбойников в лист 56 г. (1547/48 г.)». Возможно, здесь имеется в виду губная грамота его сёлам, аналогичная грамотам, известным по началу 1540-х гг. для Кирилло-Белозерского и Троице-Сергиева монастырей. Не исключено существование в своё время и специальной вологодской губной грамоты. Вопрос этот нуждается в отдельном изучении. К 1555/56 г. относится указание на *губного целовальника* Масленской вол. С. Жданова (в разъезжей грамоте выборного старосты Ив. Злобина на земли Кириллова монастыря 1555/56 г.). Верстанием в службу и «роспросом» новиков (молодёжи) по Вологде в 1596 г. занимались два губных старосты – И. Вечеслов и И. Трусов.

Определение И. Злобина как *выборного старосты* склоняет к предположению о формировании на Вологде местной служилой группы детей боярских. Обратим внимание на то, что и в утверждённой грамоте на царство по избранию Михаила Фёдоровича 1613 г. от группы вологодских дворян фигурирует *выборный* Михайло Остолопов, который «в товарищев своих место выборных дворян руку приложил». Заметное усиление группы служилых землевладельцев в Вологде к 1550–1560-м годам в дальнейшем придаёт социально-экономическому и политическому развитию города и уезда вполне зримые общерусские черты. Ниже систематизированы сведения о составе наместников и волостей в ряде севернорусских городов конца XV – первой половины XVI в.

Церковное управление

О сильной пестроте, чересполосности в системе управления можно говорить применительно не только к гражданской, но и *церковной сфере.* Становление церковно-административной системы и её институтов на обширном пространстве Русского Севера было длительным и сложным. До конца XIV в. разные земли края являлись северными территориями наиболее древних епархий – Новгородской и Ростовской. В 1383 г. часть северных земель (главным образом по р. Вычегде) вошла в состав созданной Стефаном Храпом Пермской (с 1492 г. – Пермско-Вологодской) епархии. В 1658 и 1682 гг. в ходе очередного «разукрупнения» образовались три новые епархии – Вятская, Устюжская и Холмогорская. Архаические элементы первоначально проездной организации управления в виде осенне-зимнего «объезда» сельских приходов Устюжской земли владычными десятильником, доводчиком с их людьми, сбора «полюдного» корма отражены в позднейшем источнике – окладной книге Устюжской десятины Ростовской митрополии 1625 г.

Помимо *десятин* с соответствующими им десятильниками (по сути церковными наместниками) как крупных административно-территориальных единиц церковного управления, в становлении его системы большое значение имели *городские соборы* с состоявшими при них клиросами. Я. Н. Щапов считает их важной формой церковных организаций Древней Руси (до XV в.). В них велась ежедневная служба

(«вседневное пение»), их священнослужители исполняли административно-судебные и налоговые функции в масштабе своего города, они имели значение коллективного органа управления городскими церквами. Несомненный интерес представляют данные об освящении городских соборов во имя Успения Богородицы на Устюге (в 1290 г. ростовским епископом Тарасием) и в Вологде (в 1303 г. новгородским епископом Феоктистом). Никаких других столь же ранних сведений о существовании городских соборов в изучаемом регионе нет. Отмеченными акциями территориально разграничивалась юрисдикция Новгородской и Ростовской архиерейских кафедр на обширном Сухоно-Двинском пространстве. Рубеж между ними в XII–XIII в. мог проходить в районе упомянутого погоста Векшенга, а позднее в связи с усиленным потоком населения из «Низовой Руси», уходившего от ордынского разорения, был сдвинут к западу от Шуйского городка, у впадения речки Шуйки в Сухону, ставшего вторым после Устюга опорным пунктом Ростова на Сухоне.

Значение соборных церквей для Вологды и Устюга было весьма существенным в связи с тем, что длительное время города эти не являлись кафедральными. С учётом явно окраинного положения Устюга можно со всей определённостью говорить о миссионерском значении его соборного клира. До 1303 г. одним из клириков Успенской церкви был некий Симеон, отец будущего просветителя народа коми Стефана Пермского, рождение которого было предсказано наиболее почитаемым на Устюге святым Прокопием Праведным. В ней же и сам Стефан когда-то служил причетником. В ходе его миссионерской деятельности на Вычегде именно в Устюге в больших количествах приобреталась церковная утварь, необходимая для новых храмов. Кроме того, какая-то часть устюжского духовенства ушла к Стефану на Вычегду для оказания ему помощи в христианизации коми-зырян.

Для XVII в. имеются разнообразные данные о роли соборного духовенства Устюга в административно-судебной организации Ростовской митрополии: успенский протопоп с братией вместе с чёрным духовенством города (архимандритом Михайло-Архангельского монастыря, игуменами Троице-Гледенского, Иоанно-Предтеченского, Троице-Телегова, Николо-Прилуцкого монастырей) исполняли важные функции церковного суда. На имя соборного протопопа и ключаря подавались явочные челобитные от гражданского

населения. Иногда в явках, наряду с «соборянами», одновременно в качестве адресатов фигурировали и земские судейки, что свидетельствует об *известной переплетённости гражданского и церковного суда.*

Называясь «митрополичьими приказными», участники судебной коллегии обладали печатями для заверения выдаваемых документов и освидетельствования («явки») духовных грамот посадских людей и крестьян. За 1665/66 г. сохранилась записная книга троицкого игумена Афанасия и соборного протопопа Владимира Никитина «с наказных и с свидетелствованных духовных дел и с судных дел и пенным денгам». Пошлины за вступление духовных завещаний в силу зависели от размеров передаваемого по наследству имущества (количества хлеба и денег) и деревенской оценки «пожитков» умершего. С рубля денежной суммы завещания (она называлась «взяткой») бралась унифицированная пошлина в размере 2 алт. 2 деньги. Кроме того, платились «печатные» (пол-полтины), митрополичьим подьячим (1 алт.), истопникам и «подвойским» (4 ден.), иногда – казначею (полтина) и дворецкому (рубль), «почести» приказным (8 алт. 2 ден.). Налицо корпоративный характер присвоения денежных средств в рамках Ростовской митрополии в результате реализации её агентами на местах и в резиденции владыки прерогатив духовного суда и управления. Весьма плодотворными оказываются наблюдения Г. П. Енина над *системным характером феномена кормления* в России XV–XVII вв. на различных уровнях дворцового, приказного, церковного управления.

Помимо Новгородской и Ростовской кафедр, следует назвать и другую церковную институцию – Московскую митрополию, в юрисдикции которой находились отдельные северные «анклавы». В литературе процесс их складывания ещё недостаточно изучен. Например, Заозерская половина обширного Вологодского уезда вплоть до 1562 г. в церковном отношении подчинялась ростовским архиепископам (не случайно благословение на основание своих монастырей Дионисий Глушицкий и Григорий Пельшемский получали у ростовских святителей). Одна из церквей в вотчине Дионисьево-Глушицкого монастыря была во имя св. Леонтия Ростовского. По благословению московского митрополита Макария в 1546 г. некий игумен Фёдор основал Спасо-Преображенскую Глубокоозерскую пустынь на стыке трёх уездов – Вологодского, Важского и

Каргопольского. В Первой половине уезда до 1567 г. для волостей Ракула, Водога и Авнега реальностью была церковная подчинённость Московской митрополичьей кафедре, поскольку в жалованной уставной грамоте митрополита Макария 1542 г. сёла Спасо-Прилуцкого монастыря были отнесены: Выпрягово в волости Ракуле и Домшино в волости Водоге – к *Вологодской десятине*, а село Великое Воскресенское в волости Авнеге – к *Костромской десятине*. Их должностные лица (десятильники и заезщики) не имели права собирать с причетников (белого духовенства, служившего в храмах названных сёл) церковную дань и другие пошлины (сборное, петровское, рождественское), «ни к старосте поповскому с тяглыми попы не тянут». Для более раннего времени митрополичья юрисдикция «южного подбрюшья» Вологды (волости Обнора и Комела) подтверждается фактом выдачи ставленных грамот Павлу Обнорскому (в 1414) и Корнилию Крюкову (Комельскому) в 1501 г. на основание ими монастырей московскими святителями (соответственно Фотием и Симоном). Последний так прямо и указывает принадлежность Введенской пустыни: «что в моей к *Костромской десятине*».

В отношении самой Вологды следует заметить, что по мере проникновения в неё политического влияния Москвы здесь появляется группа церквей митрополичьей юрисдикции, старшим среди которых являлся не Успенский (новгородского происхождения), а другой – Воскресенский собор. Впервые в летописи он назван при описании пожара в Вологде в 1486 г. Раннее же его упоминание относится к 1557 г. в одной духовной грамоте. В связи с московской группой церквей, как нам представляется, шло формирование важной церковно-административной единицы Вологды – Владимирской *трети*, названной по церкви Сретения Владимирской иконы Богоматери. Её почитание, несомненно, распространялось из Москвы и объяснялось градозащитной ролью Богородичного образа во время татарских нашествий 1395 и 1521 гг. Две другие трети города – Успенская и Мироносицкая, судя по топографии и составу своих церквей (с учётом и их храмоименований), отражали принадлежность соответствующих частей города двум другим церковным институциям – Новгородской и Ростовской кафедрам. На митрополичью принадлежность части вологодских церквей указывает находка И. П. Кукушкиным в старой части города (на Верхнем посаде, в районе ул. Парковой) двусторонней

прикладной «печати Зазирки», усвояемой им митрополичьему слуге середины XV в. Парфению Зазирке (на основании его упоминания в «Ономастиконе» С. Б. Веселовского и актах московской митрополии).

1 марта 1492 г., как говорится в Вологодско-Пермской летописи, Иван III по совету с московским митрополитом Зосимой и новгородским владыкой Геннадием передал пошлины с церквей в городе и на посаде, прежде находившихся под юрисдикцией Новгородского архиепископа, а также митрополичьих церквей в городе и на посаде в ведение епископа Пермского Филофея. Несмотря на отказ Новгорода от Вологды по Яжелбицкому договору 1456 г., в Коростынском соглашении 1471 г. юрисдикция новгородского архиерея над вологодскими церквами ещё признавалась («а на Волоце и на Вологде владыце церкви и десятина и пошлина своя ведати по старине»).

С 1492 г. наметился новый этап формирования церковно-административной и финансовой структуры города и уезда, однако обрисовать его можно лишь в самых общих чертах. Был составлен список церквей, передаваемых в ведение Пермской кафедры. В описи царского архива 1575–1584 гг. упоминается «…ящик 150. А в нём грамота Симона митрополита и Геннадия архиепископа Новгородского Пермскому владыке на церкви». В пермских актах конца XV в. должностные лица владыки называются «слугами» и «десятильниками». Формирование Вологодского уезда происходило практически одновременно со складыванием его церковно-административной, десятинной структуры.

В грамотах пермско-вологодских архиереев 1556 и 1562 гг. фиксируются три десятины – *Окологородняя*, *Кубенская и Заозерская.* Полагаем, что Окологороднюю и упомянутую выше Вологодскую десятины можно считать «синонимичными», включавшими ближайшие к городу волости (типа Ракулы, упомянутой в грамоте митрополита Макария в 1542 г.). К Кубенской десятине относилась даже часть деревень комплекса Сизьма (Кириллова монастыря), расположенных достаточно далеко от южной оконечности Кубенского озера в белозерскую сторону. Белозерская же часть Сиземского вотчинного комплекса в церковном отношении подчинялась ростовскому архиерею. Разграничение сиземских деревень на белозерскую и вологодскую группы маркирует как раз исторический рубеж Белоозера и Вологды

как обширных территорий. Всего в местности Сизьма в результате интенсивного земледельческого освоения к середине XVI в. образовалось шесть приходов. В Белозерской половине это были: Ильинский («в Чаромских»), Кирилловский («на Колинце») и Богородице-Рождественский («в Запогостье»). В Вологодской половине: Николо-Трёхсвятительский, Богородице-Рождественский («в Оночисти») и Георгиевский («на Усове»).

Ещё один вотчинный комплекс Кириллова монастыря – Рукина Слободка – также состоял из двух частей – вологодской и белозерской, соответственно и церковная юрисдикция в их приходах была разная – Вологодского и Ростовского архиерея. На Белоозере же администрация ростовского владыки сложилась намного раньше, будучи представлена десятильниками, доводчиками и данщиками – термины эти в разных сочетаниях и контекстах фигурируют и в Белозерской уставной грамоте 1488 г. (ст. 17), и в ряде актов Кириллова монастыря второй половины XV в.

Формирование территориальных структур Вологодского уезда в гражданском (его Заозерской половины) и церковном (Заозерской десятины епархии) отношении происходило практически одновременно. Так набирает силу тенденция к более строгой соотнесённости административных и церковных границ, но до полного её осуществления потребуется ещё немало времени.

Наряду с десятинами и соборными церквами важную оганизующую роль в консолидации белого и чёрного духовенства играл институт *архимандритии*. Окружная грамота митрополита Макария от 26 февраля 1547 г. по поводу московского канонизационного собора была адресована во «всю Вологодскую и Белозерскую *десятину*» и составляющие её «звенья» – архимандритам, игуменам, протопопам, градским и сельским попам и дьяконам. Но насколько соответствует действительности упоминание в грамоте именно архимандритов? В тот момент о существовании архимандритии в пределах митрополичьей десятины в Вологде и на Белоозере можно говорить только применительно к домовому Воскресенскому Череповецкому монастырю (в Белозерском уезде), первые архимандриты которого отмечены в справочнике П. М. Строева под 1461 г. Ни тогда, ни позже архимандритии не имел старейший в Белозерском крае Троицкий Усть-Шехонский монастырь.

На пространстве Вологодско-Пермской епархии высокий сан архимандрита впервые получил настоятель Спасо-Каменного монастыря Афанасий не ранее декабря 1560 г. и не позднее мая 1562 г. Скорее всего, это произошло в связи с ликвидацией владельческих прав ярославских князей (со смертью в 1562 г. последнего представителя их старшей ветви кн. Ив. Вас. Пенкова) на заозерскую часть спасо-каменской вотчины, а также в связи с окончательным переносом на Вологду архиерейской кафедры. Хронологическая грань этого события определяется тем, что в декабре 1560 г. при игумене Афанасии из Москвы в монастырь был привезён колокол, а в мае 1562 г. в жалованной грамоте Ивана IV тот же Афанасий уже поименован архимандритом. Поскольку в 1558 г. при игумене Афанасии в монастыре строится церковь во имя Усекновения Честные Главы Иоанна Предтечи (небесного патрона царя), то без личного благоволения монарха к настоятелю здесь не обошлось, что могло сыграть роль в получении им высокого звания архимандрита.

И хотя Спасо-Прилуцкий монастырь был намного ближе расположен к городу, предпочтение всё же было отдано островному, но зато более древнему (первому в Вологодских пределах, как говорилось в Повести о Троицком Усть-Шехонском монастыре) Спасо-Каменному монастырю. Допустимо предположение, что тем самым их политический вес в какой-то степени уравнивался: основатель Спасо-Прилуцкой обители Димитрий имел общерусское почитание, а Спасо-Каменный монастырь, желаемый «кандидат» которого на такой же статус князь-инок Иоасаф Каменский из-за своей удельнокняжеской принадлежности не имел шансов стать общерусским святым, обрёл архимандритию. Не исключено, что свою роль сыграл и больший на тот момент экономический потенциал Спасо-Каменного монастыря по сравнению не только со Спасо-Прилуцким, но и с любым другим тогдашним монастырём Вологодско-Пермской епархии.

Учреждение архимандритии в Спасо-Каменном монастыре (хотя он и не являлся в строгом смысле городским) способствовало сословной консолидации, пусть и сравнительно поздней, в Вологодской епархии, чёрного духовенства, воплощало в себе его «представительство». Во всяком случае, спасо-каменские архимандриты присутствовали практически на всех церковных и

церковно-земских соборах конца XVI–XVII в. и первыми ставили свои подписи под соборными актами.

Первым настоятелем, получившим почётный титул архимандрита, в рамках Устюжской десятины Ростовской епархии стал глава Михайло-Архангельского монастыря (не позднее 1510 г.). Отметим близость судебного статуса этой обители и соборной Успенской церкви – для обоих в XV-начале XVI в. существовал единый срок по предъявлению гражданских и духовных исков – Сретение. Второй после Михайло-Архангельского монастыря в Устюжском крае была архимандрития во Введенском Сольвычегодском монастыре, установленная не позднее 1605 г. В грамоте Ростовского митрополита Кирилла о поминовении умершего царя Б. Ф. Годунова от 19 марта 1605 г. церковная организация Сольвычегодска и Усольского уезда выглядит вполне сложившейся – помимо Введенского архимандрита, в неё входил протопоп соборной Благовещенской церкви, игумены второстепенных монастырей, попы и дьяконы посадских церквей. В рамках отдельно взятых севернорусских городов с прилегающей к ним округой соборные церкви (с их протопопиями) и институты архимандритии играли организующую местное белое и чёрное духовенство роль.

В более раннее время, при отсутствии института архимандритии, организация чёрного духовенства Белозерско-Вологодского края по-своему была иерархична. В этом отношении показательна грамота вел. кнг. Марии Ярославны в Кириллов монастырь о поминовении Пафнутия Боровского 1477–1482 гг. В ней Кириллов, Ферапонтов и Спасо-Каменный монастыри получали на поминальную «кормлю» по 3–4 руб. «и с тем, монастырями, которые к ним тянут». Группа других монастырей в соответствии с получаемой «кормлей» – 1,5 руб. – занимала более младшее положение (Павлов Обнорский, Спасо-Прилуцкий, Николо-Озерский, Покровский Сямженский), а далее указывался Покровский Глушицкий (1 руб.), белозерские Никитский на Шексне и Троицкий Усть-Шехонский (по 25 алт.) монастыри.

О существовании епархиальной иерархии монастырей свидетельствует опубликованная В. С. Румянцевой «Вологодская степень», а составлена была она в архиерейском доме в 1620-х гг. Не случайно в ней на первое место был поставлен именно Спасо-Каменный монастырь, на второе – Спасо-Прилуцкий. Иногда царская власть вмешивалась в соблюдение «субординации» монастырей. В

1647 г. царь Алексей Михайлович предписал Вологодскому архиепископу Маркеллу соблюдать в рамках «освященного собора» своей епархии старшинство игумена Дионисьево-Глушицкого монастыря над игуменом Корнильево-Комельского, чтобы игумен последнего Антоний не «отымал то место» у глушицкого настоятеля. Такое решение было принято царём на основании разысканной среди документов Приказа Большого дворца более древней «Вологодской степени». Сама же деятельность института соборного представительства в Вологодской епархии XVII в. осуществлялась и в форме соборных заседаний при владыке, и в коллективных богослужениях «о государевом здравии и всего православного христианства».

Когда в 1651 г. архимандрития была наконец учреждена в Спасо-Прилуцком, именно эти два архимандрита (спасо-каменский и прилуцкий) стали олицетворять верхушку духовного приказа архиерейской кафедры во второй половине XVII – начале XVIII в. В опубликованной В. Ундольским книжной описи степенных монастырей 1653 г. три вологодских монастыря расположены в следующем порядке: Спасо-Каменный, Спасо-Прилуцкий, Дионисьево-Глушицкий (Покровский).

Большинство остальных монастырей получили архимандритию сравнительно поздно: устюжский Троице-Гледенский – в 1692 г., вологодский Корнильев-Комельский – в 1683 г., вологодский Павлов Обнорский – в 1694 г., тотемский Спасо-Суморин – в 1686 г. (последний – наверняка в связи с учреждением Устюжско-Тотемской епархии в 1682 г.). Тогда-то вся организация чёрного и белого духовенства в рассматриваемых нами северных епархиях получает законченный и целостный вид. В завещании архиепископа Великоустюжского и Тотемского Александра 1699 г. церковная организация обрисована так: архимандриты (их было уже три – устюжские Михайло-Архангельский, Троице-Гледенский и тотемский Спасо-Суморин монастыри), игумены (Иоанно-Предтеченского, Николо-Прилуцкого и Троице-Телегова монастырей), соборяне (протопоп и ключарь), градские священники с диаконы. Кроме того, имелась должность домового архимандрита, архиерейского казначея-старца Иоасафа.

Очерк 4. Опричнина и Смута

Опричнина

Что на славное реке Вологде,
Во Насоне было городе,
Где доселе было Грозный царь
Основать хотел престольный град…[2]

К моменту учреждения опричнины Ивана Грозного Вологда представляла собой, судя по иностранным свидетельствам (например, английского путешественника Антонина Дженкинсона), большой торговый город. Побывав здесь в 1557 г., он отметил обилие принадлежащих вологжанам дощаников, курсирующих между низовьями Двины и Вологдой для доставки соли с Белого моря. К этому же времени Вологда была также крупным хлебным рынком на севере.

Точное хронологическое указание на фактическое включение края в опричнину (на основании царского указа о её учреждении 5 января 1565 г.) содержится в грамоте Ивана IV от 18 февраля 1566 г. – *«Вологда и вологоцкие дворцовые сёла взяты в опришнину»*. Крупные массивы дворцовых земель располагались главным образом в Заозерской половине уезда, а возникли незадолго до опричнины – после смерти последнего ярославского владельного князя И. В. Пенкова в 1562 г. Именно тогда прежде единое «вологодское письмо» было разделено «надвое» – для Заозерья и Первой половины уезда, и землеописательные работы стали производиться двумя разными писцовыми комиссиями.

Во второй половине 1560-х гг. в Вологде проживали и учитывали налоговые сборы видные дьяки опричной казны – Д. В. Лазарев, П. Григорьев и У. Л. Пивов. На Вологде дьяк Дружина Лазарев подписал указную царскую грамоту от 20 апреля 1567 г. о невзимании с Кирилло-Белозерского монастыря таможенных и мытных пошлин на Чаронде «и во всех городах нашей опричнины». На Вологде была также написана адресованная опричному казначею У. Л. Пивову указная царская грамота от 12 июня 1569 г. о записи за Кирилло-Белозерским

монастырём его новых промысловых и городских владений в Каргопольском и Турчасовском уездах. В «Летописце» Ивана Слободского (написан в 1716 г.) про опричнину сообщается, что *«тогда были вологжанам великие налоги от строения града и судов»*. В новейшей монографии В. А. Аракчеева предложено такое определение: *фискальный террор*, на принципах которого строились взаимоотношения опричных властей с земскими мирами, когда волостям и посадам во главе с земскими старостами адресовывались нарастающие требования выплаты налогов.

Делами на Вологде в 1567–1569 гг. руководил «государев боярин» (член опричной Боярской думы) И. А. Бутурлин. Иван Грозный в грамотах называл его *«своим государевым боярином»*. По мнению В. Д. Назарова, в его широких по объёму прерогативах сочетались функции опричного дворецкого и наместника. Одним из представителей земских властей на Вологде в это время были «градской сотский» С. Лухтанов и земский судья О. Естратов «с товарищи». Имеется документальное свидетельство о подаче им жалоб на произвол людей (холопов) опричного боярина И. А. Бутурлина. Верхушку посадской общины составляли «мужи» Г. Р. Городчиков, Ф. М. Цветков, В. Е. Торопынин.

Известно и об опричных казнях на Вологде весной 1569 г., а некоторые жертвы позднее были занесены в «синодик опальных» грозного царя. В списке синодика из Спасо-Прилуцкого монастыря отмечены какой-то «помяс» (мясник? – *М. Ч.*) и три плотника. Возможно, казнь последних была обусловлена недовольством государя ходом каменного строительства в Вологде. Альберт Шлихтинг сообщает о голоде как главной тяготе стройки для людей. В Соловецком летописце говорится о «гладе великом в лето 7076-ое», когда четверть ржи стоила на Москве 1,5 руб.

Для возведения крепости был приглашён английский инженер Хэмфри Локк. Тогда же английские специалисты привлекались для широкомасштабного судостроения. По словам английского посла Джерома Горсея, в Вологде было построено 20 речных судов. В июне 1569 г. в Вологде велись тайные переговоры Ивана Грозного с английским послом Рандольфом. Со времени опричнины можно говорить о регулярных торговых контактах Вологды с Северной Европой.

Церковный центр Вологды был перенесён с Ленивой площадки к Соборной горке. Недалеко от неё был возведён деревянный государев дворец с домовой церковью «Богоотец Иоакима и Анны» (Анной звали бабку Ивана IV, мать Елены Глинской). В 1569–1571 гг. Вологда окончательно стала центром Вологодско-Пермской епархии. В 1571 г. территория её была расширена за счёт присоединения Двины, Каргополя и Ваги, ранее принадлежавших Новгородской кафедре. Следовательно, и объём денежных поступлений в архиерейскую казну возрос. Правда, после смуты эти города вновь были возвращены Новгородской епархии.

Организация чёрного духовенства, напомним, была укреплена введением по распоряжению царя института *архимандритии* – первым носителем этого высокого звания стал настоятель старейшего монастыря в крае – Спасо-Каменного Иоасаф, известный позднее как кирилловский соборный старец, упомянутый в грозненском Послании в Кирилло-Белозерский монастырь 1573 г. В эти годы в Вологде находился крупный стрелецкий корпус из 500 чел., а земля для их размещения была взята у дворцовых пригородных сёл Турунтаева и Кобылина. Была упорядочена транспортная служба (организованы две ямские слободы – Кирилловская и Московская). В Вологде были сконцентрированы большие денежные и оружейные запасы государственного значения. Сюда были доставлены триста отлитых в Москве пушек.

В зиму 1566 г. в Вологде (дотоле сплошь деревянной) началось большое каменное строительство, а необходимую для него известь жгли в тотемской волости Уфтюге. Были снесены жилые строения в районе размещения «старой владычной слободы» на правобережье реки Вологды (Д. Е. Гневашев локализует её от церкви Зосимы и Савватия Соловецких до церкви Рождества Богородицы на Нижнем долу) – здесь поселились прибывшие из других городов каменщики, а ещё были складированы большие запасы камня и других стройматериалов. Построенный в камне Софийский собор имел придел во имя Иоанна Предтечи (соименного царю) и Фёдора Стратилата (небесный ангел его сына Фёдора). Софийский собор первоначально предполагалось назвать Успенским, а Софийский – это, возможно, выражение некоей преемственности с прежней новгородской церковной юрисдикцией Вологды (к дому Св. Софии). Впрочем, одна из первых соборных

церквей Вологды новгородской юрисдикции тоже была Успенской. Противоположное мнение высказано А. А. Зиминым – он понимал наименование Софийский как резкое противопоставление опричной Вологды *земскому* Новгороду Великому с его Софийским собором. «Софейской» была названа и одна из башен вологодской крепости (с Софийскими воротами). Софийский собор и ряд построенных при царе церквей внутри крепости (Благовещенская, Ризоположенская, Николы Великорецкого, Знаменская и др.) получили от него жалованные грамоты на земельные угодья близ города и на ругу (ежегодное денежное и натуральное содержание). В дальнейшем практически все эти документы были утрачены в трагические дни «Вологодского разорения» 22–25 сентября 1612 г., и лишь некоторые были возобновлены новым правительством Романовых после смуты.

В июле 1567 г. вологодский *губной староста* Р. П. Розварин передал по царскому распоряжению Кириллову монастырю село Тимово, завещанное служилым человеком И. Л. Злобиным. Передача была произведена по челобитью игумена Кирилла, поскольку крестьяне села не хотели ему подчиняться («не слушали»). К 1567/68 гг. относится сотная Розварина на три села, переданных Спасо-Каменному монастырю по душе умершего князя Пенкова в Заозерской половине Вологодского уезда – Марьино, Вечеслово и Филисово. В марте 1569 г. лично И. А. Бутурлин передал Спасо-Каменному монастырю две деревни к селу Пучке – Бережок и Подозерное – в дворцовой Сямской волости взамен отобранной у обители дер. Колычевой (под городской «подскотиной»). В 1569 г. (или около того) губной староста Н. И. Шелков по наказу опричного боярина И. А. Бутурлина отделял поместья группе «осочников» (дворцовых слуг) в Комельской волости.

На «государев дворовой обиход» зимой 1569 г. высекли 2 версты леса Корнильево-Комельского монастыря в Обнорской волости. В возмещение корпорация получила там же в сентябре 1569 г. 12 оброчных пустошей по указной грамоте И. А. Бутурлина и дьяка Н. Титова. В акте эти пустоши (заброшенные ещё с конца 1530-х годов, когда был опустошительный татарский набег 1538 г. на устюжские, тотемские и вологодские места) определены как оставшиеся «за поместною раздачею». Возможно, с опасением каких-то репрессий был связан книжный вклад архиерейских бояр Д. Я. и М. Я. Беляевых в Корнильев монастырь Евангелия-тетр. В 1568–1571 гг. в Обнорской

волости была испомещена группа видных членов опричного двора (Васюк Грязного, С. Ф. и М. Ф. Мишурины, М. А. и Ю. А. Темиревы, Н. В. и Г. В. Хитрые, П. И. Таптыков, В. Желнырский, И. Зезюзин). Всего им было роздано около тысячи четвертей живущей, переложной и пустой земли, сотни копен сена и десятин пашенного леса, десятки лугов. В 1584 г. этим крупным массивом будет уже пожалован Спасо-Нуромский монастырь «новоявленно чудотворца Сергия Нуромского».

Помимо частичных конфискаций у монастырей, есть примеры и закрепления за ними собственности – в 1569 г. Николо-Катромский монастырь в Заозерской половине уезда получил от Грозного грамоту с подтверждением своих прав на вотчины, данные в своё время ещё князьями В. Д., И. Д. и И. В. Пенковыми. С учётом чёрносошных земель Николо-Заболоцкой волости в Заозерской половине Вологодского уезда были связаны землеописательные работы Г. Оксентьева и подьячего Ж. Мартьянова.

Крупные земельные массивы в вол. Авнеге получили И. А. Бутурлин и Малюта Скуратов (Г. Л. Бельский). «Ивановское поместье Бутурлина» ретроспективно упомянуто в одной отдельной выписи 1610 г., а «Малютинское поместье Скуратова» – в приходо-расходной 1627/28 и окладной 1628 г. книгах Вологодского архиерейского дома. Оно представляло собой особенно крупный владельческий комплекс из 12 приходов на Сухонском правобережье (волости Авнега и Шилегда), а на левой стороне реки доходя до Наремской слободки включительно. Учитывая гибель Малюты Скуратова в битве у крепости Пайды в Ливонии в 1573 г., получение им столь крупного массива можно датировать временем до указанного срока, скорее всего в 1569–1571 гг. В волости Авнеге на Сухонском правобережье крупный владельческий комплекс – село Никольское Старое – был пожалован другой видной опричной фамилии – Басмановым.

К периоду опричнины можно предположительно отнести основание под Вологдой монастыря – Дюдиковой пустыни (с храмом Рождества И. Предтечи), приписанной к московскому Николо-Угрешскому монастырю. В церковной ризнице Иоанно-Предтеченского храма ещё в XIX в. хранились какие-то местные записи об эпидемии в 1571 г. С Николо-Угрешским монастырём была связана ещё одна небольшая обитель – Ефремова, она же Леонидова, она же Режская, она же Спасо-Николаевская пустынь в Тотемском уезде у впадения р. Режи

в Вагу. На основании духовной Феодосия Суморина 19 декабря 1567 г. можно считать, что пустынь эта на указанный момент была подчинена уже основанному им в Тотьме Спасо-Преображенскому монастырю. В самой Вологде около 1567/68 г. на средства царя был основан (либо возобновлён) Ильинский мужской монастырь для 23 старцев, содержание которого осуществлялось за счёт денежной и хлебной руги. Руга в виде доходов с «конной пролуби» была пожалована царём, вероятно, в опричные годы церкви Афанасия Александрийского на р. Золотухе.

Противостояние опричной и земской администрации в ту пору отразилось в явочной челобитной некоего Митьки Яковлева с. Коваля (вероятно, ремесленника-кузнеца) вологодским земским судьям О. Г. Естратову «с товарищи» 1567/68 г. В явке указана судебная изба («судебна») на площади. Под последней, вероятно, следует понимать Старую площадь, где располагались церкви Николая Чудотворца и Афанасия Александрийского, хотя не исключено, что могла иметься в виду площадь у церкви Дмитрия Чудотворца, упомянутая в духовной И. Л. Злобина 1557 г. Чем закончился данный конфликт, неизвестно. Ретроспективные данные об опричнине можно видеть в показаниях отписной книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1593 г. о масштабном «государеве жалованье» в виде 62 серебряных сосудов и нескольких книг, а также ризах и книгах архимандритов столичных монастырей – Чудова (Христофор) и Ново-Спасского (Яким). Они могли оказаться на Прилуках во время опричнины или в послеопричные годы в ходе репрессий против духовенства.

Повседневную жизнь на Вологде в опричные годы отражает приходо-расходная книга Павлова Обнорского монастыря 1568–1570 гг. Из неё можно узнать об ассортименте покупаемых и продаваемых на местном рынке товаров и ценах на них: например, десть бумаги – 5–12 денег, сукно – 4–5 алт., «суконцо» – 10 ден., один холст – 5 ден., сермяга – 2 алт., «сермяженка» – 1 алт., кожа белая – 5 алт., шуба – 5 алт., плуг – 3 ден. (что представляется нам слишком заниженной суммой, либо это опечатка в издании), коса-литовка – 1 алт., сани – 75 коп., осётр – 7 алт. Приводятся расценки труда детёнышей и работников, сведения о крестьянских переходах. К сожалению, в данном источнике нет сведений о хлебных ценах, что позволило бы проверить известие соловецкого летописца о «лихом поветрии» (море), голоде и как

следствии его – хлебной дороговизне в 1568 г. В подтвердительной подписи 1578 г. у духовной вологодского служилого человека Г. Ф. Матафтина 1571 г. мор и лихое поветрие отмечены в связи с тем, что писец духовной и один из послухов умерли во время этих печальных событий.

Вопрос о времени взятия в опричнину **Белоозера** остаётся открытым. О том, что царь планировал массовый приезд в Кириллов монастырь со своим опричным двором, свидетельствует его указная грамота от 22 октября 1565 г., в которой он сообщал братии о посланном им дворцовом слуге (сытнике) И. Трусове. Братии предписывалось: «меды и квасы ставити и пиво варити, да и погребы бы естя ему (И. Трусову. – *М. Ч.*) дали, где ему наши меды и пива ставити по тому ж, где преж сего к нашему приезду меды и квасы ставили. А как к медвеному бы естя ставленью и к пивом велели сытнику давати котлы и чяны, и мерники, и площадки, и бочки, и сита, и решеты, и делавцов, и дрова, сколко будет ему надобе».

Об особо доверительных отношениях царя Ивана IV со старцами Кирилло-Белозерского монастыря свидетельствует его знаменитое послание игумену Козьме с братией 1573 г. В нём он вспоминает (не без присущего ему фарисейства и ханжества) свои приезды в обитель и даже импульсивное желание там постричься: «*…Ибо вы помните, святые старцы, как некогда случилось мне прийти в вашу обитель Пречистой Богородицы и чудотворца Кирилла и как совершилось по воле провидения, по милости Пречистой Богородицы и по молитвам чудотворца Кирилла, я обрел среди тёмных и мрачных мыслей небольшой просвет света Божия и повелел тогдашнему игумену Кириллу с некоторыми из вас, братия, тайно собраться в одной из келий, куда и сам я явился, уходя от мирского мятежа и смятения и обратившись к вашей добродетели. Был тогда с игуменом Иоасаф, архимандрит Каменской, Сергей Колычев, ты, Никодим, ты, Антоний, а иных не упомню…*» Действительно, в составе кирилловских соборных старцев опричных лет известны и игумен Кирилл II (1564–1572), и Антоний Зайцев, и Сергей Колычев, и казначей Никодим Брудков, и бывший каменский архимандрит Иоасаф.

А. С. Пушкин в трагедии «Борис Годунов» поэтически обыграл грозненские признания:

Отцы мои, желанный день придёт,
Предстану здесь, алкающий спасенья.
Ты, Никодим, ты, Сергий, ты, Кирилл,
Вы все обет примите мой духовный:
Прииду к вам, преступник окаянный,
И схиму здесь честную восприму,
К стопам твоим, святый отец, припавши…

Часть Белозерья была взята в опричнину уже в 1565 г. – это было крупное село Чаронда на озере Воже и несколько деревень, отобранных у Кириллова монастыря. Взамен в качестве равноценного возмещения корпорации были обещаны земли из дворцовой Ирдомской волости, которые в апреле 1566 г. ей должен был передать губной староста Я. М. Гневашев-Стогинин. Подробно изучивший историю рода Гневашевых-Стогининых современный молодой исследователь Д. Е. Гневашев определяет Якова Михайловича как крупнейшего представителя земских властей на Белоозере, тесно связанного с рядом местных титулованных фамилий – князьями Кемскими, Ухтомскими, Дябринскими, Шелешпальскими.

В июне 1566 г. он же по предписанию царя должен был выслать кн. П. А. Ухтомского из его родового села Семеновского в Пошехонье. В ноябре 1568 г. ему же было поручено перевести во владение Кириллова монастыря часть вотчины казнённого «за измену» боярина, главы земской думы И. П. Челяднина-Фёдорова (село Воскресенское, тогда как другое село – Богоявленское – было взято в опричнину, поступив в состав дворцовых земель). Вскоре Я. М. Гневашев составил отписные книги Фёдоровской вотчины. Статус Белозерского уезда В. А. Колобов определяет как смешанный земско-опричный. Прерогативы земских губных старост до 1571 г. распространялись как на опричную, так и на земскую территории обширного уезда. Помимо губного старосты, на Белоозере известен городовой приказчик М. Г. Бухарин. Согласно царской указной грамоте от 28 ноября 1566 г., Кириллов монастырь с недавно полученных им новых земель с пол-трети сохи должен был платить «за ямские и приметные деньги, городовое и засечное дело и за ямчугу».

В марте 1571 г. Я. Гневашеву (как земскому) вместе со вторым губным старостой М. Лихоревым (как опричному? – *М. Ч.*) был

направлен царский наказ, состав «адресатов» которого полностью воспроизводил аналогичный Белозерской губной грамоты 1539 г.: князья, дети боярские, отчинники и помесчики, все служилые люди, старосты, сотские и десятские, крестьяне и дворцовые слуги всех категорий, «все без омены, хто чей ни буди». На основании его А. А. Зимин предположил разделение центрального разбойного ведомства на земское и опричное. Для правонарушителей-«опришинцев» был установлен особый судебный округ с равными прерогативами опричных и земских губных старост.

После последнего упоминания Я. Гневашева в источниках (как раз в губном наказе 1571 г.) он, возможно, был казнён. Здесь могли сыграть роковую роль его связи с известным земельным спекулянтом М. С. Вислого, также казнённым в опричнину. Понесли земельные и физические потери и другие представители родственных кланов Гневашевых-Губиных-Стогининых. Их богатая вотчина село Куность была конфискована царём, и высокому положению данного рода на Белоозере, его экономической мощи, генеалогическому единству был нанесён непоправимый урон, хотя некоторые из них служили: кто – в земщине, кто – в опричнине, становясь рядовыми помещиками. Подвергли конфискации земли и других нетитулованных вотчинников края – С. В. и Н. В. Ергольских, А. И. Бурухина.

Ещё одной страницей опричной истории на Белоозере стала конфискация ряда родовых вотчин у белозерских князей (Андомских, Вадбольских, Шелешпальских) – это также серьёзно подорвало экономические корни данных корпораций. Отмеченный процесс детально прослежен в неопубликованной кандидатской диссертации А. Л. Грязнова и ряде его многоплановых содержательных статей. В первой четверти XVII в. (как было замечено в литературе – А. И. Копанев, А. А. Новосельский, А. Л. Грязнов) практиковалось возвращение фрагментов родовых вотчин потомкам белозерских князей, иногда уже на поместном праве. Другие их потомки стали теперь помещиками в разных уездах России (Пошехонском, Новгородском, Великолуцком). Незадолго до официального учреждения опричнины были репрессированы кн. А. И. Кемский и В. С. Фуников (из ветви тех же Кемских). В начале опричнины в казанскую ссылку попал кн. В. Г. Вадбольский-Чесноков. В писцовой книге езовых волостей 1585 г. Вадбольская волость имела уже

чёрносошный, государственный статус. То же самое можно сказать и об Андомской волости. Не позднее ноября 1564 г. вотчины князей Андомских в ней также были конфискованы.

Так менялась структура землевладения на Белоозере: фонд вотчинно-родовых земель сокращался (иногда от этого Кириллов монастырь выигрывал, как и в других уездах влиятельные монастыри – подмосковный Троице-Сергиев, суздальский Спасо-Евфимьев), а дворцовых и чёрных – расширялся, что возымеет важное значение в дальнейшем (после смуты) – в массовом испомещении на них служилых людей из западных уездов страны (Смоленск, Вязьма, Дорогобуж, г. Белой). Из сословно-статусной территориально-родственной группы потомки белозерских князей во второй половине XVI – начале XVII в. превращаются в рядовых служилых помещиков, а некоторые начинают служить церковным иерархам (Шелешпальские – московскому патриарху в Костромском у.; Дябринские – вологодскому архиерею в Вологодском у.), причём эта их служба становится наследственной. Из рода Вадбольских происходил один из первых вологодских воевод – князь Иван Михайлович Вадбольский, известный в 1584 г. Ещё одна трагическая страница белозерской истории периода опричнины – это кровавая расправа Грозного над монахинями женского Горицкого Воскресенского монастыря в 1569/70 г., главной из которых была кнг. Евфросинья Старицкая.

В 1560-х гг. **Устюжна Железопольская** с округой находилась в уделе у вдовствующей княгини Ульяны (старицы Александры), бывшей невестки Ивана IV, жены его младшего брата Юрия Васильевича. Статус города и округи был подтвержден в 1570 г. А. А. Зимин считал такое пожалование «удельным последышем» чисто номинальным (одновременно с Устюжной княгиня Александра получала город Кременск). Вскоре подобные последыши будут ликвидированы. С этим мнением вряд ли можно согласиться, ведь и в дальнейшем (как показано в специальной статье И. В. Пугача) Устюжну продолжали давать во вдовьи уделы – сначала старице Марфе (М. Ф. Нагой), затем старице Дарье (Анне Колтовской – четвёртой грозненской жене). В годы опричнины на Устюжне (как и Белоозере, Вологде) известны губные старосты (в 1568 г. Русин Досадин), хотя, как пишет А. А. Зимин, суровый опричный режим не способствовал укреплению

выборного дворянского управления. Однако посадское самоуправление в данном городе продолжало действовать в полном объёме.

В 1567 г. была составлена сотная на посад Устюжны И. И. Плещеева и Г. Н. Беспятова – ценный источник для изучения финансовой политики в годы опричнины в отношении городов. Ею был установлен оклад «*пищальных денег*» в Приказ Большого прихода 105 руб. Описанные в сотной 730 посадских дворов по степени платежеспособности были распределены на лучшие, средние, молодшие и «добре худые». Были обложены тяглом также 26 дворов Рыболовной слободки, которые прежде платили облегченный оброк. Окладную единицу – посадскую соху – составляли 35 дворов лучших, 60 средних, 85 молодших и 100 – «добре худых» людей. На содержание администрации княгини вдовы Александры (приказным людям и дьяку) и ей на обиход был установлен платеж по 15 руб. с сохи плюс пошлин по 2 алт. с рубля. Им же ещё предусматривались оброчные выплаты за посадские подгородние угодья. В разверстке налогов и оброков прерогативы принадлежали общине: *«чем кого посацкие люди обложат по их промыслишком и животишком»*.

Судя по этой сотной, в окрестностях города за счёт бывших посадских земельных угодий получили новые для себя вотчины и поместья служилые люди, у которых «в розных городех были взяты их старые поместья и вотчины *на государя в опришнину к дворцовым селом*». При этом земские целовальники должны были «беречи накрепко», чтобы посадские люди не продавали и не отдавали в заклад свои угодья новоявленным помещикам и вотчиникам. Было поимённо названо 6 чел. – «а целовальников выбирают и переменяют все посадцкие люди сами промеж себя, кому верят, с Устюжны ж».

Прекращение широкомасштабного каменного строительства в Вологде и отъезд царя с его двором объяснялись «великим мором» 1571 г., охватившим многие города севера, а ещё опустошительным нашествием крымского хана Девлет-Гирея на Москву и ряд центральных уездов в мае того же 1571 г. Со сворачиванием «вологдского проекта новой царской резиденции» в 1570/71 г. «строение в Вологде преста». Зато благодаря оставшимся неизрасходованными запасам стройматериалов на правобережье реки на протяжении 1570–1580-х гг. выросли торговые и соляные подворья

крупных отечественных и зарубежных гостей – Строгановых, Юдиных, Булгаковых, В. Девогеларда, Ю. Клинка, а ещё ряда монастырей – Соловецкого, Троице-Сергиева, Антоньево-Сийского, Спасо-Прилуцкого, Кирилло-Белозерского, кольского Троице-Печенгского, Пречистенского Кандалакшского, великоустюжского Михайло-Архангельского.

В Устюге в 1571 г. «приищем и железою» (воспалением лимфатических узлов либо разновидностью сибирской язвы?) погибло ок. 12 тыс. жителей. Понес демографические потери от этой эпидемии и Сольвычегодск, ещё один опричный город на севере. В своё время сольвычегодский краевед А. Соскин отметил раннее писцовое описание этого города Ю. А. Вельяминовым, на основе которого была составлена посадская окладная книга 1567 г. Наверняка эти мероприятия стояли в связи со взятием развитого торгово-промышленного города, центра строгановских владений на северо-востоке страны, в опричнину. В это время тяглое население города размещалось почти в шестистах дворах и ещё было 76 мест дворовых. Из-за моровой язвы в 1571 г. произошло уменьшение числа тяглых дворов до 413, что было зафиксировано в специальном дозоре Ив. Мичурина 1574/75 г. В нём же был учтён масштаб местного солеварения – 18 варниц, оброк с каждой в год составлял 22 алт. 2 ден.

Смута

Какое участие приняли северные города и уезды в драматичных событиях смуты?

После майского 1605 г. восстания в Москве против Лжедмитрия I часть пленных поляков была сослана на Белоозеро, Вологду, Устюг. Управлявшие в тот момент Вологдой воевода Н. М. Пушкин и дьяк Р. Воронов собирали здесь налоги по приказу царя В. И. Шуйского, не соглашались на требование второго Самозванца присягнуть ему. Когда же всё-таки вынужденная присяга состоялась, им на смену был прислан новый воевода кн. Фёдор Нащокин, а Пушкин с Вороновым заключены в тюрьму. По приказу нового воеводы была арестована и препровождена в Ярославль группа служилых и посадских людей, а с ними ещё несколько стрельцов из Сибири. В отписке кн. Фёдора Борятинского указывались их фамилии (С. Челеев, Ф. Беседного и др.,

Я. Щелкунов с тов.) – с «повинными челобитными» их отправили из Ярославля к Лжедмитрию II под Москву. По-видимому, именно они противостояли переходу Вологды под власть второго Самозванца. В конце ноября, однако, вологжане восстали против Нащокина и бывших с ним поляков, посадив их в тюрьму «до государева указу» и освободив Пушкина и Воронова. В отписке об этом вологодского земского целовальника Т. Лягушкина с товарищами «и всей чернью» на Тотьму (декабрь 1608 г.) содержалась просьба «людей с оружием и с нарядом и селитру и порох тотчас прислать не издержав». Тогдашние «гражданские активисты», уважаемые лица из посадского мира известны по именам – братья Исак и Нечай Щелкуновы, Нечай Трофимов, Никита Неклюдов, Григорий Герасимов, Василий Трофимов. В течение декабря в Вологде собираются ратники из разных городов Поморья – Тотьмы, Устюга, Соли Вычегодской, Яренска. Пополняются запасы оружия и материалов (пушки, ядра, зелье).

В годы смуты велась активная переписка между городами от имени выборных властей. Благодаря ей жители отдалённых городов и мест узнавали о ратных вестях, изменении политической обстановки в Москве и даже международном положении России. Так, в отписке 27 ноября 1608 г. приказных, посадских и волостных старост и целовальников и всех земских людей Устюга в Сольвычегодск лицам тех же категорий отчётливо звучит мысль о «совете в государеве деле и в земском». Устюжане оставались верными законному правительству В. И. Шуйского в Москве и не желали целовать крест Лжедмитрию II. Они призывали жителей Соли Вычегодской приехать на Устюг *«для того совету, а наша мысль то: буде вы к нам приедете и стоять с нами заодин похотите, и нам вам в том крест целовать меж собя, а вам также крест целовать, что нам с вами, а вам с нами и ожить и умереть вместе»*. Силы земского сцепления оказывались мощнее распадающихся вертикалей центрального управления. Собранные в Вологде в декабре 1608 г. ополченцы были направлены к Галичу, Костроме и в Пошехонье. В течение осени 1608 г. на Тотьме было произведено три набора даточных людей – по 10 чел. с сохи. Наряду с этим второй важнейший вид помощи – это сбор денежных средств и продовольственных запасов для ратников ополчений и профессиональных служилых людей.

В увещевательной грамоте царя Василия Шуйского на Устюжну от 23 декабря 1608 г. содержался призыв постоять за веру христианскую и за государство Российское. Царь щедро обещал служилым, уездным и посадским людям денежную и поместную придачу, льготы на многие лета, беспошлинную торговлю «и во всём велим вас отарханить… чего у вас и в разуме нет». В январе 1609 г. был перенесен чудотворный образ св. Димитрия Прилуцкого из Спасо-Прилуцкого монастыря на городскую площадь. Здесь вологжане целовали крест пришедшим в город иногородним ратникам, а те – вологжанам, чтобы «всем стояти крепко и друг друга не подати и с города без совету мирского не сойти». В феврале 1609 г. в грамоте из Москвы царь В. И. Шуйский сообщал о назначении воевод Ф. Полтева, Г. и Ф. Свиньиных, составлении именных списков воинов, укреплении города и Обнорского яма, привлечении в ополчение торговых людей и гостей и даже иноземных купцов.

В ряде майских грамот царя В. И. Шуйского 1609 г. отчётливо рисуется значение Вологды как одного из центров освободительной борьбы против интервентов на севере России в 1609–1610 гг. («…А из поморских городов изо всех воеводы наши прислали к вам на Вологду многих ратных людей и стоят с вами единомысленно»). Горожане, крестьяне, служилые люди под руководством воеводы Н. М. Пушкина и дьяка Р. Воронова возвели засеки, людей по засекам поставили, укрепили острог, из Вологды посылаются отряды в Пошехонье, Романов, Кострому, Галич «со многими ратными людьми», и те города очищаются от неприятелей, «и мы, слыша о том, обрадовались…». 23 мая 1609 г. белозерцам, вологжанам, тотьмичам, устюжанам и жителям ряда других городов («старостам и посадским и всяким ратным людям») была направлена похвальная царская грамота за верность законному правительству и противостояние второму Самозванцу. В мае воевода кн. С. В. Вадбольский собрал со Спасо-Прилуцкого монастыря на жалованье ратным людям и найм иностранцев 300 руб. плюс драгоценная посуда, ковши, чарки. В том же 1610 г. монастырь отдал ещё 50 руб. и добровольные пожертвования игумена и братии.

По образному выражению С. Б. Веселовского, «Белоозеро переживало смуту, как город мужицкого земского самоуправления». Это можно сказать и о других северных городах, в которых в тревожные годы смуты в условиях ослабления и дезорганизации

центральной власти активизировались «городовые советы», земско-общинные основы народного самоуправления. Рядом с воеводами и приказными людьми во главе местной администрации вставали обычные земские выборные власти и особо избранные «советные люди». Они брали на себя сбор денежных средств, даточных людей, устройство защитных лесных засек. В 1609–1610 гг. белозерцы не только не перешли на сторону Тушинского вора, но помогали Устюжне бороться против его приверженцев, послав туда отряд из 400 чел. под руководством Фёдора Подщипаева. Правда, в этом столкновении с поляко-литовцами они потерпели поражение. В первых числах февраля 1609 г. М. В. Скопин-Шуйский прислал для усиления обороноспособности Устюжны «пороховую казну», и 100 чел. пришло из Чарондской округи.

В ополчение Поморья, сконцентрированного зимой 1609 г. в Вологде, входили три группы: белозерско-каргопольская (Богдан Трусов), двинская (Фёдор Стафуров), вологодско-устюжская (Василий Дербышев). 9 февраля 1609 г. от кн. М. В. Скопина-Шуйского на Вологду прибыло военное подкрепление, а всё ополчение возглавили воеводы Никита Вышеславцев и Григорий Бороздин. В составе галицкого и ярославского подразделений вологжане участвовали в борьбе за снятие польско-литовской осады с Троице-Сергиева монастыря. В летние месяцы 1609 г. они получили из Троицкой казны по 3 руб. на человека. В числе бывших на приступе 29 июня 1608 г. называется сын боярский Андрей Петров с. Трусов, представитель известной на Белоозере и Вологде служилой фамилии. Прекращение осады Троице-Сергиева монастыря в январе 1610 г., в свою очередь, ускорило распад Тушинского лагеря под Москвой.

Нередко народные отряды не имели профессиональных воевод и были руководимы одними выборными «головами». Например, на Устюжне при отсутствии воеводы и укреплений инициативу в свои руки взяли выборные головы С. Отрепьев, Б. Перский, А. Суворов. Ещё до прибытия воеводы А. П. Ртищева они сумели организовать отряд из 600 чел., выбрать в нём сотских, десятских и пятидесятских. Два штурма города со стороны Литвы, поляков, черкас, татар и воров были героически отбиты. В отписке царю Василию Шуйскому от солигаличан 15 марта 1609 г. говорилось, что у множества пришедших из Устюга, Тотьмы, Соли Вычегодской, Вымской земли, Перми Великой

и других мест Поморья «надёжного и крепкого воеводы нет, опричь голов». В марте 1609 г. костромской воевода Вельяминов (сторонник Лжедмитрия II) сообщал Сапеге под Москву о том, что под Ипатьевский монастырь пришли вологодские и поморские мужики – 5 тыс. В период формирования и движения Второго земского ополчения из Вологды в Нижний Новгород и Ярославль направлялись зелье и селитра. В отписке из Вологды в Москву 27 марта 1609 г. от воевод Н. Пушкина, Г. Бороздина, дьяка Р. Воронова, дворян и детей боярских, посадских людей и волостных старост и целовальников, всяких жилецких людей говорилось, что собранных 96 чел. из Выми, Соли Камской и Кайгородка с головой Никитой Волоцким они послали в стоявший на вологодско-костромском рубеже г. Любим.

В апреле 1609 г. вологодские целовальники, посадские люди Максим Ворошилов и Сила Манойлов повезли в Ярославль к Пожарскому «зелейный наряд». В мае 1609 г. в отписке от усольцев к пермичам содержался призыв послать ратных людей на государеву службу в Ярославль или Вологду. В челобитной игумена Адриановой Пошехонской пустыни Вассиана гетману П. Сапеге под Москву рассказывалось о приходе кн. Дм. Ухтомского с вологодскими мужиками и каргопольцами, которые хотели «всех панов поимати да посадити в воду». 15 мая 1609 г. на Вологду пришла похвальная грамота от царя Шуйского (персонально в ней упоминались воевода Н. М. Пушкин и архиепископ Иоасаф), в которой содержалось обещание за верную службу пожаловать всех жителей города и уезда – дать льготы от налогов на многие годы. Царь призывал также и впредь противостоять воровской смуте.

В августе 1609 г. в Вологду прибыла «соболиная сибирская казна», положенная на сохранение, как то было предписано кн. М. В. Скопиным-Шуйским, в Софийском соборе. В отписке об этом в Верхотурье добавлялось, что *«с Москвы на Вологду гонцы гоняют почасту и в иные городы»*. Действительно, Вологда стала местом координации освободительного движения, охватившего не только Поморье, но и часть Сибири. В отписке костромского воеводы Н. Вельяминова начала мая 1609 г. говорилось о приходе в Вологду «многих людей и детей боярских галичан и нижегородцев, сибирских стрельцов и казаков и многих мужиков, а у них воевода Давыд Жеребцов».

В грамоте из Нижнего Новгорода 11 декабря 1611 г. кн. Д. М. Пожарский призывал вологжан *«быти с нами в одном совете и от их совету отступным не быти, быти нам всем православным христианам в любви и в соединении и прежнего междуусобства не счинити, и Московское государство от врагов наших от польских и от литовских людей очищати неослабно до смерти своей, и грабежей и налогу православному християнству отнюдь не чинити, и своим произволом на Московское государство государя без совету всей земли не обирати»*. В течение 1611 г. на Вологду, как и другие города России, приходили патриотические воззвания и церковных иерархов – патриарха Гермогена, руководителей Троице-Сергиева монастыря (архимандрита Дионисия и келаря Авраамия Палицына): «… Смилуйтеся и умилитеся, незакосненно сотворите дело сие, избавления ради крестьянского, ратными людьми и казной помогите, чтобы ныне собранное множество народу хрестьянского войска здеся на Москве скудости ради не разошлося». Переписываемые в Вологде, эти воодушевляющие воззвания уходили дальше – на Двину, Вятку, Пермь Великую, Соль Камскую, Кайгородок.

В мае 1612 г. кн. Д. М. Пожарский писал из Москвы белозерскому воеводе С. Н. Чепчугову о необходимости обновления крепости: *«…на Белеозере город стар и розвалялся, а в нынешнее время для прихода литовских и немецких людей и всяких воров сделати б город новой, в чем бы в приход ратных людей сидети безстрашно. И мы к вам о городовом деле и наперед сего писали, чтобы вам всеми земскими людьми, посадскими и уездными, дворцовыми, чёрными и езовыми и ловецкими волостьми и монастырскими и всем уездом город делати»*. После разграбления Белозерска литовцами и «ворами» 30 июля 1612 г. кн. Пожарский послал сюда «для обереганья» воеводу Григ. Образцова с отрядом в 600–700 чел. В июне 1612 г. из Вологды в Ярославль к Пожарскому пришли военные силы «со многими людьми» (включавшие ратников из Двинского, Устюжского уездов) под началом воеводы Петра Ивановича Мансурова.

После разгрома польско-литовского войска гетмана Хоткевича под Москвой 20–24 августа 1612 г. разрозненные отряды, включавшие также черкас, казаков и русских воров, дошли до Вологды и взяли её «изгоном и пришед посады пожгли и людей посекли». Был убит один из воевод – Григ. Долгоруков (второй – кн. Ив. Одоевский – находился в

уезде) и государев дьяк И. З. Карташов. Архиепископа Сильвестра захватили в плен и четыре дня «приводили к казни» (требуя с него, видимо, денег и драгоценностей). Был замучен преп. Галактион Вологодский, происходивший из княжеского рода Бельских. Это печальное событие, помимо прочего, самую роковую роль сыграло в судьбе вологодских архивов и уже современниками было названо «Вологодским разорением» 22–25 сентября 1612 г. В грамоте воевод кн. Д. Т. Трубецкого и кн. Д. М. Пожарского из Москвы в Соль Вычегодскую от 11 ноября 1612 г. о нём говорилось, что *«о том Вологоцком разорении мы, бояре и воеводы и всех чинов и всякие люди, что по грехом крестьянская многая кровь пролилась, много поскорбели…»*.

В отличие от Вологды Устюг в зиму 1613 г. не был взят поляко-литовцами: здесь умелую оборону организовали воеводы М. А. Нагого и Г. Г. Пушкин вместе с городским советом. Таким образом, удалось отбить все штурмы неприятеля, а затем перейти к его преследованию и разгрому в волости Кичменге, когда в плен попало 200 чел. поляко-литовцев.

Вологжане участвовали в освобождении Москвы от поляков и получили земельные пожалования «за подмосковные службы 120–121 гг.». Например, вологодские помещики Г. А. Хвалеевский, кн. И. В. Дябринский участвовали в боях с войсками гетмана П. П. Хоткевича в августе 1612 г. и получили прибавки к своим прежним денежным окладам. В конце октября – начале ноября 1612 г. в своих отписках из Москвы на Белоозеро воеводы кн. Д. Т. Трубецкой и кн. Д. М. Пожарский сообщали, что *«ныне они стали в одиначестве и укрепились и им вместе с выборным человеком Кузьмой Мининым Московского государства доступать и Российскому государству во всём добра хотеть безо всякие хитрости»*.

Представители от Вологды поставили свои подписи на приговоре всей земли 30 июня 1611 г. В апреле 1612 г. из Ярославля в Новгород было отправлено посольство, в состав которого входили и вологжане. В мае 1612 г. из Белоозера в Ярославль «для земского совету» были присланы 1 протопоп, 2 посадских человека и 1 государственный крестьянин. 19 ноября 1612 г. белозерский воевода С. Н. Чепчугов и дьяк Б. Ильин получили от кн. Трубецкого и кн. Пожарского грамоту о посылке выборных на избирательный земский собор в Москву. На

грамоте ростовского митрополита Кирилла от 25 февраля 1613 г. о соборном избрании Михаила Фёдоровича имеются подписи архимандрита Спасо-Каменного монастыря Питирима, двух игуменов – Корнильева (Симеона), Николо-Озерского (Филарета) монастырей, посадского человека с Вологды (Т. Несеянцова) и с Устюжны (И. Отрепьева) «с товарищи».

На майской «Утверженной грамоте» по избранию царя Михаила Романова 1613 г. подписались: вологодский воевода Н. М. Пушкин, выборный дворянин М. М. Остолопов[3], епископ Сильвестр («Корельский и Орешский», а печать принадлежит уже следующему вологодскому архиепископу – греку Нектарию, ставшему им 25–26 июня 1613 г.), архимандрит Спасо-Каменного монастыря Питирим, игумены вологодских Спасо-Прилуцкого (Кирилл), Корнильево-Комельского (Симеон), устюженского Николо-Моденского монастыря (Антоний – «в выборных посацких и уездных людей место») монастырей.

В октябре 1612 – мае 1613 г. вологодским монастырям трижды предписывалось послать в войско под Москву ратных людей «с самопалами, чтоб те были молоды и резвы и стреляти были из пищалей горазди, а не воры б и не бражники и не зернщики». И это в условиях разорения самих обителей, например, такого страшного разгрома и сожжения, которому в декабре 1612 г. был подвергнут Спасо-Прилуцкий монастырь поляками пана Голеневского, гетмана Шелковецкого и казачьего атамана Баловня. Борьба за искоренение казаков и воров в Белозерском и Вологодском уездах продолжалась ещё и в 1615–1619 гг. Белозерский и Вологодский уезды оказались в зоне казацкого движения атамана Михаила Баловня. В 1614/15 г. был убит казаками вологодский помещик К. С. Матафтин, находившийся на государевой службе. Сильнейшие потери населения Вологодского уезда из-за казачьего разорения отразили многочисленные частные дозоры 1615 г. и общеуездная дозорная книга 1616/17 г. Защита Вологды и находившихся тогда в ней английских послов была поручена воеводе Г. Л. Валуеву. В 1615 г. устюжане отстояли свой город от захвата войском польского полковника А. Лисовского.

Раздел второй. Земля и люди в городе и деревне

Очерк 5. Демография

Системы учёта населения в XVII в. (на примере Вологды)

В XVII – начале XVIII в. в России существовали три независимые системы учёта населения – государственная, церковная и вотчинная. От функционирования каждой из них сохранилась соответствующая документация. Лучше всего известна первая, фиксирующая тяглое мужское население по дворам, – дозорные, писцовые и переписные книги. До сих пор не обращалось должного внимания на информацию о народонаселении в окладных архиерейских книгах (ряд из них фиксирует количество дворов в каждом приходе, затем – на уровне данной волости) и вотчинных разделах монастырских описей XVII в. Введение их в научный оборот открывает перспективу сравнения демографических процессов по источникам независимого происхождения. Писцово-переписная документация в сочетании с архиерейской, писцово-окладной рисует полный состав единиц внутригородского деления – сороки, трети, концы. О делении на сороки в Белоозерске и Вологде известно по дозорным книгам 1616/17 г.

Сформированность основной церковной структуры – прихода – в Вологде уверенно устанавливается к 1490-м гг. на основе летописного известия о пожаре в 1499 г., когда сгорело пять церквей (Николы Чудотворца, Сретения, Воздвижения, Василия Великого и Введения Пресв. Богородицы) и 330 относящихся к ним дворов. Ориентировочно размер прихода составлял 50–60 дворов (беря по 5–6 чел. обоего пола на двор, получается примерно по 250–300 чел. обоего пола в каждом приходе), а общая численность населения в очерченной пятью приходами части посада – 1,5–1,8 тыс. чел. Когда к концу XV в. число церквей в Вологде возросло, Богородицкую церковь, впервые освящённую ещё в 1303 г., стали называть «старой». Возле неё возник монастырь, позднее запустевший и возрождённый лишь в 1590 г. В 1499 г. в Вологде сгорела церковь «*Пречистые старая* со всем узорочьем и с ыконами и с кузнью и с книгами *да и монастырь* весь, да 30 дворов». По XVI в. сведений о первичных церковных структурах Вологды, на которые возможен взгляд как на объект демографического исследования, крайне мало. Неоспоримо лишь то, что по мере

демографического роста города и его распространения вниз по реке расширялась и приходская сеть.

Малоизвестный вид источников по исторической демографии северных городов – это росписи количества дворов, числившихся за приходскими церквами в связи со сбором церковной дани. В августе 1670 г. поповскому старосте Акинфию и десятскому Хрисанфу была направлена наказная архиерейская память о сборе с храмов в пределах их *Успенской трети* церковной дани (она же десятина) по расчёту с каждого приходского двора по 7 денег «да в росход по 2 денги». К памяти прилагалась роспись количества дворов, числившихся за каждой церковью. К храму Успения Пресв. Богородицы (центру Успенской трети) было указано 23 двора, Введенскому – 40 дв., Троицкому – 35 дв., Гаврииловскому – 25 дв., Богородице-Рождественскому – 24 дв., Васильевскому – 17 дв., Николая Чудотворца «на Горе» – 7 дв., Дмитриевскому – 8 дв., Михайло-Архангельскому – 62 дв., Иоанно-Богословскому – 7 дв., Воскресенскому – 20 дв., Николы Чудотворца «на верхнем подоле» – 20 дв., Иоанно-Предтеченскому «в пустыне» (Дюдиковой. – *М. Ч.*) – 100 дв. Итого по 13 храмам 388 дворов, а принимая ориентировочно среднюю населённость двора в 5–6 чел. обоего пола, 1,9–2,3 тыс. чел. в одной только Успенской трети.

В 1674 г. аналогичная память была направлена поповскому старосте и десятскому *Мироносицкой трети* (в заречную часть Вологды). В ней также содержались сведения о количестве приходских дворов к храмам: Мироносицкому – 72, Дмитрия Прилуцкого «на наволоке» – 54, Николы Чудотворца «во Владычной слободе» – 78, Спаса-Преображения во Фрязинове – 100, Богородице-Рождественскому на «нижнем долу» – 52, Сретенскому – 52, Климентьевскому – 55, Георгиевскому – 65, Леонтия Ростовского – 74. Всего в Мироносицкой трети получается 602 двора, а в них в среднем 3,0–3,6 чел. обоего пола.

В приведённых перечнях бросается в глаза резкая диспропорция в количестве дворов к разным приходским церквам в рамках Успенской и Мироносицкой трети и, как следствие, разновеликость самих третей, но в то же время устойчивость самого приходского деления. Следует говорить о ведущемся архиепископской кафедрой самостоятельном учёте населения, независимом от составлявшихся в 1620, 1640 и 1670-х гг. государственных писцовых и переписных книг. Очевидна также и

фискальная подоснова подобных мероприятий – церковное налогообложение. Иногда к нему добавлялись ещё и задачи государственного обложения. С церковных причетников бралась обременительная подать «полоняничные деньги» (на выкуп находящихся в татарском плену русских пленных). Это характеризует тяглый статус рядового духовенства, всё большее его сближение с облагаемым налогами посадским людом.

В наказной памяти поповскому старосте и десятскому *Владимирской трети* от 25 февраля 1686 г. говорилось о сборе церковной дани с приходских дворов и *«полоняничных денег»* со дворов причётников. В ней также содержалась роспись дворов: к храму Павла Обнорского «в Кобылине» – 15 дв., Петропавловскому – 49 дв., Феодора Стратилата – 13 дв., Кирилла Белозерского – 68 дв., Покрова Богородицы «в Козлёне» – 50 дв., Екатерининскому – 22 дв., Власьевскому – 55 дв., Владимирскому – 80 дв., Дмитрия Прилуцкого «в Кобылкине улице» – 38 дв., Иоанна Предтечи в Рощенье – 77 дв., Николая Чудотворца в «рассыльничьей слободе» – 12 дв. Подворный норматив десятины был чуть выше – 8 денег, а полоняничных с причта – по полугривне (если гривна равнялась 20 деньгам, то её половина – 10 ден., или 5 коп.). Ведомство, которому предназначались данные взносы, – это казённый архиерейский приказ. Не случайно сведения о сборах церковной дани можно найти в приходных книгах архиерейской кафедры. Общая населённость Владимирской трети составляла 479 дворов плюс ещё 30 причетнических дворов, плативших «полоняничные деньги». В «человеческом» измерении это 2,5–3,0 тыс. чел. обоего пола. Таким образом, посадское население Вологды в трёх третях, согласно церковному учёту, в 1680-х гг. составляло 7–8 тыс. чел. обоего пола.

Численность и состав населения Вологды изучены нами по комплексу переписных книг 1646 и 1670–1680-х гг. Основным источником в нём является переписная книга стольника П. Голохвастова и подьячего И. Саблина 1678 г. Результатом обработки этого источника стали процентные соотношения количества дворов основных групп населения города:

1) посадских людей, бобылей и вдов – 1173 двора (78,5 %);

2) духовенства – 211 дворов (14,1 %);

3) служилых людей – 76 дворов (5,1 %);

4) привилегированной верхушки торговых людей (гостей, членов гостиной и суконной сотен, торговых иноземцев) – 35 дворов (2,3 %).

Всего – 1495 дворов (100 %). Принимая же по 5 человек обоего пола в среднем на двор, можно вывести общую численность населения Вологды на 1678 г. примерно в 7,5 тыс. человек. Большинство из них составляли посадские тяглецы (ориентировочно 5,8 тыс. чел., считая женщин и детей). На протяжении 1646–1678 гг. численность их уменьшилась на 20 %, хотя доля в общей массе населения города оставалась стабильной – 77–78 %.

Среди причин убыли тяглых людей необходимо назвать такой неблагоприятный демографический фактор, как массовая эпидемия чумы в России в 1654–1655 гг., хлебные недороды и рост цен на хлеб начала 1660-х и начала 1670-х гг., неупорядоченное денежное обращение, связанное с медными и серебряными деньгами, и вызванные им сбои во внешней и внутренней торговле, возрастание налогов в связи с напряжённой внешней политикой, усиленные миграции за пределы города в 1650–1670-х гг. После 1678 г. наметился рост населения Вологды. Нами были сопоставлены сведения о численности тяглых людей Вологды в земских по происхождению источниках – имянных сороковых книгах[4], в основе которых лежала фиксация посадских людей и бобылей по единицам внутригородского административно-налогового деления – *сорокам* – за 1686–1688 гг. Обработка их данных выявила на 25 % дворов больше, чем в переписной книге 1678 г. Не исключено, что в земских по происхождению переписях население учитывалось более тщательно, чем в государственных.

По комплексу переписных книг города были установлены четыре вида миграций посадского населения: 1) внутригородские перемещения («живет в чужом дворе» по такой-то причине); 2) уход людей за пределы Вологды в другие города (Москва, Великий Устюг); 3) перемещение крестьян (главным образом торговых) из деревни в город; 4) приход на Вологду выходцев из других городов. О последнем свидетельствуют катойконимы «колмогорцы пришлые люди», «каргополцы», «важане», «устюжане», «тотьмяне бобыли», «псковитин», «костромитин», «чухломец», «нижегородец прихожий человек», «нижегородец посадской человек», «алатырец гулящий

человек», «москвитин посадский человек», «уроженец Можайска посадской человек», «тюменец работной человек».

К проблеме миграций примыкает вопрос о демографических связях города и деревни в пределах Вологодского уезда, социально-экономической (конкретно – торговой) обусловленности пребывания деревенских жителей в городе. Помимо торговли, закрепляющим фактором для оседания крестьян в городе были браки в посадской среде. Однако по сравнению с 1646 г. группа торговых крестьян в Вологде в качестве самостоятельных владельцев дворов для торгово-промысловой деятельности к 1678 г. практически исчезает. Объяснение следует видеть в общем закрепостительном курсе правительственной политики в отношении крестьян после Соборного уложения 1649 г. и ограничении крестьянской торговли в городах. Это вытесняло торговых крестьян с посада, затрудняло их предпринимательство, поскольку «торги и промыслы» в сословно-податном отношении напрямую связывались с тяглыми посадскими людьми.

Через демографию заметны и другие социальные изменения. От 1646 к 1678 г. исчезает ещё одна группа населения Вологды – служилые люди *по прибору* (стрельцы, пушкари, затинщики, воротники). Что же касается светских землевладельцев, то группа служилых людей *по отечеству* к 1678 г. становится социально более однородной, в ней теперь не различаются «вологодские помещики» и «смоляне» (выходцы из западнорусских уездов, в массовом масштабе переселяемые после смуты в Белозерье и на Вологодчину и испомещаемые там). Кроме того, среди служилых людей – владельцев дворов в городе – к концу XVII в. не существовало более прослойки тюркоязычных «кормовых иноземцев» (татар).

Рост тяглого населения (посадского и бобыльского) города от начала до конца XVII в. составил 86 %. Однако, судя по следующей переписной книге 1711/12 г., он продолжался и в 1690–1700-х гг., поскольку в ней было отмечено на 14 % тяглых живущих дворов больше. Дворовый характер переписи 1711/12 г. не позволяет видеть в ней инструмент более эффективного учёта податного населения, поэтому отмеченную разницу мы относим именно к росту численности посадских людей и бобылей. В 1711/12 г. в Вологде было 14 % пустых дворов, что свидетельствует об отрыве населения со своих мест в результате рекрутских наборов, мобилизаций на строительство

Северной столицы, рытьё каналов, продолжающихся миграциях в восточном направлении и пр. Возможно, рост населения ко второму десятилетию XVIII в. был ещё больше, поскольку, как заметил ещё краевед И. Н. Суворов, окладная книга архиерейского дома 1715 г. фиксирует не 1713, а 1983 двора.

Миграции населения на Устюге

Переходя теперь от Вологды к Устюгу, сосредоточим внимание на проблеме миграций по писцовым и переписным книгам 1670–1680-х гг. Активность миграционных потоков в Устюжском крае выразилась в обилии *катойконимов и «географических фамилий»* в переписной книге Устюга за 1677–1678 гг. Речь идёт об определении посадских людей по названиям волостей и других (помимо Устюга) городов, выходцами из которых они были. Катойконимы относятся как к дворовладельцам, так и к их подворникам и работникам. Соотнесение катойконимов с известным составом волостей Устюжского, Двинского, Тотемского и Сольвычегодского уездов даёт основание для предположения о крестьянском в недавнем прошлом происхождении части посадских людей Устюга. Систематизация указанной информации приведена ниже.

Отметим в ней прежде всего ближайшие к Устюгу деревни и волости – Дреставянку (фамилия Дресвяных), Деревеньки (фамилия Деревенских), Гудцово (фамилия Гудцовских); волости Вондокурье («вондокур»), Котоваль («котовалец»), Брусенскую («брусенец»). К более отдалённым устюжским волостям относятся: Вотложма («вотложемец»), Варжа («варженец»), Кильченгская («кильчежанин»), Ярокурская («ярокурец»), погост Красный Бор на Двине («красноборец»), Подосиновская (фамилия Подосинов). Выходцами из волостей Сольвычегодского уезда были посадские люди, определяемые переписью 1678 г. с помощью таких катойконимов, как ратмеровец (Ратмеровская вол.), лузянин (Луза).

Определения «верхотин/Верховцов», вероятно, указывают на Верхний конец Быкокурского и Комарицкого станов Устюжского уезда. В последний входили также волости Верхняя Мошкурья, Верхняя Ерга. Следовательно, крестьяне из этих мест также оказывались в Устюге и со временем пополняли ряды тяглых посадских людей. Формы южанин,

южак, Югов отражают происхождение человека из Южской трети Устюжского уезда, наиболее хлебородной по природно-географическим условиям. Оттуда известно более всего участников хлебной торговли на устюжском рынке по таможенным книгам XVII–XVIII вв.

Отражением некоторых этнокультурных контактов русских с коренным финно-угорским населением можно считать такие определения, как зырянин и пермяк. Замечено много кокшаров, выходцев из Кокшеньги (река – левый приток Ваги), которых в научной литературе рассматривают как особую этническую группу русских (потомков участников новгородской и низовой, ростово-суздальской, колонизации севера в древнерусскую эпоху). В XVII в. это была Кокшеньгская четверть Важского уезда. Иногда катойконим не был образован, например, человек «из Заборья», а это группа деревень «Заборской полусошки» Баскачьего стана Усольского уезда. Фамилию Пинегин предположительно можно связать с р. Пинегой, хотя больше уверенности дал бы катойконим *пинежанин*. Надо учитывать и отражение в катойконимах сельских миграций (внутри– и межуездных) на обширном пространстве Русского Севера: «такой-то из Перми Великой, а *урождением* вычегжанин», «старец такой-то, а *родимец* Черевковской волости», «пинежанин кевролец», «мы, такие-то Устюжского уезду крестьяне Ягрышской волости, а *родом пинежана*». Отсюда же и фамилия Пинегин или Пинежанинов, какую носил, например, известный в 1680–1690-х гг. площадной подьячий Фёдор Иванов Пинежанинов. Выходцы из северных волостей расселялись не только по пространству посада, но отмечены среди вкладчиков Михайло-Архангельского и Иоанно-Предтеченского монастырей, а также стрельцов (важенин, вондокур, зырянин, Пустозерцов, ратмеровец, Югов). Вкладчиками городских монастырей становились приезжавшие на Устюг крестьяне Белозерского и Костромского уездов.

Чаще всего катойконимы встречаются в источниках в форме мужского рода, но иногда – и женского (вдовы-колмогорки; Улита усолка, но: Иван Григорьев Усолкин), что отражает определённую территориальную мобильность женщин. Не всегда можно считать подобные географические «маркеры» бесспорным указанием на крестьянское происхождение называемого лица. Человек мог происходить и из городов («белозер», «вологженин», «тотьмянин»), и из торгово-ремесленных посадов – Верховажья («важенин», прозвище

«Вага»), Холмогор, Пустозерска, Шенкурска (центра Важской земли) и пр. Однако здесь погрешность – в допустимых пределах. В определении человека могли сопрягаться социальные, географические и профессиональные характеристики. Например, он – крестьянин Троице-Сергиева монастыря по владельческой принадлежности, тотьмянин по месту жительства и нижнесухонский носник (то есть лоцман), проводящий торговые суда на наиболее опасном участке от Тотьмы до Устюга.

Для более раннего времени определения *белозерцы*, *вологжане*, *устюжане*, *двиняне* и т. п. относились к жителям как соответствующих городов, так и прилегающих к ним округ-земель-волостей, позднее – уездов. Такие же по сути определения употребимы и в источниках древнерусского периода «кыяне», «новгородцы», «псковичи», «полочане» и в Устюжском летописном своде (двиняне, вычегжане, вятчане, галичане, вымичи, сысоличи, пермяки, устюжане, вологжане, белозерцы и т. п.). Произведённые нами подсчёты по тексту переписной книги 1677/78 г. показали 65 дворовладельцев и их детей, а ещё 30 подворников и работников, оседание которых на Устюге имело разнообразные причины (экономические, социальные, демографические). Например, *южанин* (то есть выходец из Южской трети уезда) Антонко Андреев отмечен как дворовладелец и зять посадской вдовы, имеет двух детей. Следовательно, он был женат на её дочери, которая затем умерла.

Краткий характер записей в переписной книге 1678 г. не раскрывает обстоятельств попадания в город выходцев из сельских волостей. Единственное, что отражено в ней вполне определённо, – это семейная форма переселения (или пребывания) на Устюге указанных выходцев и заметное количество братских семей и у дворовладельцев, и даже у отдельных их подворников («Федька, Федоско, Ивашко, Василиска 10 лет, Деревенских», «Данилко, Федька, Карпушка Быстяковы, кокшары», «Калинка и Фомка Каргопольцовы»). Аналогичные наблюдения приведены выше по вологодским переписным книгам 1646 и 1678 гг. Возраст старших братьев (как и сыновей) обычно не указывался, что косвенно свидетельствует об их уже семейном статусе. У младших (ещё неженатых) сыновей (или братьев) возраст отмечен (обычно не старше 15 лет). Иногда в порядке перечисления дворов угадывается разделение братских семей: «во

дворе Антошка Леонтьев сын Барсуковских»; «во дворе Илюшка Леонтьев сын Барсуковских».

Катойконимы и «географические фамилии» жителей Устюга (по переписной книге 1678 г.)

Катойконим, фамилия или прозвище	Расшифровка	Дворовладельцев с детьми	Подворников и работников
Барсуковский	Дер. Барсуковская под Устюгом	6	—
Белозер	Белоозеро, Белозерский у.	1	—
Бруснянин	Брусенская вол. Устюжского у.	—	1
Важенин/Вага	Важская земля, уезд	1	2
Варженин/Варжа	Варженская вол. Устюжского у.	1	2

Катойконим, фамилия или прозвище	Расшифровка	Дворовладельцев с детьми	Подворников и работников
Верхотин/ Верховцов	Верхний конец Комарицкого стана Устюжского у.	3	—
Вологженин	Вологда, Вологодский у.	1	1
Вондокурец/ вондокур/ Вондокуров	Вондокурская вол. Устюжского у.	3	—
Вотложемец	Вотложемская вол. Устюжского у.	3	—
Вятченин	Вятская земля; с. Вятское Костромского у.	—	1
Гудцовских	Дер. Гудцово под Устюгом	1	—
Двинянин	Двинская земля, уезд	—	2
Деревенских	Дер. Деревеньки под Устюгом	4	—
Дресвянских	Дер. Дреставянка под Устюгом	1	—
Из Заборья	Заборские деревни Усольского у.	—	1
Зырянин	Коми-зыряне Яренского у.	6	2
Каргопольцев	Каргополь, Каргопольский у.	2	—
Кильчежанин	Кильженгская вол. Устюжского у.	—	2
Кокшар/Кокшаров	Кокшеньгская четверть Важского у.	11	6
Колмогор/ Колмогоров	Холмогоры, нижнее Подвинье	6	—
Котовалец	Котовальская вол. Устюжского у.	1	1
Красноборец/ Красноборских	Погост Красный Бор Устюжского у.	3	—
Лузянин	Вол. Луза Усольского у.	3	—
Пермяк	Пермская земля	1	—
Пинегин	Вол. Пинега Двинского у.	3	—
Подосенов	Подосеновская вол. Устюжского у.	—	1
Пустозерец	Пустозерский у.	—	1
Ратмеровец	Ратмеровская вол. Усольского у.	1	1
Тотьменин	Тотемский у.	3	1
Усолец	Усольский (Сольвычегодский) у.	1	—
Устьянец	Устьянские волости	—	1

Катойконим, фамилия или прозвище	Расшифровка	Дворовладельцев с детьми	Подворников и работников
Цывозерец/ Цывозерцов	Цывозерская вол. Устюжского у.	5	—
Шуянин	С. Шуйское Тотемского у.	1	—
Южанин/южак/ Югов	Южская треть Устюжского у.	1	3
Ярокурец/ Ярокурцов	Ярокурская вол. Устюжского у.	—	3

Источник: Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1883. С.144–163.

Очерк 6. Брак и развод: народный обычай и церковное регулирование

Брачность как демографическое явление

По делопроизводственной документации казённого и судного приказов Вологодского и Устюжского архиерейских домов можно изучать важный показатель демографического развития в дометрический период – *брачность* (понимаемую как процесс создания новых брачных пар – непременное условие воспроизводства населения). Эти источники показывают отношение разных слоёв населения к заключению первого и повторного брака и причинам его расторжения, к замужним и одиноким женщинам, измене и блуду, законным и внебрачным детям, переплетение народного обычая и церковного регулирования, важные стороны повседневной жизни человека, правосознание мужчин и женщин в крестьянской, посадской, служилой среде.

Особенно существенным оказался фактор брачности при восстановлении численности населения Вологды, разорённой поляко-литовцами в сентябре 1612 г. Первый послесмутный дозор Вологды 1616/17 г. отметил 208 живущих и 427 пустых тяглых дворов (соответственно 32 и 68 %). Нами были обработаны сведения по приходским церквам города, посада и уезда в четырёх наиболее ранних годовых комплектах книг – за 1617/18, 1620/21, 1621/22 и 1627/28 гг. По ним устанавливается восходящая динамика брачности у горожан – 141 брак в 1617/18 г., 163 брака в 1620/21 г. и по 193 брака в 1621/22 и 1627/28 гг.

Если ориентировочно принять населённость одного двора в 5 чел. обоего пола, то при 208 дворах в Вологде по дозору 1616/17 г. было примерно 1040 чел. обоего пола и при 141 браке, зафиксированном венечным разделом приходо-расходной книги 1617/18 г., получается довольно высокий уровень брачности – 1 брак приходился тогда на 7 чел. обоего пола. В уезде среди крестьян в 1617/18 г. было заключено 363 брака, а в 1627/28 г. – 781 брак. Всего же за указанное десятилетие в городе и уезде образовалось почти 1,5 тысячи новых семей. В

структуре брачности сельского населения по сравнению с городом имелись следующие отличия: 1) более высокая доля первых браков («оба отроки») – 61,1 % в 1617/18 г. и 78,7 % в 1627/28 г.; 2) более низкий – процент повторных браков (оба партнёра вторым или третьим браком) -17,3 % в 1617/18 г. и лишь 2,6 % в 1627/28 г. Значительный интерес представляют данные об этнокультурных контактах в уездном севернорусском городе, переходе в православие некоторых проживавших в нём нерусских людей (торговых иноземцев, служилых татар), отдельные случаи смешанных в национальном отношении браков.

По мере восстановления численности населения после Смуты в середине XVII в. заметно возросла динамика брачности городских и сельских жителей по сравнению с 1618–1632 гг.: у первых в середине XVII в. на 16 %, у вторых – на 49 %. В процессе создания новых брачных пар важное значение имели не только первые (хотя они преобладали – до 69–79 %), но и вторые и третьи браки (21–31 %). В целом институт брака среди православного населения, независимо от его социальной принадлежности (крестьяне, посадские люди, служилые по отечеству и по прибору люди, приходское духовенство), был более подвижным, мобильным, нежели это представляется в работах этнологов (И. В. Власова, Н. Л. Пушкарева), обусловленным взаимодействием норм канонического, церковного и государственного права, регулированием со стороны церковной власти и общественных институтов (крестьянский и посадский миры, служилые уездные корпорации). Неоспоримо демографическое значение повторных браков в России для воспроизводства населения, социализации человека, поддержания института семьи.

Основная масса записей в пошлинных книгах Устюжской десятины Ростовской митрополии за 1661–1666 гг. связана с выдачей поповскими старостами приходским священникам венечных памятей («знамян» или «выписей») для венчания первобрачных (стоимость их была 3 алт.) либо взиманием более высокой платы за второй (6 алт.) и третий (9 алт.) брак. Такие размеры венечных пошлин установились не сразу. В церковной практике Московской Руси они весьма варьировали. В 46-й главе Стоглава приводится их шкала, введённая Иваном IV для Новгорода и Пскова: за первый брак – 1 алт., за второй – 2 алт., за третий – 4 алт., но при этом отмечено, что их размеры в каждом городе

определяются в соответствии с земским законом. В отношении размеров венечных пошлин для первого и второго брака в Новгороде начала XVI в. имеются документальные свидетельства, относящиеся как раз ко времени Ивана III. В позднейшей указной царской грамоте 1641 г. в Великий Новгород пересказывается великокняжеская грамота 7012 г. (1503/04), согласно которой при венчании с отрока бралось 1,5 деньги новгородские, с девицы тож; с вдовца 3 ден., со вдовы тож; и к этим суммам добавлялось ещё столько же «от печати». В результате получается, что первый брак оплачивался пошлиной в 1 алт., а второй – в 2 алт. Эти нормы и были включены в Стоглав при митрополите Макарии, добавившем 4 алт. за третий брак.

В Заволоцкой десятине Ростовской архиепископии в 1551 г. известны пошлины, полностью совпадающие с отмеченными выше требованиями Стоглава. О выполнении их свидетельствует жалованная грамота ростовского архиепископа Ионы на новые сёла Кирилло-Белозерского монастыря 1576 г. В дальнейшем наблюдается рост венечных пошлин. Так, в 1606 г. в кирилловских вотчинах в Белозерском и Пошехонском уездах в казну Ростовского митрополита бралось: с первого брака 2 алт. 3 ден., со второго по 4 алт. 3 ден., с третьего по 6 алт. 3 ден., а в 1622 г. по 3–6–9 алт. с первого, второго и третьего брака соответственно. Другие показатели находим в жалованной уставной грамоте патриарха Филарета нижегородскому Макарьеву Желтоводскому монастырю 1628 г.: с отрока 2 алт. 3 ден., двоежёнца 4 алт. 3 ден., троежёнца 6 алт. 3 ден.

Церковь ко вторым и третьим бракам относилась неодобрительно, накладывая епитимью для второго брака на 2 года, а для третьего – на 5 лет. В повышенных пошлинах, как верно заметила Е. Н. Швейковская, угадываются своего рода штрафные санкции со стороны церкви. Для двое– и троежёнцев были предусмотрены ограничения и на таинство причастия. В строгом смысле «законом» считался первый брак, венчаемый в церкви, а при втором и третьем поп *«молитвил»* партнёров. Вместе с тем церковь принимала в расчёт и такие объективные (витальные) факторы человеческой жизни, как возраст (молодость) и наличие либо отсутствие детей. Отсюда шло выражение *двое жёнец или троежёнец по нуже/нужде*, «аще будет добре млад и детей не будет». Оно встречается и в Стоглаве, и в записных книгах поповских старост по Устюжскому уезду 1660-х гг. При общем раннем

возрасте брака, установленном Стоглавом (для отроков 15 лет, а отроковиц 12 лет), и с учётом высокой смертности людей понятно, что вторые и третьи браки заключались ими отнюдь не в пожилом возрасте. Заметно неодобрительное отношение к повторным бракам и в народе. Нередко в духовных памятях мужей проскальзывает пожелание, чтобы жена после их смерти *«не пошла замуж, а оставалась сидеть во вдовах, как иные добрые жены во вдовстве живут»*.

Интересны данные о возрасте людей при повторных браках. Например, в записи о втором браке Андрея Иванова с третьебрачной Авдотьей Ивановой уточняется, «чтоб она была меньши 40 лет». Аналогичная реплика – и в отношении мужчин в городе, вступающих в третий брак *«по нужде, что они в молодых летех»* (25–30, но не старше 40 лет). Такими были возрастные ограничения третьих браков для мужчин и женщин. Аналогично и для крестьян в сельском приходе: в вол. Варже богословскому священнику Георгию поповский заказчик предписал «молитвить третьим браком Максима Семёнова, чтоб он сорока лет был менши, со вдовою вторым браком». Что и было выполнено, а пошлин взято 9 алт. Третьебрачного Ивана Фёдорова дмитриевский поп венчал «*по нужде*, что он лет в пол-третьятцать (то есть 25 лет), з девкою…», при этом размер пошлины – 9 алт. – соответствовал как раз третьему браку. Такой же случай известен и по другому приходу города: прокопьевский поп Василий молитвил третьим браком Пантелея Евдокимова «*по нужде*, что он 25 лет» со второбрачною вдовою (пошлин было взято 9 алт.). Примеров третьего брака «по нужде» в возрасте 25 лет в записных книгах обнаружено несколько.

Во фразе о заключении вторых и третьих браков «по нужде, аще будет млад» можно видеть влияние Стоглава, понимание представителями низового аппарата митрополии необходимости брака, семейной жизни для людей с учётом их молодого ещё возраста и как отвращение от распутной жизни. Нет отличий и в сельских приходах: в устюжской вол. Шомоксе богородицкий поп «молитвил третьим браком Фёдора Фомина *по нужде*, что он в молодых летех, 30 лет, со вдовою вторым браком Еленою Петровой. Пошлин 9 алт.». Браки обычно заключались между людьми одной волости и одного прихода, значительно реже указывалось, что невеста – из другой волости, что свидетельствует о замкнутости локального крестьянского (да и

городского) сообщества. Брак здесь обычно не являлся фактором социальной (вертикальной) и территориальной (горизонтальной) мобильности.

По восьми записным книгам спасского попа Ивана Мезенца (Иродионова) из вол. Красный Бор в Двинской трети Устюжского уезда были систематизированы записи о браках за 1661–1666 гг. Из почти двухсот записей 79 % касалось заключения браков (первых, вторых или третьих); 7,8 % – похорон; 6,7 % – рождения внебрачных детей. Остальные пошлины имели отношение к церковно– и священнослужителям: 3,1 % – перехожие; 2,6 % – ставленные и одна наказная память (0,5 %). Структура брачности здесь в 1660-х гг. выглядит так: более всего (73 %) обвенчано отроков с отроковицами. На втором месте (11,8 %) – браки вдовцов со вдовами «второбрачными»; 8,5 % – повторные браки мужчин с девицами и 4,6 % – отроков со вдовами «второбрачными». Отмечено только два случая третьего брака мужчины со вдовой «второбрачной» (1,3 %) и один случай второго брака мужчины со вдовой «третьебрачной» (0,6 %). Эти соотношения примерно совпадают со структурой брачности, выведенной для городских и сельских приходов по годовой книге от 3 апреля 1665 по 18 февраля 1666 г., охватывающей все четыре мясоеда.

Структура брачности у горожан и крестьян в 1665/66 г. (г. Устюг и его округа)

Виды заключаемых браков	«Мясоеды» и даты записей				Всего заключено браков	
	Великоденский 3.04–24.05.	Петровский 29.06–25.07.	Успенский 19.08–14.11.	Рождественский 4.01–18.02.	абс.	%
Оба отроки	18	20	22	152	212	79,6
Оба 2-м или 3-м браком	7	11	5	15	38	14,2
Он отрок, она вдова	1	1	2	1	5	1,8
Он 2-м или 3-м браком, она — девка	3	2	4	2	11	4,1
Итого	29	34	33	170	266	100

Источник: ГАВО. Ф. 1260. Оп. 3. Кн. 228.

Мы видим, что наибольший пик в заключении браков приходился на Рождественский мясоед (январь-февраль) – 170 (или 63,9 %). И это с учётом почти одинаковой продолжительности мясоедов – по 2 мес. (за исключением лишь Успенского, записи по которому в кн. 228 идут с 19 августа по 14 ноября), когда заключалось по 29–33 брака. Наиболее активной группой в создании новых семей являлась городская и сельская молодёжь («венчать отрока с девкой») – в абс. 212, или 79,6 %. Далее шли повторные браки обоих супругов (как и в Красноборской волости) -38 (или 14,2 %). В 11 случаях отроковиц венчали со второ– и третьебрачными мужчинами (4,1 %). Наименее распространены были браки вдов с отроками – 5 (1,8 %).

В отношении сезонных колебаний брачности отметим, что в приходных книгах Вологодской архиерейской кафедры середины XVII в. январь-февраль также были временем наибольшего числа венчаний как в городе (до 72 %), так и в деревне (до 48 %). Обилие зимних свадеб показывает связь церковного календаря, ритмов народного труда и демографических событий (так считает крупный современный историк Б. Н. Миронов).

Городская семья в 1678 г.

Типы, формы и состав городской семьи были изучены нами по переписной книге Вологды 1678 г. В результате выведены следующие три типа семьи: 1) семьи прямого родства, 2) семьи бокового родства и 3) семьи с неродственниками. В рамках семей первого типа наиболее распространённой формой в городе являлась малая отцовская (нуклеарная) семья, состоящая из супругов и неженатых ещё сыновей – 55,2 %. Заметная доля вдовьих семей заставляет догадываться о высокой мужской смертности. Об этом же свидетельствует наличие детей-сирот, приёмышей и подсоседников детского возраста в чужих дворах, а также проживание малолетних племянников в усечённых братских семьях.

Указание на возраст сыновей и внуков (в переписи 1646 г. спорадическое, а в 1678 г. – регулярное) в отцовских неразделённых семьях позволяет представить возраст их первого вступления в брак, интергенетический интервал рождений детей в семьях. В целом перед

нами все признаки традиционного типа воспроизводства населения: это и ранние браки, и брачное поведение супружеских пар, связанное с рождением детей-погодков, большое количество рождений в каждой семье, трудная выживаемость и высокая (до 50 %) детская смертность, компенсирующая высокую рождаемость. Данные наблюдения находят аналогии в работах, посвящённых исторической демографии западноевропейского Средневековья (Ю. Л. Бессмертный, П. Ш. Габдрахманов), а также раннего Нового времени в России (Б. Н. Миронов).

Развод

Расторжение («роспуст», то есть развод) браков с санкции архиерея документы показывают по нескольким причинам: 1) невозможность обеих сторон к супружеской жизни (половая слабость у мужчин и отсутствие «женского естества», некая «нутряная» болезнь у женщин); 2) желание одной из сторон (либо их обоих) постричься в монахи, обычно из-за возрастной скорби/болезни, делающей невозможной совместную жизнь и выполнение тяжёлой крестьянской работы; 3) длительное отсутствие одного из супругов; 4) покушение жены на жизнь мужа; 5) насилие, избиения жены со стороны мужа. Крестьянин М. Мохин в челобитной устюжскому архиепископу Александру (1687 г.) жаловался на свою жену Марьицу, живущую от него в бегах во дворе у отца. Судя по словесной сказке самой жены при допросе в архиерейском разряде, ей с мужем «жить нелзе». В результате досмотра старицами Спасского монастыря было установлено, что «у неё женского естества нет и скорбна она нутряною болезнью». Это послужило основанием расторжения данного брака. Здесь речь должна идти о какой-то женской патологии, поскольку «нутром» в тогдашней медицине нередко называли матку. В челобитных архиерею о разводе встречаются признания и мужчин, и женщин в том, что из-за скорби (болезни) у них «законные ложи» уже много лет не бывало. Помимо собственной болезни, невозможность интимной жизни объяснялась наведённой на человека «чёрной немочью», колдовством, магией.

В челобитных встречается немало жалоб мужей на бегство их жён, после которого «урошные лета» (то есть определённый срок ожидания,

обычно 7–8 лет, но конкретно он не всегда указывается) отошли». Интересно и сугубо личное недовольство («моя жёнка глупа, постов не блюдёт, ест соромную ядь») либо жена покушается на имущество дома, всё выносит и распродаёт. Один крестьянин желал развестить с женой потому, что она «дурка», но в патриаршей канцелярии было велено «про то сыскать». В целом законченных случаев развода удаётся обнаружить немного. Чаще всего причина вторых и третьих браков – не развод, а ранняя смерть одного из супругов (по преимуществу мужчин) и необходимость поднять на ноги оставшихся детей. В Правосудии митрополичьем (XIV в.) хождение жены с чужими людьми на пиры и «опричь мужа своего – на игрища» признавалось основанием для развода (ст. 4). В ст. 8 причиной развода считался «лих недуг у жены». В ст. 32 вторичный брак мужчины, который не развёлся с первой женой, являлся незаконным, муж штрафовался, а молодую жену отправляли в монастырь. Высокий размер штрафа для мужчины устанавливался в 34-й статье за двоежёнство -40 гривен, а незаконную жену опять-таки ожидало заключение в монастырь.

От народа – ряд/сговор, от церкви – венчание

Народной обычно-правовой процедурой заключения брака являлся *ряд-сговор*. Когда-то он был простой устной договорённостью сторон (как правило, родителей или старших родственников со стороны невесты и жениха об имуществе, приданом невесты). Однако в эпоху Московской Руси всё чаще он оформлялся в письменной форме во всех социальных слоях русского общества, в том числе у крестьян и посадских людей. Переплетение народного обычая с церковным регулированием можно видеть в тесной связи между рядом-сговором и церковным венчанием, первый не намного предшествовал второму, которое только и придавало браку законную силу. Любопытным памятником русской смеховой культуры является «Роспись о приданом», пародирующая форму рядных-сговорных записей:

…Да с тех же дворов
Сходится на всякий год всякого запасу
По 40 шестов собачьих хвостов,
Восемь дворов крестьянских

Да восемь дворов бобыльских,
А в них полтора человека с четвертью
Шуба соболья, другая сомовья…

При заключении вторых или третьих браков между взрослыми людьми сговор мог оформляться непосредственно ими. В 1612 г. во второй раз вступал в брак вдовый крестьянин Спасо-Прилуцкого монастыря Марк Скоровский с тремя сыновьями, а брал в жёны также вдову, крестьянку того же монастыря Милаву Окинфиеву с пятью детьми. Фактически соединялись два состоятельных хозяйства с большим количеством земли, денег, хлеба и скота: переходя во двор к Милаве, Марк принимал её тягло – полплуга земли в подмонастырном с. Выпрягове. В ряд ной подробно перечислялось имущество обеих сторон (платья, украшения, деньги, купленная пожня), оговаривались срок свадьбы – первое воскресенье после Пасхи, размер «заряда» (штрафа за нарушение условий договора или отказ от него) – 10 руб. в пользу Милавы, обязанность Марка выдать четырёх её дочерей замуж «изъвобча по изможению», право «богоданного сына» Василия на четверть плуга земли в случае отделения от отчима и право трёх сыновей последнего на поло вину общего имущества после смерти Марка. Послухами (свидетелями) в договоре указан Никольский священник (церкви Николая Чудотворца на Валухе) и несколько крестьян деревни Бораново Кубенской волости, сама же рядная была составлена по противням – «дьяк и мужи одне».

В 1688 г. вдова Анна Терентьева (по владельческой принадлежности крестьянка Спасо-Каменного монастыря) заключила договор с митрополичьим бобылём Шуйского городка Игнатием Аверкиевым: «Иду за него, а принимаю ево к собе в дом и в животы и в повытье, а вносу с ним зипун да штаны ровдужные, шапка да рукавы. И детей моих ему, Игнатью, поить и кормить дву дочерей, Парасковью и Анну, да сына моего Афонасья Никифоровых детей, скормить до воз расту. И в дому жывучи со мною ему, Игнатью, детей моих ничем не изгонять, жить, бояся Бога в правду, и ничем не обидеть. И как он, Игнатий, ко мне, Анне, в дом придет, хотя ночь переспит, ино взять ему, Игнатью, половину всего живота и повытья и хором и скота, а дочерей моих скормить до замужья, а приданого дать по могуте…» Далее го ворилось об имущественных правах сына – если он уйдёт из дома до 20

лет, то ему взять треть всего имущества, если после 20 лет, то половину. В случае смерти вдовы все «животы, повытья, хоромы и скот» должны быть разделены новоиспечённым мужем пополам с её детьми.

Отпускные-выводные записи/памяти

В Коллекции столбцов ГАВО имеются грамоты и наказные памяти по Спасо-Прилуцкому и Павло-Обнорскому монастырям за 1599, 1633 и 1653 гг. Они показывают регулирующую роль монастырских властей в заключении браков у зависимых крестьян их вотчин. От середины XVII в. уцелел интересный столбец с отпускными-выводными записями из архива Спасо-Прилуцкого монастыря за 1653 г. и около ста записных книг поповских старост Ростовской митрополии по Устюжскому, Сольвычегодскому, Тотемскому и части Двинского уездам 1661–1666 гг. Сравнительное изучение указанных источников раскрывает институты семьи и брака и в правовом, и в демографическом, и в социокультурном плане.

В уставной грамоте Спасо-Прилуцкого монастыря 1599 г. размеры свадебных пошлин приказчиков с крестьянских браков зависели от их очерёдности и характера: с первого 1 алт., с двоежёнца 2 алт., а выводная куница гривна (10 коп.). В вотчине Павло-Обнорского монастыря по уставной записи 1633 г. такая же по величине выводная пошлина сопровождалась ещё подношением приказчику «тиунского гуся и блюда пирогов» с соответствующими эквивалентами: за гуся 8 ден., а за пироги 2 ден. «Дары тиунские» полагались и доводчику: «с новожённого отрока» и с троежёнца 4 и 6 ден. соответственно. В наказной памяти властей Павло-Обнорского монастыря приказчику села Фроловского в том же 1633 г. размер «вывода» за волость определялся договором сторон («по зговору»). Приведённые сведения подтверждают правоту комментария А. Г. Манькова к 19-й статье XI главы Соборного уложения о выводе как старинном институте обычного права (в 1649 г. он впервые был внесён в общегосударственный кодекс) и подключении приказных слуг в вотчинах (иногда и сельских старост) к его взиманию.

На этапе юридического оформления крепостного права в России проблема крестьянских браков стала предметом пристального внимания государства. Его она интересовала в связи с ростом

крестьянского бегства и общим принципом обязательного письменного закрепления владельческих прав на крестьян в межфеодальной сфере («впредь для спору»). Вот почему в 19-й статье XI главы Соборного уложения 1649 г. речь шла о выдаче вотчинниками и помещиками крестьянским девкам и вдовам отпускных, в которых должны были фиксироваться размеры «вывода».

До широкого распространения крестьянских отпускных на замужество были известны отпускные памяти/записи в отношении освобождаемых на волю холопов (рабов). В Уложении царя Василия Шуйского от 9 марта 1607 г. содержалась статья о выдаче отпускных на волю холопам (парню свыше 20 лет, девке свыше 18 лет, молодой вдове по истечении двух лет, как умер её муж) светской администрацией (казначеями, наместниками, судьями), если холоповладельцы удерживали их от вступления в брак. При этом аргументация законодателя весьма красноречива: «Не держи неженатых под закон божий и правила святых отец, да не умножится блуд и сквернодеяние в людех». Бытовали отпускные как вид документации и в других социальных практиках – при увольнении военнослужащих из армии, при переходе священников и дьяконов из одного прихода в другой.

Взгляд на выход крестьянки замуж за пределы вотчины/поместья без отпускной памяти как на правонарушение отчётливо отразился в одном судебном деле Спасо-Прилуцкого монастыря 1655 г. Архимандрит Серапион и келарь Селивестр судили двух своих крестьян из Лоптуновского ключа (дер. Надеева под Вологдой), женившихся на двух «девках» из боярской вотчины П. Д. Лазарева без получения от прежних владельцев отпускных («боярина Петра Дмитриевича и его матушки старицы Улиты»). Дело было возбуждено П. Д. Лазаревым, который, по всей видимости, заявил притязания на своих прежних крестьянок, вышедших замуж (в 1649/50) в прилуцкую вотчину. В документе приводятся обширные цитаты из главы XI (ст. 19 и 20) и гл. XX (ст. 27) об отпускных грамотах, принципами которых монастырские власти руководствовались при решении данного дела.

В ходе расследования выяснилось, что оба жениха получили от монастыря деньги для уплаты вывода за своих невест (12 руб. 8 алт. 2 ден.). К допросам были привлечены не только признанные виновными бывшие женихи и невесты, но и сват со свидетелем, устроившие по сути данные браки, не требуя отпускных. В конечном

счёте на бывших женихах выводные деньги были «доправлены», а сват Офонька Иванов приговорён к уплате 3 руб. штрафа в монастырскую казну. В условиях, когда брак во многом оставался делом самих крестьян, некоторая «непривычность» для монастыря к непременному получению отпускных памятей могла приводить к подобным межфеодальным конфликтам. Если бы прилуцкие власти располагали отпускными, их права на данных крестьянок были бы прочнее и неоспоримее. Таким образом, отпускные памяти можно считать частью документации на крестьян, способствовавшей их личному и поземельному прикреплению в России и активно развившейся во второй половине XVII в.

Не случайно к тому же 1655 г. относится наказная память властей Спасо-Прилуцкого монастыря приказчикам вологодских сёл Сергиева и Пареницына о том, чтобы «без отпускных бы памятей ни из которых вотчин и ис поместей вдов и девок крестьяня меж собя и за детей своих не имали». В описи монастырского имущества за 1688 г. в подборке помещичьих отпускных крестьянам и холопам на волю и «постричись» отмечено: «…да отпускных же розных помещиков на девки, которые отпусканы на волю и за монастырских крестьян замуж, всего десять отпускных». Спасо-Прилуцкий монастырь не только сам выдавал своим крестьянкам отпускные на вывод, но и хранил те отпускные, которые получал при женитьбе своих крестьян на невестах со стороны. Так было, думаем, и в любом другом монастыре. Иное дело – нынешнее состояние этого документального комплекса. Для сравнения укажем на массив отпускных памятей второй половины XVII в. из архива угличского Алексеевского монастыря (в собрании рукописей Ростовского музея) и Троице-Алатырского монастыря, приписного к Сергиевой лавре (в ф. 281 – Грамоты коллегии экономии по Алатырскому уезду в РГАДА).

Делопроизводственный «столп» Спасо-Прилуцкого монастыря за январь-февраль 1653 г. показывает всю цепочку событий, ведущих к законной крестьянской свадьбе. Перед нами поэтапно проходят: крестьянский сговор (устный или письменный) – соответствующая челобитная властям с просьбой выдать отпускную и разрешить «на свадбу четвертицу пивца сварить», иногда ссылки на «государев указ» (то есть ст. 19 главы XI Уложения 1649 г.) – приговор властей обычно с положительным решением – выдача отпускной нередко за подписью

архимандрита, келаря или казначея и прикреплением казённой печати – включение списка с неё в «пометочные книги и столп дел». Подобные документы отражают и народный обычай, и народное правосознание, и бытовавшее в данной вотчине сеньориальное право.

Иногда в челобитных пересказывалось содержание устных крестьянских договорённостей либо «зговорных» записей относительно приданого на случай смерти выдаваемой замуж дочери и её правового статуса после смерти мужа. Некоторые крестьяне просили выдать им противень отпускной памяти, таким образом, те могли оформляться в двух экземплярах, не считая списка с них, включаемого в монастырский «столп дел». Отпускные всегда были адресованы тому, кто выдавал дочь (или сестру, племянницу) замуж. Женщина в них всегда выступает как некий объект права, кроме тех случаев, когда вдова сама обращалась с просьбой разрешить ей вторично выйти замуж и получала отпускную непосредственно на себя.

Упомянутый «столп» начинается с приговора монастырского собора (16 старцев) от января 1653 г. о взимании «вывода по-прежнему» и вписании отпускных в «столп дел» и «пометочную» тетрадь. Содержательную «единицу» составляет совокупность четырёх текстов: 1) обращение с челобитной с указанием года, месяца, числа и имени челобитчика, 2) собственно челобитная, 3) приговор собора и 4) копия выданной просителю на руки отпускной памяти. Все 12 законченных в столпе текстов лаконичны, деловиты, хотя и сквозь них прорываются живые человеческие интонации, разнообразие жизненных ситуаций, порой драматичных.

В челобитных интересны моменты, отражающие женское понимание необходимости повторного брака («без мужа мне жити невозможно, пити и ести нечево, а купити хлеба и одежи, и обутки нечим»), просьбы не только выдать отпускную память, но и от «выводной куницы» освободить по бедности, забота о несовершеннолетних детях и тем более сиротах. Крестьяне выдавали замуж своих «дочеришек», «сестришек», племянниц, реже вдовых невесток или бедных сироток за пределы прилуцкой вотчины – в соседние поместья, «боярщины», владения Спасо-Каменного и Кирилло-Белозерского монастырей, Ростовской митрополичьей кафедры, реже – в Вологду за посадских людей. Иногда в качестве старшего родственника выступает вдовая мать, выдающая дочь замуж.

Кроме того, вдовы самостоятельно устраивали собственную судьбу, о чём выше уже говорилось. Официальный характер выдаваемым отпускным придавали подписи на них архимандрита или келаря, прикрепление казённой печати, что отмечалось при копировании текстов в делопроизводственный «столп». Нередко за прописанными сюжетами угадывается институт церковного прихода, имевший интегрирующее значение для соседних крестьян разной владельческой принадлежности.

Блуд и незаконнорождённые дети

К церковному регулированию семейно-брачной сферы относилась и выдача священникам *почеревных* памятей, оформлявших пени за рождение внебрачных детей у вдов, монахинь, «безмужних жён/жёнок» и у девиц. Показательно тяготение размеров пошлин к унификации – и почеревные, и похоронные, и выводные составляли одинаково 4 алт. 4 ден. («принесла Фетиньица Никитина дочь робенка», «…родила робенка Соломия Емельянова дочь», «…дана почеревная попу такому-то дати молитва родильнице-девке…», «давал молитву безмужней жёнке Ульяне со младенцем»), реже почеревные взимались на вдовах. Это говорит о раннем вдовстве женщин, более высокой и ранней мужской смертности. Иногда из-за нищеты и увечности пострадавших штраф не брался: «дал молитву поп Петр нищей малоумной и увечной девке Натальице, пошлин взять нечего».

В записной пошлинной книге по Устюгу и уезду 1681/82 г. отмечены размеры пенных денег за *«блудное насильство и робячий прижиток»* на виновных мужчинах в результате судебного расследования митрополичьими приказными людьми по искам девок, вдов, безмужних жёнок – 2–4 руб. В церковном суде женщины нередко устранялись от наступательных обвинений в адрес своих обидчиков, ссылаясь на то, что «зазрились» (застыдились), мол, *«дело моё женское, сиротское»*. Но возможность для рядовых женщин-крестьянок и горожанок играть не пассивную роль только жертв насилия и объектов судебного разбирательства, а быть активными субъектами права была. Штрафные деньги с обидчика при изнасиловании замужней женщины выплачивались её мужу, а девушки – её отцу. Свёкр мог быть оштрафован, если его сноха «родила без

мужа» (то есть был обманут его сын). Отца штрафовали за «прижитие его сыном робенка преж законного брака». Если женщина была изнасилована неведомым прохожим человеком, в результате чего «брюхо привязалось», то штрафные деньги платила она сама. «Безмужняя женка» за свои проступки также отвечала самостоятельно. Измена в браке называлась *«чюжеложеством»*, иногда говорилось, что муж/ жена «прелюбы творит», слов «любовник/любовница» практически не употребляли, вместо них использовали определение «наложник/наложница» (например, жена с наложником убили законного мужа).

В расспросных речах женщин различались «блуд насильством» и «блуд полюбовный». Соответствующая статья в церковной документации называлась «пенные деньги за прижитие брюха полюбовным блудом». В сборной пошлинной книге по Яренскому уезду 1691/92 г. отдельно фиксировались браки законные и «пенные» (при их венчании пошлина была больше на 2 руб. 8 алт. 2 ден.). Доля их в общей совокупности браков (13 из 405) оказалась невысокой – 3,2 %, зато в общей сумме брачных сборов около 23 %.

Законные и пенные браки в приходах Яренского уезда (1691/92 г.)

Город, волость	Приход	Дата	Заключено браков			
			законных		«пенных»	
			Кол-во	Взято пошлин	Кол-во	Пени
Яренск	—	3 мая — 13 ноября	35	7 р.	2	4,5 р.

Город, волость	Приход	Дата	Заключено браков			
			законных		«пенных»	
			Кол-во	Взято пошлин	Кол-во	Пени
Важгорская	Воскресенский	3 февраля	—	5 ал. 2 ден.	—	—
Косланская	Ильинский	9 февраля	10	2 р.	—	—
Верх-Вычегодская	Усть-Коломский	19 февраля	44	8 р. 26 ал. 4 ден.	1	2 р. 8 ал. 2 ден.
Вишера	Пречистенский	19 февраля	6	1 р. 2 гривны	2	4,5 р.
Койгородская	Спасский	25 февраля	11	2 р. 2 гривны	—	—
Пыелдинская	Николаевский	27 февраля	47	9 р. 13 ал. 4 ден.	2	4,5 р.
Межадорская	Введенский	1 марта	6	1 р. 2 гривны	1	2 р. 8 ал. 2 ден.
Ибская	Ильинский	2 марта	30	6 р.	—	—
Пажгинская	Богоявленский	4 марта	5	1 р.	—	—
Шешкинский	Архангельский	4 марта	9	1 р. 8 гривен	—	—
Усть-Сысола	Троицкий	5 марта	3	20 ал.	—	—
Корткераская	Николаевский	5 марта	10	2 р.	—	—
Зеленецкая	Рождественский	6 марта	32	6 р. 4 гривны	1	2 р. 8 ал. 2 ден.
Усть-Вымь	—	9 марта	64	12 р. 26 ал. 4 ден.	1	2 р. 8 ал.
Яренск	—	15 марта	21	4 р. 6 ал. 4 ден.	2	4,5 р.
Шеномская	Богоявленский	31 марта	58	11 р. 20 ал.	1	2 р. 8 ал. 2 ден.
В с е г о			392 (96,8%)	76,5 р. (77%)	13 (3,2%)	22,75 р. (22,9%)

Источник: ОР РНБ. ОЛДП.Q.755[5].

О терпимом отношении на Русском Севере к рождению внебрачных детей свидетельствует ст. 69 Судебника 1589 г. В ней определены размеры «бесчестья» (возмещения за оскорбление) разным категориям местного общества и в том числе предусмотрена правовая защита (хотя и мизерная – 2 ден.) даже для деревенских блудниц и *«выблятков не у венчалныя жены – 2 деньги против материних промыслов»*. Священники давали очистительные молитвы таким родильницам, а детей крестили. Ужесточение реакции со стороны церкви наметилось в конце XVII в. Выразилось оно не только в увеличении штрафов на мужчин, причастность которых к данным фактам в ходе розыска была установлена. Кроме этого, в наказной памяти архиепископа Афанасия Холмогорского духовному судье старцу Тихону 1682 г. предписывалось родивших незаконных детей девок, вдов и черниц бить нещадно и ссылать в женские монастыри на исправление сроком на 5–6 недель, где вразумлять «от божественного писания, чтобы они впредь так не бесчинствовали».

Для более раннего времени также имеются примеры переплетения штрафных санкций с судебными и воспитательными функциями представителей церкви. В записной книге священника Благовещенской соборной церкви в Сольвычегодске М. С. Протопопова 1666 г. отмечена почеревная пошлина с «безмужней женки Стефаниды» 4 алт. 4 ден. Он же проводил «роспросы» безмужних жёнок, накладывая на них соответствующий размер пени. В Вологодской епархии, согласно окладной книге 1675 г., пошлины, отразившие церковное регулирование брачности, были примерно такими же.

Предпринимались и родительские усилия по исправлению семейно-брачной жизни своих взрослых сыновей. В актах служилых землевладельцев отражена отцовская власть над сыновьями, не желавшими жить достойно. В 1685 г. белозерский вотчин ник В. Б. Кокорев дал две свои деревни внучке Пелагее в обход сына Ми хаила, «за то, что он, Михайло, меня ни в чём не слушает и не женитца, от меня пошол, блядку взял и тое держит в шацкой деревне, и тое покинул, и взял на Москве другую блядку, и с той у него выблядок, и хочет мои деревни продавать и крепить за выблядком». Отцовская запись заканчи вается выражением проклятия никудышному сыну: «…и

не будь на нём мое благословение». В этой связи уместно привести норму Соборного уложения (гл. X, ст. 280), согласно которой дети, прижитые отцами до, при или после «за конные женитвы», не имели права на их вотчины и поместья. Даже по следующая женитьба отца на своей наложнице не давала детям от неё имуще ственных прав по сравнению с законными наследниками. Компенсация за оскорбление в отношении таких детей государ ством не предусматривалась, тогда как аналогичное правонарушение по адресу законных детей штрафовалось.

В «Повести о Савве Грудцыне» (прототипом которой мог послужить кто-то из известной на Устюге торговой семьи Грудцыных-Усовых) герой, подобно Фаусту, продаёт душу бесу за земные блага и наслаждения, не желая обременять себя семейными узами. После череды тяжёлых испытаний он приносит покаяние, получает прощение и постригается в монастырь. В исторической песне «Сверлюк Стерлюк Харахорович» конца XVII в. герой также

…Был падок к красным девушкам,
К молоденьким молодушкам,
Не хотел вступить в законный брак,
Жил с блудницею любимою…

Стихотворение заканчивается советом добрым молодцам лучше жениться, нежели плотью разжигаться.

Через призму приведённых характеристик русское общество в канун Петровских реформ выглядит глубоко традиционным, в нем самые, казалось бы, интимные стороны частной жизни человека становились предметом публичного рассмотрения, будь то крестьянская и посадская община, служилая или монашеская корпорация. Демографического перехода Московская Русь на рубеже XVII–XVIII вв., характерного для европейских стран раннего Нового времени (снижение смертности и более рациональное регулирование рождаемости), ещё не переживала. Однако в Петровскую эпоху был использован уже накопленный церковью опыт демографического учёта (брачности, смертности), а епархиальной документацией XVII в. был подготовлен переход к более упорядоченному (метрическому) учёту народонаселения в синодальный период русской истории.

Образцы семейно-брачной документации по Белозерскому и Вологодскому уездам за 1626–1681 гг.

№ 1

1626 января 15 – ноября 10. Венечная память архиепископского заказчика Мины егорьевскому священнику Ермилу на венчание крестьян и брачных обысках о них

(Стб.[6] 1) 135 года ноября в 10 день архиепископля закащика Архангельского попа Мины Егорьевскому попу Ермилу села Фрязиновы.

Женитца Сидор Захарьев, понимает Агрепину Иванову дочь, оба отроки.

Да деревни Нагорново женитца Андрей Тимофиев, понимает Ксенью Дементьеву дочь, оба отроки. И ты бы про них сыскал, что они ни в роду, ни в племени, ни в кумовстве, ни в сватовстве безо всякого прироку, да их бы еси венчал.

А память писал закащик своею рукою.

(Стб. 2) 135 году генваря в 5 день по благословению и по приказу великаго господина Варлама, архиепископа Вологоцкого и Великопермьского, память закащика Архангельского попа Мины Егорьевскому попу Ермилу.

Женитца Михаила Ивановича Кудрявого человек Иоаким Иванов, понимает Евдокию Иванову дочь, оба отроки. И ты бы про них сыскал, что они ни в роду, ни в племени, ни в кумовстве, ни в сватовстве безо всякого прироку, да их бы еси венчал.

А память писал закащик своею рукою.

ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 86. Подлинник.

№ 2

1641 г. мая 14. Рядная («зговорная») запись Ивана Задонского на брак его дочери Гликерии с Матвеем Рязановым

(л. 1) Список с рядной слово в слово.

Се яз, Иван Ананьин сын Задонского, зговорил есми дочь свою девицу Гликерью Иванову дочь замуж за Матвея Дмитриевича Рязанова. А благословляю я, Иван, дочь свою Гликерию божиим милосердием образ Пречистыя Богородицы. Одегитрие Тифинские

обложен серебром, венцы резные да цата[7] басменная золочена, да образ Пречистые Богородицы Владимирския обложен серебром, венец резной, да образ Всемилостивого Спаса Нерукотворного обложен серебром басмене золотом, да образ Николы Чудотворца обложен серебром, золотом, венец и цата серебряные, да образ Фёдора и Давыда и Константина Смоленских и Ярославских чудотворцев обложен серебром, венцы резные.

Да приданого даю с нею платья: шапка жемчужная с канителею и с отрубуами дватцать пять рублев, да шапка шитая золотом да серебром, цена семь рублев, да шапка шитая ж мелкотравная три рубли с полтиною, да ожерелье жемчужные с пугвицами тритцет рублев, да тесма чёрная с пугвицами два рубли, да опашень багрецовой, пугвицы серебряные, цена пятнатцат рублев, да шубка столовая багрецовыя сукно червчата десят рублев, летник камчат рудожелт, вошвы шитые по бархату червчатому золотом да серебром, цена тритцет пят рублев, да другой летник алой, тафта виницейския вошвы, бархат цветной по белой земли десят рублев, да телогрея камка цветная на лисьих лапах с кружевом кованым, цена десят рублев, да охабен алой дорогилной и с кружевом серебреным кованым десят рублев, да телогрея дорогилняя зеленая с пухом, нашивка шелковая з золотом и с кистями пят рублев, да ошивка с волосняком жемчужная с канителью десят рублев, да манисто со кресты десят рублев да другое манисто со кресты да серги жемчюги золоченые пят рублев, да серги другие четыре рубли, да три перстни золотых, да десят перстней серебреных сем рублей, да перина с головней с подушками и с одеялом сем рублев, да оловеник да стопа два рубли погребец, а в нем шесть скляниц, да чарка серебряная винная три рубли, да сутки столовые двечке рубль, да две торели, да лимонник, да огуречник, да братинка немецкая аглинския навожена чернью три рубли, да две сковоротки, да таз рубль, котел медной рубль, да приданой человек з женою, да двое детей, да девка к ларцу.

А выдати мне, Ивану, дочь своя Гликерья с тем приданым за Матвея Дмитриевича Рязанова во сто пятдесятом году после Дмитриева дни Селунского в первое число воскресенье.

А будет я, Ивана, не выдам дочери своя Гликерья на тот срок, кои в сей записе писан, с тем со всем приданым, ино на мне, на Иване, по сей записи Матвею взятии заряду триста пятдесят рублев денег.

А запись рядную писал архиепископль певчий дьяк Григорко Андреев сын лета 149 году мая в 14 день.

Позаде пишет: К сей рядной записи Иван Ананьин сын Задонской руку приложил.

К сей рядной записе князь Григорий руку приложил.

К сей рядной записе Прокофей Олшевской руку приложил.

К сей записе рядной Василий Микитин сын Румянцев руку приложил.

(л. 2 об.) К сему списку с рядные записи… руку приложил.

ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 340. Л. 1–2 об.

№ 3

1681 г. после января 27. Челобитная жены целовальника Сыскного приказа Самсона Иванова сына Карпова Ульяны архиепископу Симону на посадского человека Василия Олферова, отказавшегося от брака с дочерью челобитчицы Василисой после заключения рядной записи, в убытках и бесчестии

Государю преосвященному Симону архиепископу Вологодскому и Белозерскому бьет челом Сыскново приказу целованникова женишко Самсона Иванова Ульянка Карпова. Жалоба, государь, мне на посадского человека на Василия Олферова в том: в нынешнем государь, 1681 году января в 2 день у нас с ним, Васькой, з тово, что ему взять дочь мою девку а Василиса замуж и образовали, и целовал, и дары принял. И он, Василей, дочери моей не емлет за себя замуж и на срок января 27 не приехал с поездом, отказал, насмеялся, а я сирота на ту свадьбу на сроки оден и на сватанье издержала всякого харчю и пия, и дар на десять рублев. Милостливый государь, великий святитель, пожалуй меня, сироту, вели, государь мой, ему, Ваське, заплатить, а с бесчестия дочери моей, а что ты, государь укажешь. Государь, смилуйся.

На обороте: К сей челобитной Ростовского митрополита крестьянин Филка Дмитриев вместо Ульяны Карповы по ея велению руку приложил.

ВГИАХМЗ. Ф. 1. Оп. 1. № 52. Подлинник.

Раздел третий. Человек во времени

История – наука о людях во времени.

Марк Блок

Очерк 7. Удельный князь в эпоху перемен

Кн. Андрей Васильевич (1452–1481) – младший из семерых сыновей великого князя Василия II Васильевича Тёмного от княгини Марии Ярославны Боровской. Родился 8 августа 1452 г. Имел прозвище Меньшой для отличия от старшего брата, кн. Андрея Васильевича Большого Угличского («Горяя»). Других его братьев звали: Иван, Юрий (Дмитровский), Андрей (Большой), Борис (Волоцкий). Разница в возрасте с самым старшим, Иваном, у Андрея Меньшого составляла 12 лет. В год, когда он только родился, княжич Иван вместе с татарским царевичем Якубом уже совершал свои первые военные походы против Дмитрия Шемяки и как раз по северным вологодским местам (1452). В общерусском контексте появление Андрея Меньшого на свет совпало с окончанием длительной феодальной (династической) войны между московскими Рюриковичами, когда удельная система, хотя ещё и оставалась надолго, но соотношение сил (территориальных, материальных, политических) неуклонно менялось в пользу великокняжеского единодержавия.

По духовной грамоте своего отца (май 1461 – март 1462 г.) кн. Андрей Меньшой получил Вологду с Кубеною и Заозерьем «со всем, что к ним потягло, и с пошлинами» и часть других вологодских волостей (Иледам и Обнора на вологодско-костромском рубеже, Комела, Лежский Волок, Авнега, Шиленга, Пелыима, Бохтюга, Ухтюжка, Сяма, Тошна, Янгосарь). Часть доходов ему была обещана в Москве, а в ближайшем Подмосковье – сёла Ясеневское, Тайнинское и волость Раменейцо.

Из-за малолетства Андрея Вологдой и отдельными вологодскими волостями до 1466–1467 гг. управляли его старший брат, великий князь Иван III, мать великая княгиня Мария Ярославна (в монашестве Марфа) и дьяк Фёдор Иванович Мячков. Затем, как говорится в летописной редакции родословных книг, «отпущала великая княгиня Марфа сына своего меньшого Ондрея на удел на Вологду, а с ним послала бояр своих Семёна Фёдоровича Пешка Сабурова да Фёдора Безноса». Наиболее ранняя точно датированная грамота кн. Андрея Меньшого – 22 февраля 1467 г. – была выдана Кирилло-Белозерскому монастырю на вологодский двор (сам Андрей тогда ещё был в Москве).

По другим актам известны дьяки кн. Андрея Меньшого – Никифор и кн. Василий Ухтомский (из белозерской княжеской корпорации). При кн. Андрее Меньшом начались, по-видимому, первые землеописательные работы в окрестностях Вологды (писцом был его дьяк Фёдор Мячков). Воевода Семён Пешек-Сабуров предводительствовал вологжанами в походе на Казань в 1469 г. и на Кокшеньгу в 1471 г.

В 1472 г. удел кн. Андрея Меньшого был расширен за счёт Тарусы. Возможно, в 1470-х гг. ему были реально выделены обещанные в духовной отца волость Раменейцо и сёла Ясеневское и Тайнинское, которые позднее он передаст по духовной старшим братьям: Андрею Большому (волость Раменейцо) и Борису Волоцкому (село Ясеневское). В период владения подмосковными землями у кн. Андрея Меньшого были какие-то споры с кн. Борисом по поводу смежной территории между сёлами Тайнинским и Шараповом, но в своей духовной 1481 г. он просил Ивана III в ту спорную землю у брата Бориса не вступаться.

Что же касается проводимой кн. Андреем Меньшим политики на Вологде, то в его завещании упоминается о каком-то повышении таможенных пошлин здесь по сравнению со временем Василия II. В этой связи кн. Андрей просил Ивана III после своей смерти «учинить всё по старине». В одной грамоте кн. Андрея Меньшого Кириллову монастырю от 19 декабря 1471 г. находим наиболее раннее документальное свидетельство существования «города» (кремля) и посада в Вологде. В адресованных Кириллову монастырю грамотах 1467 и 1471 гг. кн. Андрей не просто следовал политике своих родителей в отношении его – Василия II и Марии Ярославны, при которых тот приобрёл на Вологде два двора – в крепости и на посаде, тем самым владельческие права влиятельной духовной корпорации были подтверждены. Это имело для неё важное экономическое значение, поскольку по Сухоно-Двинскому пути, начало которого было в Вологде, развивалась монастырская торговля. Развивалась она и в самой Вологде силами: 1) местных горожан, 2) приезжавших сюда белозерцев, а также 3) монастырских крестьян.

Вместе с тем в своей подписи (сделанной, скорее всего, в 1467 г.) на отцовской грамоте 1448 г. кн. Андрей запретил Кириллову монастырю принимать в свой городской двор тяглых посадских людей, заселять его полагалось только зависимыми от монастыря людьми из

Белозерского края. Несомненное торговое назначение имел и вологодский двор: «…а хто в том их жывучи дворе *белозерцев* купят ли что, продадут ли на Вологде, также им не надобе никоторые пошлины». В выданной одновременно с подписью грамоте от 22 февраля 1467 г. кн. Андрей отменил пятигривенный (50 коп.) оброк для вологодского двора Кириллова монастыря и полностью освободил его население от прямого налога (дани), писчей белки (пошлина писцам), транспортных взиманий (яма, подводы), торговой пошлины – тамги, ряда других пошлин, кроме церковных. Под церковными пошлинами следует понимать традиционные отчисления от таможенных доходов в пользу духовенства местных церквей в качестве денежной руги-«дотации». Из судебного иммунитета кирилловских властей в пользу вологодских наместников и тиунов были изъяты дела по наиболее тяжким уголовным преступлениям – душегубству (убийству), разбою и татьбе с поличным (воровству).

Помимо наместников и тиунов, административно-судебный аппарат удельного князя включал «боярина введённого» как вторую после него судебную инстанцию, волостелей, праведчиков, доводчиков, различных «пошлинников». Содержание перечисленных должностных лиц осуществлялось на основе системы кормлений. В дворцовых селах управителями являлись *дворские* и *посельские*. В ближайшем предместье князь имел свои личные (домениальные, или дворцовые) Янгосарские, Маслянские и Говоровские сёла, они были унаследованы им от своих бабки и матери, великих княгинь Софьи Витовтовны (жены Василия I) и Марии Ярославны (жены Василия II), а после 1472 г. ещё и от умершего дяди, князя Юрия Васильевича Дмитровского. Отдельные отрасли княжеского хозяйства образовывали *пути* (Масленский, Иванский). Но это может указывать и на *пути как дороги* через р. Масляную (приток р. Вологды) и пригородное с. Ивановское, оно же Чашниково на р. Вологде. На охотничью отрасль хозяйства указывают упомянутые в одной грамоте Андрея *княжеские псари с собаками*.

В личной зависимости от кн. Андрея находились холопы – *полные* (наследственные) и *кабальные* (служившие временно по письменному документу – *кабале*, скорее всего за полученные в долг небольшие денежные суммы). Их верхушку составляли приказные люди князя, которые *«от меня прибытки мои ведали»*, то есть занимались разными отраслями хозяйства, приносившими прибыль-доход, хотя, судя по

подведённым в завещании неутешительным итогам жизни, никакой особенной прибыли кн. Андрей от своего домена не получил. Однако в соответствии с религиозно-духовными установками той эпохи, в завещании 1481 г. он отпускал на «слободу» всех своих холопов и приказных людей.

Специальные *слободчики* привлекали новых поселенцев для освоения незанятых земель между Белозерьем и Вологодчиной. В движении населения важны были сухопутные и водные коммуникации по Волоко-Славинскому пути, водным артериям, связывавшим Шекснинско-Сухонское междуречье. Как и в других местах Руси, на порубежных территориях возникали *слободы* (льготные поселения, временно свободные от налогов), в организации которых княжеские слободчики как раз играли ведущую роль. В одной грамоте Кирилло-Белозерскому монастырю от 6 декабря 1471 г. кн. Андрей регулирует режим крестьянских переходов («отказов») – для монастырских «серебряников» (плативших денежный оброк или взявших денежную ссуду-подмогу) они разрешаются раз в году – в Юрьев день осенний. Князь Андрей давал крестьянам деньги и зерно в долг с процентами («ростовое серебро», «заёмное жито»). Эти долги крестьяне отрабатывали на господском поле («серебро издельное») или выплачивали хлебный оброк («жито оброчное»). В конце жизни христианский долг повелевал прощать должников, и вот он пишет, что «яз то свое серебро и жито всё отдал христианом». Часть дворцовых земель использовалась для вознаграждения служилых князей Андрея Васильевича, причём одна фамилия известна доподлинно – князья Шаховские из Ярославского дома. Земли Андрей Меньшой жаловал также своим боярам, детям боярским и «дворным людям».

В систему обложения Вологодского княжества при Андрее Меньшом входили следующие налоги, повинности и пошлины – дань, писчая белка, ям, подвода, сторожевое, «служба моя», обязанность чёрного тяглого населения «делать город». Большое значение для Вологды, занимавшей ключевое положение на Сухоно-Двинском пути, имели и различные таможенные пошлины, шедшие в княжескую казну, – мыт, тамга, костки, резанка, восмничее, гостиное, явленное, пятенное. Для землевладения Кирилло-Белозерского монастыря кн. Андрей установил в первой половине 1470-х гг. более облегчённый оброчный статус – ежегодную выплату с его вологодских сёл шести

рублей «после Крещенья». Орочный статус был установлен им в 1472–1475 гг. и для деревень Спасо-Прилуцкого монастыря в Городском стане и в Оларевой слободке. Крестьяне этой духовной корпорации могли платить 5 руб. в год в финансовое ведомство князя – его *казну*.

В 1477–1478 гг. в составе Передового полка кн. Андрей участвовал в общерусском походе на Новгород Великий. В период войны с ордынским ханом Ахматом в 1480 г. кн. Андрей вместе со старшим сыном Ивана III, Иваном Ивановичем Молодым, держали оборону по Оке, от Калуги до реки Угры. Когда же река Угра покрылась льдом, кн. Андрей Меньшой с великим князем Иваном Молодым пришли в ставку Ивана III в Кременец.

Документальное наследие кн. Андрея Меньшого невелико. До нас дошло 18 его грамот, из которых 11 было выдано Кирилло-Белозерскому монастырю, две – Спасо-Каменному, две – Спасо-Прилуцкому, одна – вологодской церкви Василия Кесарийского, одна – служилому человеку Злобе Васильеву сыну Львову и одна является духовной кн. Андрея. Большая часть кирилловских грамот – восемь – была выдана князем Андреем в один день – 6 декабря 1471 г., когда он находился в Вологде. Кроме того, имеются подтверждения князем Андреем грамоты его матери, великой княгини Марии Ярославны, Дионисьево-Глушицкому монастырю и грамоты Василия II Кирилло-Белозерскому монастырю. По упоминанию в духовной среди свидетелей Ростовского архиепископа Вассиана Рыло, умершего в марте 1481 г., завещание датируется временем не позднее марта 1481 г. Самому Андрею жизни оставалось не более пяти месяцев… Кроме Вассиана и Паисия, душеприказчиками были назначены некий поп Никита и влиятельнейший на тот момент кн. Иван Юрьевич Патрикеев. Главным же определялся вел. кн. Иван Васильевич – ему Андрей Меньшой приказывал *«душу свою помянути и долг заплатити и о всем росправити… положил есми о всем на Бозе да на нем, на своем господине»*. Писцом духовной указан дьяк удельного князя Василий Ухтомский (происходил из ветви Белозерского княжеского дома, но на тот момент уже утратил княжеский титул).

В духовной грамоте кн. Андрей называет «своим» Спасо-Каменный монастырь, которому он явно покровительствовал. Ставший его настоятелем в 1481 г. Паисий Ярославов назван одним из свидетелей духовной (на момент её составления – игумен Троице-

Сергиева монастыря, которому завещалось 40 волостных деревень в пригородной волости Сяме). О политике широких земельных раздач «в своей вотчине», проводимой Андреем в годы удельного правления, свидетельствует фраза из его духовной, чтобы Иван III не порушил грамот на сёла и деревни монастырям и церквам Божиим, данных Андреем.

Заботясь о неприкосновенности землевладения Спасо-Каменного монастыря («моего и не моего данья»), кн. Андрей просил в духовной Ивана III не включать их в программу писцовых описаний и не облагать данью. Однако далеко не все земельные распоряжения завещателя старший сюзерен посчитал нужным исполнять. Скорее всего, не было выполнено пожелание Андрея относительно Троицкого монастыря – 40 обещанных деревень в пригородной волости Сяме он так и не получил.

Удельное правление кн. Андрея Меньшого оставило несомненный след в культуре. На средства кн. Андрея на острове среди Кубенского озера был сооружён первый в Вологодской земле и Русском Севере вообще каменный Спасо-Преображенский собор. В ризнице Спасо-Каменного монастыря бережно хранились вкладные (подписные) дары князя – серебряный потир и торель, которые ныне находятся в собрании Вологодского музея-заповедника. Князь, скорее всего, заказывал профессиональным ремесленникам дорогие предметы декоративно-прикладного искусства, а некоторые получил в наследство от матери, что-то было пожаловано ему «моим господином, братом старейшим». В духовной грамоте кн. Андрея отмечены многочисленные золотые цепи, ковши, пояса, золотой крест с большой цепью, икона Пречистой Богоматери, серебряные чарки и «мисы». Всей этой драгоценной утвари был составлен отдельный список. Наличие её помогало князю решать свои финансовые проблемы: немало золотой и серебряной посуды было в закладе у некоего Григория Бобыни (в 250 руб.) и Ивана Фрязина (в 350 руб.). Кое-что из драгоценностей он завещал племянникам, сыновьям Ивана III от разных его браков – кн. Ивану Ивановичу Молодому (от брака с великой тверской княжной Марией Борисовной) и кн. Василию (будущему вел. кн. Василию III) с кн. Юрием (будущий удельный кн. Юрий Дмитровский, оба – от брака с византийской принцессой Софьей Палеолог). Несомненная печать семейно-родовой собственности/принадлежности лежала на некоторых

реликвиях, передававшихся у потомков Ивана Калиты из поколения в поколение.

В завещании кн. Андрея Меньшого фигурируют его крупные долги в 30 тыс. руб. Ивану III по выплате татарской дани, «что за меня в Орды давал и в Казань и в Городок царевичю и что есми у него собе имал». Здесь имеются в виду Большая Орда, Казанское ханство и Городок Мещерский на Оке (Касимов – ныне в Рязанской обл.). Следовательно, до 1481 г. с Вологодского удела шла выплата дани («выхода») в Орду, которую только своими силами кн. Андрей собрать не мог. Как частное лицо кн. Андрей Меньшой имел долги перед множеством купцов (по преимуществу московских и, возможно, новгородских) и местных землевладельцев, перечисленных в завещании: Гаврилу Салареву 300 руб., Андрею и Дмитрию Чашниковым соответственно 115 и 26,5 руб., Ивану Сыркову 81,5 руб., Данилу Бебеху 15 руб., Михаилу Раку 20 руб. и др.). Были среди кредиторов кн. Андрея и ремесленники: какому-то Сенке *броннику* 51 руб.

Кн. Андрей Меньшой тяжелобольным отмечен в летописи в августе 1479 г., во время освящения Успенского собора Московского Кремля. Умер князь 5 июля 1481 г., не дожив до полных 29 лет, и похоронен в родовой усыпальнице своих предков – Архангельском соборе Московского Кремля. Вологодский удел как выморочный (у Андрея не было жены и не осталось потомства) перешел к его старшему брату, вел. кн. Ивану III. Вологодское удельное княжество навсегда прекратило своё недолгое существование. **Иван же III, будучи старше Андрея Меньшого на 12 лет, прожил после него ещё почти четверть века, войдя в русскую историю как великий создатель единого Русского государства, ГОСУДАРЬ ВСЕЯ РУСИ!**

Очерк 8. Крестьяне: заботы земные

Проблемы микроистории ныне являются одним из актуальных направлений современного исторического знания. В их числе важное место занимает исследование на микроуровне таких основополагающих социальных институтов, как семья и брак. Далеко ещё не реализованные возможности для этого предоставляет документальное наследие Русского Севера, и имеется плодотворный опыт изучения крестьянских семей и их генеалогии в тесной связи с вопросами крестьянского землевладения и хозяйства в трудах А. И. Копанева, З. А. Огризко, Н. П. Воскобойниковой, Е. Н. Швейковской, О. Б. Кох, О. Н. Адаменко, ряда других учёных.

В составе документации Вологодского архиерейского дома сохранилась небольшая подборка документов, отразивших межкрестьянские отношения в древнейшей части вотчины пермско-вологодских епископов – на Усть-Выми Яренского уезда. Речь идёт о группе поземельных актов (числом 9, некоторые из них впервые были отмечены З. А. Огризко) **семьи Рычковых**, хронологически относящихся к 1658–1673 гг. и происходящих из среды «домовых» крестьян Вологодской архиерейской кафедры. По своим видам это порядная, духовная, приказная отписка, закладные, отводные записи, челобитная и наказная память. Наряду с перипетиями горизонтальных (внутрисемейных и межличностных) и вертикальных (властных) отношений, они отражают интересные бытовые, демографические, социокультурные и правовые детали крестьянской жизни, включая духовную сферу, а также то, что ныне именуется *гендерными* аспектами социальной истории. Специфична и некоторая терминология (родственная, поземельная) разбираемых источников, отличная от центральнорусской. С точки зрения соотношения микро– и макроподходов к социальной истории в данном комплексе документов существенно пересечение мелковотчинно-крестьянских и сеньориально-вотчинных структур земельной собственности на Русском Севере с характерной для него более выраженной ролью крестьянской общины, более широким объёмом владельческих прав крестьян, нежели в центре России.

Самой ранней в данной подборке является порядная запись живущего в дер. Коквицах (на р. Вычегде вблизи Усть-Вымского погоста-городка) Федота Фёдорова с. Рычкова от 2 февраля 1658 г. Порядная была составлена с доклада усть-вымскому наместнику вологодского архиерея, сыну боярскому Ивану Суровцову. Самоназвание её не должно вводить в заблуждение: речь идёт не о крестьянском, бобыльском или половничьем *поряде*, столь распространённом на Русском Севере, а об оформленном *по противням свадебном договоре* отца, Федота, выдающего замуж свою дочь Пелагею, с женихом, государственным крестьянином Тимофеем Петровым сыном. Федот Рычков давал за дочерью *деревню* (в данном случае это комплекс жилых построек и земельных угодий – «отца своего благословение», включая поля, пожни, двор и скот «и всё моё житьё-бытьё»). Третья часть «деревни» была у Федота на момент передачи в закладе «порознь – поля в 12 руб., а пожни в 8 руб.», и её предстояло Тимофею выкупить своими деньгами, «как его мочь сяжет». Тимофей должен был войти в дом невесты с *«приносом»*, определяемым отцом, – 8 руб., одежда (шуба, зипун, рубахи, портки) и всякая мелочь вроде мереж и скота (корова, три овцы).

Далее в порядной записи были перечислены взаимные обязательства сторон: Тимофей должен был жить с тестем и тёщей (Федотом и его женой Огрофеной, она же Агрипена) «за один человек, пити и ести вместе, платье носить с одново и всякая работа робить без ослушания, заботиться о них, а перед смертью, если «Бог приведёт к постриганью», – постричь, после смерти «поминать и сорокоуст по нас давать отцу нашему духовному с крылошаны и псалтырь говорить». Вместе с Тимофеем должна была жить и его мать Ульяна, «пити и ести с одново». Налицо забота о старших в семье и бытовавшая в местном крестьянском обществе традиция предсмертного пострижения в монашество.

Если Федот не выполнил бы взятых на себя обязательств, он должен был отдать дочери с её мужем при наличии у них детей («отрода», или «подрода») половину своего имущества в качестве приданого, а также весь «принос» Тимофея и по рублю найма за каждый отработанный год. Значит, допускалась возможность отделения дочери с мужем от родительского хозяйства и уход из отцовского дома по инициативе тестя или по своей собственной. Неясно только, могли

ли они совсем уйти за пределы домовой вотчины, которой по отцу принадлежала Пелагея. Если Тимофей сам ушёл бы от тестя, то он не должен был претендовать ни на свой «принос», ни на хозяйство тестя («дела нет ни до чево»). В случае смерти старших членов семьи – Федота и Огрофены – и отсутствия детей у Тимофея с Пелагеей последние могли беспрепятственно владеть двором, скотом, «деревней, житьём и бытьём со всем без вывода». Федот специально оговаривал в порядной, что со стороны его дочерей, брата, племянников, «рода и племени» не должно быть никаких притязаний: «дела нет, опричь Тимофея и дочери моей Пелагеи». Поскольку о сыновьях Федот в порядной (и позднейшей духовной) не упоминал, можно предположить, что у него на данный момент были одни дочери, из которых Пелагея являлась младшей. Дополнительные сведения о семье Федота можно почерпнуть из переписной книги Яренского уезда 1646 г., где в деревне Коквицы на Вычегде Федот Фёдоров отмечен во дворе с сыном Матюшкой 9 лет. Возможно, к 1658 г. этот сын у Федота уже умер, а других у него не было.

В конце порядной записи 1658 г. определялась одинаковая для обеих сторон неустойка за отказ от брака – 5 руб., а в удостоверительной части указывались люди, которые «были на *сватовстве*». Последнее слово дополнительно подтверждает взгляд на разобранную запись как на брачный договор между крестьянами разной владельческой принадлежности: архиерейским и государственным, причём первый действует как субъект права, но под эгидой должностного лица архиерейской кафедры. Каждый получал свой экземпляр (противень) порядной записи.

Следующий документ, в котором фигурируют некоторые персонажи порядной, – это закладная кабала Федота Рычкова родному брату Еремею от 16 июля 1660 г. на треть своей «деревни в Коквицах на Керасе» за 15 руб. «московских ходячих прямых без приписи» сроком на два года. По наблюдениям Е. Н. Швейковской, такой вид поземельных сделок, как заклад, был распространён у черносошных крестьян слабее, чем купля-продажа. В рассматриваемой нами закладной фигурирует старинная формула отвода земель «куды топор и коса и соха ходила в полях и в новинах и в причестях». Значит, данный участок находился в процессе постоянной разработки и расширения,

включая, возможно, подсеку. Если платёж со стороны Федота был бы просрочен, Еремей мог «волно той землёй владеть до выкупа».

Важно и то, что закладная была скреплена печатью архиерейского сына боярского Акинфия Горяинова – это единственный, но весьма выразительный признак, в котором рельефно отражалась владельческая принадлежность контрагентов сделки, подконтрольность земельной практики домовых крестьян вотчинным агентам. Во всём же остальном обитатели архиерейской вотчины действовали как вполне самостоятельные субъекты правоотношений. Писцом закладной, как и порядной 1658 г., был земский дьячок Благовещенской соборной церкви Усть-Вымского погоста Д. К. Амосов. О Еремее Рычкове можно также узнать из переписной книги Яренского уезда. Его двор отмечен рядом со двором старшего брата Федотки, а жили в нём с отцом два сына – Стенька и Агейка 9 лет. С последними двумя нам ещё придётся встретиться в дальнейших актах.

Тем же писцом была написана изустная память Феодосия Рычкова (монашеское имя оказалось подобранным с той же буквы, что и мирское, пострижение, которое предполагалось в 1658 г., через четыре года состоялось) от 20 февраля 1662 г. Новое к истории семьи она добавляет то, что в ней фигурирует уже внук Артемий Тимофеев, который, несмотря на младенческий возраст, назначался дедом душеприказчиком и вместе с матерью Пелагеей объявлялся основным наследником двора и земли. Они должны были поминать родителей Феодосия и его самого и дать на Усть-Выми к соборной церкви Благовещения Пречистой Богородицы и Николе Чудотворцу на два сорокоуста по 40 алтын. Зятю Тимофею назначалась *«зажилого его ряженого за работу»* в соответствии с Соборным уложением за четыре года по 5 руб. Эта деталь подчёркивает, на наш взгляд, значение брака дочери для Федота как способа получения в дом дополнительного работника, что укрепляет в предположении об отсутствии у него взрослых сыновей. Вместе с тем в духовной Федосей-Федот допускал, что в его деревню может вступаться брат Еремей или его дети, и тогда они обязаны были дать Пелагее за приданое 50 руб. Помнил он и о жене Агрипене: если кто-то её примет за деревню, то должен был поить, кормить, до смерти покоить и одевать. Вероятно, в том же 1662 г. (или около того срока) Федот-Феодосий Рычков умер, и позднейшие

имущественные перипетии между родственниками по боковой (братской) линии происходили уже без него.

Последующие документы рисуют конфликт внутри крестьянского клана Рычковых из-за закладной трети деревни. В том же 1662 г. (месяц не указан) племянником Федота Рычкова Стефаном Еремеевым была подана челобитная архиепископу Симону на дядину вдову Агрипину и её зятя Тимофея. Речь шла о владении третью деревни, выкупленной «у людей» Стефаном Еремеевым. Далее в совокупности документов пробел до 28 июля 1670 г., когда в присутствии архиерейского сына боярского Ивана Суровцова в результате проведённого им допроса двух женщин была оформлена отводная запись матери и дочери – Агрипене с Пелагеей – на спорную треть деревни, а Стефану Еремееву было велено отказать. Жена дяди здесь называется *«дядиной»*, которая не хочет идти к нему жить (в духовной Федота такая возможность, напомним, допускалась), а дочь дяди Пелагея, не желавшая взять 20 руб. «надельны» и являвшаяся по сути двоюродной сестрой Стефана, называется *«сродной сестрой»*. В этом документе есть и другие существенные для понимания владельческих прав крестьян на спорную землю термины – треть деревни называется «вотчиной» двух этих женщин, а отказ от неё в пользу Стефана в виде денежной компенсации (на который они не соглашались) – «наделком». Важно и значение письменных актов для обоснования своих вотчинных прав, поскольку в ходе дальнейшего поземельного дела эти женщины энергично отстаивали их на основе духовной Феодосия Рычкова 1662 г. и отводной записи Ивана Суровцова 1670 г.

Права Агрипены и Пелагеи как *вотчинниц* на треть деревни были вторично подтверждены ещё одной отводной записью архиерейского сына боярского Филиппа Караулова от 22 апреля 1672 г. К истории их семьи она добавляет указание на появившегося к тому времени второго внука – Емелку Тимофеева, который, как и первый внук, Артюшка, тоже упоминался в числе заинтересованных лиц. Последним в перечне был отмечен их отец Тимошка (по-видимому, в силу своего статуса как государственного крестьянина, который он и после женитьбы на крестьянке из архиерейской вотчины не утрачивал). Семье Рычковых словно противостояла вторая сторона, по линии Еремея Рычкова – племянники (со стороны мужа) Агрипены – Стенка и Агейка Еремеевы. Оба впервые фигурировали как сыновья Еремея Рычкова в переписной

книге Яренского уезда 1646 г., Агейка в качестве бобыля той же самой деревни Коквиц будет отмечен в переписной книге 1678 г. Поскольку в 1646 г. был указан возраст Агейки – 9 лет, в 1678 г. ему было по крайней мере 41 год и у него отмечен 5-летний сын Конанко. Скорее всего, первыми детьми в данном случае являлись дочери.

В 1672 г. была составлена поручная запись девяти устьвымских крестьян по Агрипене и Пелагее с детьми в том, что они без архиерейского указа не продадут, не заложат, ни в приданое, ни по душе не отдадут вотчину Федота Рычкова, а половников в ней будут держать только из числа вотчинных же (в данном случае – архиерейских) крестьян и бобылей, а не заволостных. Возможность нанимать половников (сезонных работников) указывает на определённую состоятельность – «прожиточность» крестьянской семьи Рычковых, хотя в данной ситуации привлечение труда половников могло объясняться недостатком трудовых ресурсов в семье, состоящей из двух женщин с малыми детьми.

Однако какие-либо формы распорядительных сделок (продажа, заклад, вклад по душе, передача в приданое) двум «вотчинницам» запрещались. Здесь хозяйственная деятельность крестьянок фактически ставилась под контроль общины, представители которой принимали на себя ответственность, готовность заплатить по архиерейскому указу пени и даже расстаться со своими землями: «вместо тех вотчин – наши вотчины». Показательно, что и в данном случае земельные участки домовых архиерейских крестьян тоже назывались вотчинами. Межкрестьянский «вотчинный правопорядок» поддерживался архиерейской администрацией, используя механизм круговой поруки. Над этим низовым уровнем крестьянско-вотчинного права в системе домового землевладения возвышалось гораздо более существенное вотчинное право самой архиерейской кафедры.

Спорное же дело о трети деревни на этом не закончилось, и, видимо, вскоре (в том же 1672 г.) в отписке устьвымского приказчика Ивана Александрова архиепископу Симону говорилось, что Пелагея с мужем были *высланы вон* из той вотчины, преданной теперь Степану Рычкову. В качестве компенсации Пелагее была дана «надельна» в размере 20 руб., что свидетельствует о выполнении архиерейской администрацией положения из духовной Феодосия-Федота, в которой в случае сживания его зятя Тимофея прочь с деревни-двора тому

полагалось заплатить 20 руб., а также вернуть весь его «внос на двор, на деревню на входе на дочерь свою». Документы (духовная отца, зговорная запись и две отводные – И. Суровцова и Ф. Караулова) у Пелагеи были отобраны и переданы новому владельцу – Степану Рычкову. Весьма примечательна в конце отписки следующая ремарка приказчика, отражающая его хозяйственную рациональность: *«А в твоей, государь, святительской домовой вотчине много есть нарочитых государевых (*не дворцовых ли? *– М. Ч.) крестьян, захотят, государь, и многия из вотчины вытти, услышат, что он, Тимошка, выслан из вотчины»*. За приведённой фразой стоит процесс включения в состав зависимого населения Вологодского архиерейского дома на Усть-Выми большого числа «нарочитых» (достаточных в имущественном отношении) государственных либо дворцовых крестьян и их настроение (знакомое вотчинному приказчику) обрести личную свободу. Таким образом, произошла (либо намечалась) высылка за пределы домовой вотчины целой крестьянской семьи – мужа с женой и по крайней мере с двумя детьми. Тогда же Степан начал обрабатывать спорную землю – вспахал, насеял ржи и накосил сена.

Но и после этого распоряжения Пелагея с мужем отказались от денежной компенсации («надельны»), продолжая жить в той вотчине, присвоив себе насеянный хлеб и поставленное сено. На это жаловался архиепископу Симону её двоюродный брат в своей челобитной 1673 г., в которой он выразительно называл себя сиротой. В ней же он высказывал сомнение в наличии у Пелагеи духовной отца (Федота Рычкова) как основания на владение третью деревни, поскольку при смерти его присутствовал Степанов отец Еремей (младший брат Федота) и завещания не видел. Примечательно, однако, что Степан в числе официальных «седельцев у изустные» не отмечен.

Завершением конфликта стала наказная память устьвымскому приказчику Ивану Александрову от 21 февраля 1673 г. Конфликт был всё-таки разрешён в пользу Агрипены Федотовой вдовы Рычковой «ради её вдовства» и внуков её «ради их сиротства». Возможно, к этому моменту уже умерли их родители – Пелагея и Тимофей, и попечение над сиротами легло на плечи бабушки. Агрипена должна была заплатить деверю (братнину мужу) 15 руб. за треть деревни (как раз за такую сумму Федот Рычков и закладывал её брату Еремею) и владеть той *вотчиной*, в которой держать вотчинных половников. До тех пор

пока она не заплатит 15 руб., в трети деревни мог оставаться Стефан Рычков, а в отношении насеянного хлеба и накошенного сена им следовало дать суд. Обращение к переписной книге Яренского уезда 1678 г. показывает присутствие из всех действующих лиц упомянутых событий в дер. Коквицы только Агейки Еремеева, младшего Стефанова брата. Для выяснения дальнейших судеб членов двух родственных семей Рычковых из усть-вымской вотчины Вологодского архиерейского дома требуются специальные разыскания.

Таким образом, нами были рассмотрены отдельные моменты в истории крестьянской семьи Рычковых в 1650–1670-х гг. в тесной связи с поземельными отношениями, на пересечении горизонтальных и вертикальных социальных связей и в системе координат семья – община – архиерейская вотчина. Мы увидели весомую роль письменной документации в функционировании этих связей, значение в их оформлении должностных лиц архиерейской кафедры, своеобразный синтез крестьянских и сеньориальных структур собственности и управления, обусловленный значительной ролью общинных институтов на Русском Севере.

Очерк 9. Купец: между наживой и спасением

Социальная градация наиболее значимых торговых людей в Московской Руси включала (если смотреть на неё сверху вниз) именитых людей Строгановых, гостей, членов гостиной и суконной сотен. В Вологде самым знаменитым и крупным по богатству был гость Гаврила Мартынович Фетиев (ок. 1630? – декабрь 1683). Изучение торговых людей того времени ныне приобретает всё более личностно окрашенный, антропологически оринтированный и социокультурный характер. Такой подход предполагает интерес к человеку – его месту в семье, профессиональной корпорации, в обществе, в системе родственных и социальных связей (вертикальных и горизонтальных), индивиуальному и общественному сознанию. Немаловажным фактором обновления наших знаний о гостях становится обращение к «источникам личного происхождения» (переписке, духовным завещаниям), включение в анализ печатей и портретов купцов. Портрет Г. М. Фетиева в широком сравнительно-европейском контексте недавно привлёк внимание зарубежного коллеги Даниэля Кайзера[8].

Первоначальный архив Фетиева (130 документов) после его смерти был передан во Владимирскую градскую церковь, в которой он как ктитор был похоронен «возле гробов родственников своих». На сегодня можно говорить о сохранности почти половины от данного массива источников. Нам удалось обнаружть копийную книгу актов Владимирской церкви, большинство которых – это сделки Г. М. Фетиева на дворы, дворовые и огородные места, лавки, амбары и квасницы 1656–1683 гг. Установленные новые факты рисуют отношения Фетиева с местным посадским миром, Спасо-Прилуцким монастырём и архиерейским домом, деловые контакты с торговыми иноземцами, исполнение казённых служб этим влиятельным и богатым гостем. Подчеркнём, что крупнейший вологодский купец до конца жизни оставался неграмотным, поэтому никаких его автографов на сохранившихся документах нет. В последний период жизни (1676–1683) приложение гостевой печати служило способом удостоверения оформляемых им документов. В большинстве же случаев находились люди, прежде всего из числа приказчиков Фетиева, которые расписывались за него.

Его приходо-расходные и кабальные книги, которые на протяжении десятилетий вели приказчики и которые, несомненно, являлись важной частью архива, до нас, вероятно, не дошли или ещё не разысканы. Именно по ним и можно было бы наиболее полно и объективно представить все направления его торгово-кредитной деятельности. Их отсутствие объясняется проведённой после смерти купца патриаршим Разрядным приказом широкомасштабной ревизией. Она заключалась в том, что главный приказчик Д. Ф. Березин примерно через месяц после похорон хозяина был вызван в Москву с приходо-расходными книгами и докладывал лично патриарху Иоакиму о духовной Фетиева, его имуществе и вотчинном землевладении (5 февраля 1684 г.). Ещё ранее, в декабре 1683 г. приходо-расходные книги Фетиева (как сборщика таможенных пошлин) повёз из Холмогор в Москву по его просьбе вологжанин и член гостиной сотни Михайло Белавинский вместе с денежной и «ефимочной казной для отдачи и отчету». Он представил данные книги в московские приказы, где они, судя по всему, «осели» или вовсе затерялись.

Фетиев происходил из посадских кузнецов, живших в районе старинной вологодской улицы Ехаловы Кузнецы. Родоначальником семьи можно считать деда Фетия (производное от греческого имени Фетис, Феоктист – «утверждение Бога», который глухо упоминается в завещании Гаврилы («…деда и отца моего дворовые места»). Отец последнего, Мартынко (Мартьянко), на протяжении 1616–1646 гг. сумел подняться от бродившего в мире бобыля до полноценного посадского тяглеца с семьей. Поскольку на сохранившемся портрете Фетиеву можно дать немногим более 50 лет, время его рождения следует предположительно отнести к началу 30-х гг. XVII в. Л. А. Тимошина установила, что в переписной книге 1646 г. Гаврило с братьями (Яковом, Степаном и Семёном) фигурирует во дворе своего отца «Мартьянки Фатеева» в Ехаловой улице. Это наиболее раннее известие о существовании будущего купца. Поскольку в перечне сыновей Гаврило указан первым, его следует считать старшим из братьев. Помимо братьев, он имел по крайней мере одну сестру – Офимью, не раз фигурирующую в духовной.

Удалось найти упоминание о братьях Гаврилы Фетиева: Семёне и Василии. В записной актовой книге Владимирской церкви под 1656/57 г. отмечено, что Семён Гаврилов Фетиев по приказу своего

брата Василия занял 2 руб. у вдовы А. Епифановой и заложил дворовое место «на Вологде на посаде в «дальних Ехаловых Кузнецах». В переписной книге 1678 г. в ул. Ближних Кузнецах находим двор «кузнеца Васки Фатиева», а в 1685/86 г. и кузница его зафиксирована. Выходит, что у Фетиевых был брат Василий, и, возможно, Гаврила был старшим сыном в данном дворе, не считая Василия (тот жил отдельно). Не исключено, что Василий являлся сыном Мартына Фетиева от его более раннего брака.

Что касается Семёна, то хронологически близкое упоминание его в качестве «винного уговорщика» и родного брата Гаврилы находим в челобитной посадского человека К. Ю. Пашкова с жалобой на самоуправство и насилия Гаврилы Фетиева на кружечном дворе от 12 апреля 1655 г. Семён Фетиев в складчину с другими товарищами должен был выкурить 7 тыс. ведер вина для поставки его на кружечный двор, тогда как брат его Гаврило издевался над челобитчиком, заставляя «бес щету» отдать ему своё вино и 20 ведер вылил на землю. Дальнейшими сведениями о Семёне мы не располагаем, но жизнь его как-то оборвалась: в Фетиевской статье синодика Спасо-Прилуцкого монастыря, видимо, именно он подразумевается под именем «Симеон убиенный». Во всяком случае, вплоть до 1670–1680-х гг. у Фетиева в Вологде братья были. Как иначе объяснить красноречивую фразу земляков о нём во *время следствия в Сыскном приказе*, *что «родные братья от него отбегают*, *потому что он*, *Ганка*, *человек гордой*».

Настоящей находкой для построения биографии Фетиева стала обнаруженная Л. А. Тимошиной запись о женитьбе Фетиева 2 мая 1646 г. Она гласит: «Мая в 2 день дана знамянная память на посад Предтеченскому попу Ивану. Женитца Гаврило Мартинов, понимает Ульяну Иевлеву, оба отроки. Пошлин гривна. Взято». Вероятно, венчание молодых состоялось в церкви Иоанна Предтечи в Рощенье. Кто такая Ульяна Иовлевна, трудно сказать. Скорее всего, и она происходила из посадской среды Вологды. В качестве гипотезы укажем на одного из представителей семьи Белоусовых – Иева. С Самсоном Белоусовым как своим компаньоном и приказчиком Г. Фетиев был тесно связан в 1650-х гг.

К весне 1652 г. относится ещё одно официальное известие о самостоятельной деятельности Гаврилы Мартынова в качестве взрослого человека. Оно содержится в храмозданной грамоте

вологодского архиепископа Маркелла на построение новой деревянной церкви Владимирской Богоматери в Вологде, в которой были похоронены родители Фетиева. В том же 1652 г., согласно отписке новгородского митрополита Никона (будущего патриарха) царю Алексею Михайловичу, Гаврилко Мартынов и Васька Кодовин («вологжане посацкие люди») доставляют на Двину барки с государевым хлебом. Вскоре Фетиев отмечен в книгах сбора Вологодского кружечного двора за 19 и 26 февраля 1653 г., когда ему с «товарищами-уговоршиками» было сдано 1656 ведер вина по 8 алт. за ведро, о чем Г. Фетиев договорился в Новгородском приказе.

В мае 1653 и в мае 1654 г. Гаврило Мартынов впервые упомянут в таможенных книгах Тотьмы и Великого Устюга: приказчики на его барках перевозили государев хлеб и поташ, а работников нанимали до 90 чел. 18 октября 1654 г. он участвовал в общественном приговоре всех вологжан на построение Спасо-Обыденного храма во избавление от свирепствовавшей тогда чумы. Это бедствие поразило в 1654–1655 гг. многие местности России, а в Вологде, по разным подсчётам, унесло 2 тыс. человеческих жизней.

Среди документов Спасо-Прилуцкого монастыря удалось обнаружить наиболее раннюю деловую бумагу будущего купца – отписку в качестве вологодского таможенного головы о взятии с 25 455 пудов монастырской соли (общей стоимостью 6120 руб.) пошлин в сумме 612 руб. (1660/61). Подлинная отписка была скреплена таможенной печатью (изображение неразличимо) и подписана ларёшным целовальником Иваном Рычковым.

7 мая 1665 г. Г. М. Фетиев с С. Белоусовым получили отписку от голландского купца Владимира Иванова в уплате ему по кабале 320 руб. В дальнейшем у каждого из них кредитные отношения с иноземцами продолжатся и проблемы с выплатой долгов им будут серьёзные. К 1659 г. Гаврило Фетиев уже имел сына, о чём узнаём из записи в приходо-расходной книге Спасо-Прилуцкого монастыря: «Вологжанин Гаврило Мартынов подвёл преосвященному Маркелу мерина серого, и преосвященный архиепикоп Маркелл благословил ево, Гаврила, с сыном по образу Умиления Пречистой Богородицы окладных». Возможно, это был сын Фетиева Евдоким, упомянутый в явочной челобитной стольника Я. С. Волынского 1665 г., весьма нелицеприятно характеризовавшего «Гаврилку Мартышонка» и его

сына как «воров и плутов», учинивших во время своего приезда на ярмарку в 1663 г. грабёж и насилие над крестьянами села Говорова. От имени Евдокима также была составлена явочная челобитная вологодскому владыке Симону 15 февраля 1665 г. В ней сообщалось о побеге дворового человека, унёсшего часть богатого имущества хозяев. С учётом женитьбы Г. Фетиева в 1646 г. в 1663–1665 гг. его сыну могло быть 17–19 лет.

За 12–13 лет предпринимательской деятельности (не позднее чем с 1653 г.) Гавриле Фетиеву удалось достичь несомненного материального благосостояния. К торговле был «приохочен» уже и его сын. Несмотря на молодой возраст, Евдоким Гаврилов назывался «государев сирота, вологжанин посацкой человек». Он продавал пеньку грекам и англичанам, вмешивался в дела на кружечном дворе в Вологде, однако, как установила Л. А. Тимошина на основании одного судебного дела, весной 1665 г. Евдоким умер, не будучи женатым. Имя его встречается в синодике Спасо-Прилуцкого монастыря после имён Гавриила (отца) и Ульянеи (матери). Факт смерти сына (возможно, единственного) важен в плане устойчивости и преемственности купеческого капитала в рамках определённой фамилии. В случае с Фетиевым, как мы это далее увидим, этого не могло произойти. Однако поступательного обогащения самого Гаврилы смерть сына не остановила.

В 1660-х гг. Фетиев входил в состав верхушки вологодских купцов, о чём может свидетельствовать упоминание его первым в группе вологжан в Новоторговом уставе 1667 г. Там вместо него расписался земляк («К сему торговому уставу вологжан посацких людей мирской стряпчей Демка Масленников и в место Гаврила Фетиева руку приложил»). Два других представителя Вологодского посада были грамотны и сами поставили свои подписи – И. Иванов и Я. Епимахов (последний расписался и за себя, и за Я. Васильева). В 1670 г. Фетиев вновь служит таможенным головой. В явочной челобитной посадского человека, ларёшного целовальника кружечного двора, «сироты» И. О. Головкова вологодскому архиепископу Симону тот жаловался на Фетиева. Голова силой требовал с него каких-то платежей за торговлю «прошлого 177 году и с палкою по таможне ходил и заставил меня, сироту, руку приложить неведомо к какой записке, и я, сирота, не мога терпеть побой и страстей, приложил».

Помимо посадских людей, от произвола Фетиева страдали вологодские помещики и крестьяне. 30 марта 1671 г. была составлена челобитная от имени 18 помещиков, в которой говорилось про притеснения со стороны Фетиева, что тот «многих нашу братью словесно бесчестит и материю лает и бьет и бороды дерет». В условиях хлебного недорода 1669–1671 гг. служилые люди и крестьяне Вологодского уезда особенно болезненно восприняли незаконное обложение Фетиевым «посылочного и заёмного хлеба», который они пытались доставить из других городов и уездов. Таможенный голова отнимал даже кафтаны и шапки, «служилую рухлядь» у тех, кто не мог заплатить пошлин. Помещики были недовольны также и тем, что с их торговых «людишек и крестьянишек» Фетиев по торжкам пошлины берёт «не против великого государя указу».

Ряд документов характеризует энергичную деятельность Фетиева на Тотемских солеваренных промыслах, его сделки с торговыми иноземцами и Спасо-Прилуцким монастырём. Наиболее крупная операция была совершена им с известнейшим в 1670-х гг. московским торговым иноземцем Томасом Келдерманом, имевшим титул «гость и чести достоин». Тот продал Г. М. Фетиеву за 300 руб. соляную варницу (до 1667 г. она, по-видимому, принадлежала московскому дьяку И. Харламову). Сделка была совершена 18 апреля 1670 г. в Москве, поскольку купчую писал подьячий Ивановской площади в Московском Кремле Артюшка Иванов. К варнице относился целый комплекс – соляной амбар, двор с хоромами, огород, три полянки с пашней и сенными покосами. В купчей указывались владельцы смежных земель – приходские попы тотемских церквей, посадские люди, а также содержалось обязательство Т. Келдермана записать проданную варницу за Г. М. Фетиевым в книги Устюжской четверти. Летом 1674 г. Г. Фетиев снова в Москве: согласно записи в расходной книге Галицкой чети, он продал «три половинки сукон кармазинных красных по цене 2,5 руб. за аршин», а принимал их подьячий Ив. Харламов. Сукна были отданы мастерицам Царицыной палаты (Натальи Кирилловны) и преподнесены генеральному есаулу войска Запорожского Леску Черноченку.

Об одной сделке, совершённой в январе 1675 г., свидетельствует память спасо-прилуцких властей Фетиеву на право оброчного пользования в течение 10 лет монастырским соляным рассолом к

фетиевской трубе. Что же касается келдермановской варницы, то он в декабре 1675 г. «поступился» ею Спасо-Прилуцкому монастырю за более высокую цену, чем приобрёл, – 1257 руб. 16 алт. 4 ден. серебром (четырёхкратное превышение изначальной цены!).

Несомненным показателем социального возвышения Фетиева к середине 1670-х гг. стало получение им высокого чина гостя. В закладной кабале старца Галактионовой пустыни Аврамия Масленникова не ранее 1 июля 1674 г. Фетиеву на лавочное место тот назван гостем. По данным Н. Б. Голиковой, он получил это звание как раз в 1674 г. Однако устойчивого определения его как гостя источники не показывают: в январе 1675 г. в договорной записи с прилуцкими властями на часть соляной трубы в Тотьме и в апреле 1675 г. в царском указе о провозе казённого поташа Фетиев назывался вологжанином посадским человеком, а в июле 1675 г. в купчей прилуцкого казначея С. Белоусова на двор он – гость. Гостем он назван и в переписной книге вологодского подворья Соловецкого монастыря от 1 мая 1676 г. Со второй половины 1675 и в течение первой половины 1676 г. до конца жизни (1683) его именование гостем стало необратимым.

Зачисление купца в число гостей оформлялось выдачей ему от царя персональной жалованной грамоты, содержащей перечисление заслуг, ставших основанием для такого пожалования, а также его новых прав и привилегий. Гости освобождались от присяги в суде (целования креста), которую приносили их «люди». Жалованная грамота Фетиеву нам неизвестна. Одним из атрибутов гостевого статуса было и наличие у гостей своих печатей. Л. А. Тимошина выявила и всесторонне проанализировала гербовые печати московских гостей, отца и сына И. Д. и С. И. Панкратьевых. С. Н. Кистерёвым недавно были обнаружены и печати Г. М. Фетиева на документах от декабря 1675 г., связанных с его надзором над кружечным двором Вологды. Это дополнительно подтверждает гостевой статус Фетиева к концу 1675 г. При сравнении Панкратьевской и Фетиевской печатей, как заметил С. Н. Кистерёв, очевидны более скромные выразительные средства последней. На некоторых документах из ГАВО фетиевские печати также имеются: на письме-челобитной спасо-прилуцкому архимандриту Павлу ок. 1678/79 г. и на двух платёжных отписках в приёме оброчных денег с сенных угодий со слуг Спасо-Прилуцкого и Горнего Успенского монастырей в Конюшенный приказ 1681 г.

В публикации С. Н. Кистерёва о фетиевских печатях конкретной архивной отсылки нет, но, скорее всего, автор имеет в виду три памяти Г. М. Фетиева от 14 и 28 декабря 1675 г. из коллекции П. И. Савваитова в Санкт-Петербургском архиве Института истории. В своё время они (включая печати на двух из них) были указаны М. Г. Курдюмовым в его обзоре актов Археографической комиссии.

Свой новый солидный статус Фетиев пытался закрепить в некоторых заказанных им предметах прикладного искусства. В 1676/77 г. им был вложен драгоценный потир во Владимирскую церковь весом 2 фунта 81 золотник с надписью по краю и на двух блюдечках: «Даяние церкви Владимирские Богородицы гостя Гаврилы Мартыновича Фетиева». На концах звездицы были четыре крупные буквы: Г. Г. М. Ф. (Гость Гаврило Мартынович Фетиев). На оборотной стороне лжицы были поставлены три крупные буквы: Г. Г. Ф. – гость Гаврило Фетиев. Некоторый момент самосознания отражён и в словах Фетиева, сказанных во время заключения в Сыскном приказе в декабре 1676 г.: прежде он был *вологжанин*, а ныне он *гость*.

Став гостем, Фетиев не прервал свои кредитные сделки с другими иностранными купцами, в которых он оказывался должником. С 1674 по 1684 г. продолжалось дело по выплате им 800 руб. семейству Виниуса-младшего и Владимира Иванова сына Иевлева (женой последнего была сестра Андрея Виниуса Мария), которое разбиралось в Посольском приказе. Фетиев в 1674 г. смог заплатить Виниусу только 300 руб., а в счёт оставшейся суммы вынужден был купить у него 40 вёдер вина. Лишь незадолго до смерти, будучи в Архангельске, 24 ноября 1683 г. Фетиеву удалось получить платёжную отпись от Марии Виниус о прекращении всех расчётов. С нею же была составлена последняя прижизненная бумага Фетиева 28 ноября 1683 г. – купчая на дворовое место в Коровине улице Власьевского сорока, проданное Фетиеву за 100 руб. В переписной книге Вологды 1711/12 г. упоминается, что в 1678/79 г. гость Фетиев отдал по кабале свой двор голландцу Андрею Владимирову сыну де Юнгу с братьями. По-видимому, именно на этом дворе останавливался известный голландский путешественник и художник Корнелий де Бруин, проезжавший Вологду в 1701 г.

По приходо-расходным книгам Спасо-Прилуцкого монастыря 1670-х – начала 1680-х гг. виден кабальный для обители характер

экономических связей Фетиева с ней, вынужденные займы старцев у состоятельного купца. В письме ок. 1678 г. спасскому архимандриту Павлу он предлагал старцам расплатиться с ним по долгам монастырской солью, добавляя в конце: «…И ты как изволишь, денги ли заплатити или соли (1000 пудов. – *М. Ч.*) за те денги отвесить. С той же солью вместе учини мне ведомость завтра, потому что извощики у меня наняты. По сем благословения прося, челом бью». Здесь явно чувствуется стиль делового человека, для которого время дорого. В этом убеждаемся, обращаясь к другим фетиевским челобитным: «Святый архимандрит Исайя, пришли денег за вино на кабак». Здесь же Фетиев напоминал старцам об их долге 400 руб., в уплату которых требовал отвесить ему 2 тыс. пудов монастырской соли, «не помешкав» и предъявив её в таможенной избе, а затем отправить в Дорогобуж. Значит, его торговые интересы простирались и к западу страны. В январе 1682 г. Фетиев самочинно распоряжался большим запасом соли Спасо-Прилуцкого монастыря, «выняв её из-за решетки» на соляном дворе в Вологде. Руководству обители пришлось продать гостю все 3 тысячи пудов по невыгодной для себя цене 2 алт. 1, 5 ден. за пуд.

Во время проведения в 1678 г. в Вологодском уезде дворовой переписи стольником П. М. Голохвастовым Фетиев упрекал настоятеля в подаче неправильных сказок о населении монастырской вотчины. В сказках «писаны Тренки да Богдашки», то есть указаны прозвища, тогда как по государеву указу было велено «прямые имена в сказках писать». В конце данной челобитной Г. М. Фетиев добавлял, что пишет он «не ложно и жалея чудотворцевы вотчины и крестьян, чтоб их, бедных, в разоренье не отдать. А на вашу простоту и оплошноть глядеть не могу».

Отнюдь не добровольно приходилось прилуцким старцам предоставлять свои амбары и другие складские помещения в Вологде под товары Фетиева (соль, вино, рожь, брёвна, кирпич, железо). В расходной книге прилуцкого казначея Ильи Третниковского 1682/83 г. отмечены два момента: возврат Фетиеву монастырского долга 150 руб. (деньги эти в своё время были заняты в «Унский соляной промысел» в нижнем Подвинье) и необходимость вернуть ему ещё 520 руб. В завещании Фетиева на Спасо-Прилуцком монастыре числился долг в 150 руб., однако в целях своего поминовения гость распоряжался дать обители вкладом 150 руб., а также лошадей на сумму в 300 руб. и ещё шесть «пав» (павлинов. – *М. Ч.*). Известно и об изъятиях Фетиевым

книг из Спасо-Прилуцкой библиотеки, хотя он и был неграмотным. В описи книгохранительной казны монастыря 1684 г. указано: «Пролог же переплетен в восемь книг, а четверть года из них же по скаске книгохранителя отдана гостю Гаврилу Фетиеву». В описи 1693 г. этот Пролог не отмечен: «…налицо не объявилось». О культурных запросах гостя одновременно с неуважительным отношением к мастерам свидетельствует и черновик недатированной челобитной к нему двух иконников, Ермолки и Якушки Сергеевых. Они униженно просили его выдать им денег «за работешко наше». В завещании Фетиева упомянуто несколько икон в окладах, которые он оставлял своим близким, а книги не отмечено ни одной. Уже после его смерти прихожане Владимирской церкви жаловались архиепископу Симону на вдову гостя Ульяну, в доме которой находилось четыре иконы, взятые в свое время её мужем, так и не возвращённые.

С начала 60-х гг. Фетиев совершает различные сделки с недвижимостью на посаде (покупки, обмены, заклады, дарения лавок, дворов, дворовых и огородных мест). В 1663/64 г. им была куплена лавка, зафиксированная в переписной книге Вологды 1685 г. как принадлежащая Владимирской церкви. В 1669/70 г. Г. М. Фетиев поступился одним своим двором в пользу Масленской Арсеньевой пустыни, о чём упоминается в позднейшей переписной книге Вологды 1711/12 г. В июле 1675 г. в Коровине улице Власьевского сорока он купил двор своего бывшего компаньона Самсона Белоусова, ставшего к тому времени влиятельным соборным старцем Спасо-Прилуцкого монастыря. Фетиев иногда участвовал в коллективных закладных операциях по предоставлению денег в долг. В 1675/76 г. он вместе с соловецким старцем «вологодские службы» Марком и выборными людьми дал вологжанину «Спасского сороку» К. Д. Реброву 36 руб. 19 алт., за что тот заложил свою лавку в Соляном ряду. В том же году эта лавка была отдана Фетиевым Владимирскому церковному старосте П. У. Мизгиреву и всем прихожанам «владеть вечно на всякую церковную утварь». В мае 1676 г. Г. М. Фетиев упоминается в переписной книге соляного двора Соловецкого монастыря в Вологде. Ему было отдано 49 руб., полученных в Вологодской приказной избе на правеже с выборного головы Кирилла Пашкова и соловецких монахов. Уже в качестве гостя в конце 1675 г. он контролировал оптовые закупки вина

Спасо-Прилуцким монастырём и Андриановой Пошехонской пустынью на вологодском кружечном дворе.

В январе 1681 г. вологодские каменщики Г. О. и Ф. П. Стафуровы заложили Фетиеву в 8 рублях своё дворовое и огородное место в Широкой улице. Из-за невыплаты долга в срок этим местом окончательно завладел Фетиев, а в августе 1695 г. оно поступило в ведение Владимирской церкви. Таким образом на протяжении 1670-х – начале 1680-х гг. Фетиев обзавёлся десятками дворов в разных частях посада: и в переулке Мостовой улицы, и в Новинках, и в Петровской улице, и в Обуховой улице, и в улице Гасилке, и в Ехаловых Кузнецах, и в Коровине улице, и в Дюдиковой пустыни, и около Владимирской церкви, прихожанином и ктитором которой он являлся. Не случайно во время следствия в 1677 г. свидетельствующие против Фетиева земляки в сердцах говорили, что «он, Ганка, всем городом Вологдой завладел… родные братья от него отбегают, потому что он, Гаврило, человек гордой». В итогах переписной книги 1678 г. по сказке земского старосты Якова Кодовина и ларёшного целовальника Васки Парамонова отмечено, что Фетиев имел 28 дворов посадских людей и бобылей, которые «охудали и одолжали».

Размах ростовщической деятельности Фетиева обусловил ведение его приказчиком Дмитрием Березиным (он же Митька Фомин сын, по сути холоп, крепостной человек) специальных приходо-расходных книг и записей кабал, упомянутых в завещании гостя. Правда, перед смертью он говорил, что его дело с многочисленными прежними должниками «поустарело, и многие люди заимщики оскудали», поэтому Дмитрию Березину предписывалось «тем должникам учинить рассмотрение». В приобретённых по кабальным долгам посадских и бобыльских дворах и лавках Фетиев нередко поселял зависимых от себя дворников, лавочных сидельцев и крестьян, пришедших в Вологду из других уездов. Среди документов Вологодской земской избы 1682–1683 гг. встречается несколько платёжных отписок земских старост (Мартьяна Манойлова, Венедикта Лукина), данных лавочным сидельцам Фетиева. Этими отписками фиксировались взносы сидельцев в «земской мирской ларец полавошных оброчных».

Резиденцией же самого Фетиева был его собственный двор в Коровине улице, подробно описанный в разыскных материалах 1685 г. Приведём здесь это описание полностью.

«Да на Вологде на посаде двор умершаго гостя Гаврила Фетиева, в котором жил. А на дворе строения: поземные светлицы деланы все в брус, а в них пять житий, да к тем же светлицам приделал погреб, на погребе сушило. Да на дворе ж две горницы на жилых подклетах, промеж ими сени, а на сенях чердак. У ворот изба людская, против ея сени да конюшня, на них сенница, у конюшни изба скотская, погреб, над погребом анбар хлебной да ледник, да изба скотская с сенми, два анбара хлебные, сарай скотской да поварня, подле поварни анбар да двор скотей и з сараями, а на нем шесть хлевов да две кожевни, а в них кожевенного товару гнет. У тех кожевен дубня, в которой дуб толкут, анбар кладовой, две бани, ворота рубленые створные с калиткою, крыты тесом».

Городской двор состоятельного купца предстаёт как обширный комплекс жилых и хозяйственных построек, включающий помещения для господ и зависимых людей. Внутреннее наполнение двора и жилых покоев отражено в ярких историко-бытовых зарисовках фетиевского завещания. Они могут быть дополнены данными описи его имущества, составленными в связи с розыском по делу о «воровских и заговорных писмах» в декабре 1676 – феврале 1677 г. Впервые их использовала в своей содержательной статье Е. И. Заозерская. Посуда в фетиевских домах была серебряная, оловянная и медная. Особенно часто фигурирует серебро – кружки, чарки, шандалы, братины, солоницы, скляницы, кувшинцы, стаканы, «погребцы водки». Женские и мужские драгоценности (золотые перстни, серебряные, жемчужные, хрустальные, яхонтовые и даже алмазные «пугвицы и запоны») хранились в ларчиках. Сундуки были полны беличьим, лисьим, соболиным и песцовым мехом, драгоценными тканями (атлас, бархат, камка, тафта), одеялами, «завесами», различными суконными изделиями. Обилие и разнообразие мужской одежды (кафтанов, полукафтанов, чулок, штанов, шапок) не может не поражать – здесь и «холодные», и подбитые мехами одеяния разных материалов, покроя, цветов и оттенков. Кафтаны были обильно украшены соболиными хвостами, лисьими лапами, шёлковыми кистями, серебряными и жемчужными петлями и пуговицами (вроде тех, что изобразил художник на портрете самого Фетиева), «золотной» и серебряной нашивкой.

О том, что богатый хозяин не жалел денег на приобретение мехов, свидетельствует таможенная книга по Сольвычегодску за 1679/80 г. В ней сообщается, что Фетиевский приказчик купил 13 «сороков» соболей с хвостами на 1000 руб. Часть мехов и кожи обрабатывалась прямо во дворе, где отмечены кожевенные мастерские, а в завещании указано несколько семей зависимых «швецов» (портных), которых после смерти хозяина следовало отпустить на свободу. Разумеется, многое из упомянутого в описи и завещании имущества было западноевропейского и восточного происхождения и приобреталось Фетиевым в числе привозных товаров на Архангельской ярмарке.

Такой бытовой уклад, все эти зеркала и стулья, шпаги и сабли, «карлы» в доме и многочисленная дворня, серебряные подсвечники и удобные экипажи, заморские попугаи и «конарейки», немецкие лошади и индийские утки, яблоневый сад и прочее сближает городскую усадьбу неграмотного Фетиева с дворянским укладом жизни в столице, причем не столько XVII, сколько XVIII в. Необычный для Вологды стиль жизни, подкрепляемый невиданными денежными ресурсами, заносчивостью и самоуправством хозяина, разительно выделял «Ганку Фетиева», в недавнем прошлом простого посадского человека, а ныне водившего дружбу с торговыми иноземцами и московской знатью, носившего золотые перстни с лазоревыми яхонтами, от сотен своих сограждан-вологжан.

Произвол, царивший в отношениях Фетиева с посадским миром, распространялся иногда и на семейные связи гостя. Он отражён в явочной челобитной таможенного подьячего Мишки Матаргина, женатого на сестре Фетиева Евфимии. Полагаем, это была его старшая сестра, вышедшая в 1660 г. уже во второй раз замуж. В 1678 г., когда Матаргин находился в Москве «для государева дела», гость силой взял сестру с мужнина двора «и мочью своею держал у себя по смерть свою, забыв страх божий, меня с нею разлучил». Лишь после кончины Фетиева Матаргин решился обратиться к патриарху Московскому Иоакиму и вологодскому владыке Гавриилу за помощью в деле возвращения в его дом своей жены. Эта явочная челобитная интересна как отражение простой человеческой жизни с её чувствами, страстями, правдой и ложью, как повседневная «микроистория». Причиной же самоуправства Фетиева в отношении своего зятя, скорее всего, был не выплаченный вовремя долг М. Матаргина.

В 1670-х – начале 1680-х гг., бывая в Москве, Фетиев поддерживает контакты с такими влиятельными людьми, как В. В. Голицын, А. С. Матвеев, А. И. Матюшкин, И. М. Милославский, И. Мышецкий, А. И. Ржевский. Однако после смерти царя Алексея Михайловича и опалы его фаворита А. С. Матвеева они не уберегли Г. М. Фетиева от ареста и попадания в застенок Сыскного приказа. Были арестованы, доставлены в Москву и также подверглись пыткам его грамотные слуги Д. Березин, И. Казимер, А. Иванов и др. (всего 6 чел.). Под пыткой все они – и слуги Фетиева, и другие вологодские «фигуранты дела» (подьячий С. Васильев и М. Свашевский) – должны были признаться, откуда у Фетиева некое «заговорное письмо»? Во время допросов «с великим пристрастием» гость, ссылаясь на свою неграмотность, начисто отрицал обвинения в чернокнижии и заговорах, а заодно и доверительные отношения с А. С. Матвеевым.

Фетиев был арестован, по-видимому, в начале декабря 1676 г. Взяли его со двора стольника князя Ивана Мышецкого, на котором он, прибыв в Москву по торговым делам, остановился (в Китай-городе). Думный дьяк Сыскного приказа Данило Полянский произвёл обыск на дворе Мышецкого. Фетиева обвиняли в «чернокнижии» и чародейных заговорах, в том, что он давал якобы «чёрные книги» А. С. Матвееву, который тоже, в свою очередь, подозревался в чернокнижии. С чернокнижием в средневековой России связывались представления о еретичестве, колдовстве, чародействе, контактах человека с нечистой силой, его вредоносности для окружающих («чёрная магия»). Осуждались также всякие «заговоры» и «заговорные воровские письма» (согласно Соборному уложению). Против чернокнижия и чародейства были направлены церковные и гражданские законы. В России XVII–XVIII вв., в том числе и в Вологде, известны были даже случаи сожжения колдунов и чернокнижников, хотя до широкомасштабных «процессов ведьм», аналогичных западноевропейским, дело не дошло.

Обвинения против Фетиева строились главным образом на свидетельских показаниях вологжан Федки Иванова (торгового человека) и Мишки Свашевского (служилого человека), данных под пыткой. При этом каждый из них утверждал, что знает это от другого. Ф. Иванов ссылался ещё на слухи, ставшие известными ему от каких-то «походячих торговых людей», которых он встречал в Москве на

Красной площади. В слухах и показаниях самым опасным для Фетиева были утверждения о его доверительных отношениях с семьёй Матвеева, в московский дом которого он был вхож, и знатный хозяин даже считал вологодского купца из простолюдинов «братом названым» («добры, де, к нему Артемон Сергеевич и сын его Андрей»).

Помимо А. С. Матвеева, в обвинительных бумагах фигурировало имя ещё одного известного вельможи того времени – думного дворянина Аф. Ив. Матюшкина, который давал Фетиеву на Вологде «траву с кореньем для заговоров». Узелки с травой и заговорное письмо действительно были изъяты у Фетиева во время обыска на его вологодском дворе. Всякого рода ворожба, заговоры, «пришёптывания» также преследовались церковью и гражданскими властями как обман простого народа, мошенничество. С этим были связаны и опасения в возможности отравлений, использовании заговоров и кореньев в целях политический борьбы для устранения соперников. В глазах обвинения неграмотность Фетиева не являлась препятствием для истолкования им чёрных книг и заговорных писем. В показаниях М. Свашевского, воспроизводившего слова подьячего Вологодской приказной избы С. Васильева и Ф. Иванова: «…тот Ганка Мартынов, хотя и грамоте не умеет, толко, де, он, чорные книги знает, а чает, что, де, и Артемона он тем чорным книгам учил и чорную де, книгу ему, Артемону, он, Ганка, дал».

Должны быть учтены и финансовые основания для ареста Фетиева – его обвиняли в уклонении от уплаты таможенных пошлин при провозе своих многочисленных товаров с севера в Москву (нигде по городам он не являл их в таможнях). Не позднее 8 января 1677 г. был издан указ царя Фёдора Алексеевича, предписывавший боярам Я. Н. Одоевскому, В. С. Волынскому, нескольким дворянам и думным дьякам прислать в Москву в приказ Большого дворца конфискованные фетиевские товары.

О драматизме момента свидетельствует столбец Приказного стола, сохранившийся в РГАДА: «Гаврило Фетив привождён к пытке и роздеван и роспрашиван с великим пристрастием. А в роспросе сказал, что он не чернокнижник и чёрных книг у него никаких нет и не бывало, *и грамоте он не умеет*, и Артемона Сергеевича чорным книгам не учивал и чорной книги ему не давывал, и Артемон ево братом не называвал и за ним он ничего не знает… И было ему шесть ударов».

Последняя фраза, возможно, намекает на то, что от Фетиева добивались, но не смогли получить каких-то показаний против Матвеева. В доме у Матвеева Фетиеву приходилось бывать по делам и лишь потому, что тот руководил Новгородским приказом, в управлении которого как центрального учреждения находилась Вологда.

В декабре 1676 г. в Вологду с особо важным поручением был прислан стольник и стрелецкий полковник Фёдор Александров. Вместе с ним приехала комиссия Стрелецкого приказа – сотник, подьячий и 25 стрельцов. Комиссия должна была описать имущество арестованного в Москве Фетиева и вологодского помещика Спиридона Свашевского, также проходившего по делу о «заговорных письмах». Особое значение придавалось печатной зарубежной литературе: «обыскать книг полских и латинских и немецких печатных и русских писменых же и всяких писем везде всякими мерами накрепко. И что по сыску книг и писем объявитца, и те все взять ему, Фёдору, к себе и держать их с великим береженьем. А буде объявятца книги московские или киевские печати, и те книги по тому ж взять все к себе».

По окончании переписи воевода И. Д. Голохвастов и дьяк А. Пестриков поставили стрелецкие караулы на всех конфискованных у Фетиева объектах: во дворе в Коровиной улице – 10 чел., в Дюдиковой пустыни – 3 чел., в двух дворах в Ехаловых Кузнецах – 4 чел., во дворе на реке Золотухе – 2 чел., во дворе в пригородной деревне Ескиной – 2 чел. Лавки Фетиева в торговых рядах было приказано беречь рядовым сторожам И. Рубелеву «с товарищи». 3 февраля 1677 г. вологодский воевода и дьяк передали часть имущества по описи Ф. Александрова жене Фетиева Ульяне. Эта передача также сопровождалась составлением описи, опубликованной недавно Т. Б. Соловьевой. Жене было оставлено 53 дворовых человека, 40 четв. ржи, погреб с капустою «и всяким харчом» и даже домашние птицы – попугай, 6 канареек, скворец и соловей.

Самый опасный эпизод в жизни Фетиева, из которого ему всё же удалось выпутаться, не расстроил московских связей гостя. Об их родственном характере свидетельствует брак его дочери Акилины и дворцового дьяка Л. Б. Протопопова. Подпись Льва Протопопова в качестве подьячего Новгородского приказа стоит на поручной записи гостя В. В. Воронина по Г. М. Фетиеве в уплате денег за казенный поташ 4 мая 1677 г. Это одна из первых его бумаг, оформленная уже

после освобождения. Размах дальнейшей деятельности Фетиева характеризуют перечисленные в его духовной и других документах торговые компаньоны – гости и члены гостиной сотни В. Воронин, Е. Григорьев, братья С. и З. Лянгусовы, С. Гирин, И. Пушников, М. Евреинов, торговые люди Каргополя, Холмогор, Архангельска, Ярославля, Нижнего Новгорода, Вологды, жители Княжеостровской волости Двинского уезда.

Итак, с конца 1670-х гг. торгово-экономическая деятельность гостя пошла своим чередом. Как и ранее, ему приходилось исполнять и казённые поручения. В 1681 г. Фетиев собирает оброчные деньги в Конюшенный приказ с городских вологодских монастырей и архиерейского дома. И. Н. Суворов опубликовал его платёжную отпись игуменье Горнего Успенского монастыря Екатерине от 8 марта 1681 г. на оброчные конюшенные пожни в сумме 29 алт. 6 ден. По-видимому, не все оброчные платежи Фетиев исправно вносил в Конюшенный приказ. При рассмотрении его завещания патриархом Иоакимом 27 ноября 1685 г. обнаружилась недоплата 338 руб. в это учреждение. Это небольшой, но красноречивый штрих к картине неуклонного обогащения нашего героя. Произвол и самоуправство его также никуда не ушли после тяжелых недель застенка.

П. А. Колесниковым была приведена красноречивая коллективная челобитная 1681 г. нижнесухонских носников (это лоцманы, проводившие речные суда) городов Тотьмы и Великого Устюга с жалобой на то, что Фетиев как крупный судовладелец «берет их в работы неволею, бьет, мучит и увечит напрасно… и их домы разорял и грабил, и в домах он, Гаврило, и люди его из ружья стреляли и надругались над ними». С помощью своих вооружённых бердышами и топорами холопов Фетиев устроил в августе 1681 г. настоящий разгром возле Тотемской таможни, насильственно хватая носников на свои и чужие речные суда. Горестные признания сухонских речников добавляют уже знакомый штрих к неприглядному облику богатейшего купца, характеризуют неправедные методы его деятельности не только в Вологде, но и на широком пространстве Сухоно-Двинского торгового пути. Однако и его собственная жизнь постепенно приближалась к концу, хотя до преклонных лет ему ещё было далеко.

За месяц до смерти, 27 ноября 1683 г., на государевой службе «у таможенного збору» в Архангельске, он, будучи всю жизнь

неграмотным, продиктовал своё завещание. Документы подобного рода среди русского купечества XVII в. очень редки. В Московской Руси чаще всего к составлению духовных прибегали служилые землевладельцы. Известны и крестьянские завещания, и даже некоторых церковных иерархов, и отдельных монахов. Каким же предстаёт итог жизни, подводимый в своей духовной самим Фетиевым?

Завещание Фетиева представляет собой обширный документальный комплекс, включающий, помимо «изустного письма» от 27 ноября 1683 г., четыре росписи недвижимости и посмертных дарений гостя от 20–26 декабря 1683 г. и пространные послесловия высоких церковных особ – холмогорского архиерея Афанасия (26 декабря 1683 г.) и московского патриарха Иоакима (27 ноября 1685 г.). Святительские скрепы и печати придавали необходимый официальный статус распоряжениям гостя.

Из посмертных бумаг Фетиева несомненный интерес представляют разыскные дела о его землевладении в уезде и дворовладении в городе, проведённые по распоряжению патриарха Иоакима в феврале-марте 1685 г. Законодательное регулирование землевладения торговых людей известно уже в середине XVI в., а конкретное землепользование их привилегированной верхушки – гостей – изучалось в работах В. А. Варенцова, Н. Б. Голиковой, С. Н. Кистерева, сведения же о вотчинах гостя Фетиева не привлекли внимания названных авторов. Почти незамеченными остались они и в краеведческой литературе по Вологде. Земельные приобретения он начал делать в последние годы жизни, накопив уже значительные денежные средства и имея право на покупку вотчин как гость. Согласно духовной Фетиева, его зять, дьяк Лев Борисович Протопопов, дочь Акилина и внуки получали села Косково, Погорелое, Пятино, Гущино, Романово «с крестьяны и с крестьянскими женами и животами и со скотом и с сенными покосы и со всеми угодьи и с хлебом стоячим и с молоченым». Второму зятю (он также был одним из душеприказчиков Фетиева), Якову Мартьяновичу Манойлову, завещалась Дюдикова пустынь с 6 семьями холопов, «со всем дворовым строением и пахотными землями», причём Фетиев делал такое дарение за свой долг зятю в 1000 руб. По-видимому, именно с Дюдиковой пустыни и начались земельные стяжания Фетиева. Около 1675 г., уже будучи гостем, он купил земельный участок под скотный двор и принял в

заклад дворы у посадских людей сороку церкви Рождества Иоанна Предтечи Ф. Шемякина, Я. Собенкина, Н. Кожина. В переписной книге стольника П. Голохвастова и подьячего И. Саблина были отмечены две вотчины Фетиева в Городском стане – Лоскомской волости и Троцком Углу. Гостю принадлежало 11 крестьянских дворов и в них 26 чел. мужского пола.

Одним из путей роста землевладения Фетиева было предоставление денег в долг светским феодалам. Так, в духовной упоминается его закладная кабала на стольнике Иване Фёдоровиче Голенищеве-Кутузове в 140 руб., по которой были получены половины деревень Нефедково и Демьянки в Перебатинской волости Вологодского уезда. Известны покупки земли Фетиевым у окольничего Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина, гостя Степана Горбова. В вологодских волостях (Сямской, Тошенской, Масленской, Комельской, Кубенской, Лоскомской волостях, Пуркаловском окологородье) Фетиев приобрел в 1680–1682 гг. по обменам, закладам и на правах аренды мелкие жеребья множества деревень у помещиков (Я. А. Ленина, А. И. Яхонтова, С. К. Свечина, Б. Г. Битяговского, С. Р. Качкарова, Ф. Я. Жемалова и др.). Покупая пустоши, он населял их крестьянами, но комплексного хозяйства создать не успел. Возможно, он стремился к организации товарно ориентированного животноводства. Обилие у Фетиева городских и сельских огородов в сочетании со сведениями таможенных книг о продаже им крупных партий лука, чеснока, капусты свидетельствует и о товарно ориентированном огородном хозяйстве гостя. В приложенных к его завещанию росписях имущества отмечен привозной из-за границы скот и птица (немецкие бык и корова за 17 руб., немецкие лошади, телята, «большие свиньи», немецкие куры, индийские гуси и утки). Полагаем, всю эту живность гость собирался разводить в своих загородных скотских дворах. В названных деревнях и селах развивалось, конечно, и земледельческое производство. Не случайно разыскные материалы марта 1685 г. содержат подробные сведения о ценах на жилые и хозяйственные постройки, хлебные культуры. Вдова Ульяна должна была получать от зятя (дьяка Л. Б. Протопопова) ежегодно по 100 четв. ржи, 30 четв. овса, 10 четв. ячменя, 5 четв. пшеницы. В ходе розыска в марте 1685 г. в ряде сёл и деревень вотчинные дворы не были отмечены.

Общая сумма денежного капитала Фетиева на момент его смерти, по нашим ориентировочным подсчётам, составляла 17 тыс. руб. (по курсу конца XIX в. это 289 тыс.). Для сравнения укажем, что по духовной приказного человека архиепископа Симона В. Г. Данилова-Домнина (ум. 1671) за этим главой архиерейской администрации оставалось всего 350,5 руб. (плюс столько же предусматривалось и было истрачено на различные поминальные раздачи). Однако по масштабу своему два духовных завещания как своеобразные культурные памятники вполне сопоставимы с той лишь разницей, что от духовной Данилова-Домнина остались раздаточные книги его наследства (введены в научный оборот ценной публикацией Г. П. Енина), фиксирующие реализацию его завещательных распоряжений с санкции архиерея, а не сам текст. Однако показателен тщательный учёт Вологодской архиерейской кафедрой имущества и денег, зафиксированных в столь крупных завещательных актах 1670–1680-х гг. и отнюдь не рядовых людей из местного общества.

Итак, из «фетиевского капитала» примерно 4300 руб. – это наличность (25 %), 5715 руб. следовало вернуть в качестве крупных долгов, когда-то предоставленных Фетиевым своим торговым контрагентам (34 %), и 6552 руб. раздавалось духовным учреждениям, отдельным духовным и светским лицам на поминовение, а также отпускаемым на волю многочисленным крепостным слугам (39 %). Кто же наследовал столь оглушительное богатство, получило ли оно продолжение в плане преемственности торговых капиталов и предпринимательства? Здесь уместно выделить два аспекта: личные распоряжения Фетиева на этот счет и ситуацию с его непосредственными наследниками.

Весь текст завещания, в соответствии с общим религиозным умонастроением феодальной эпохи, пронизан заботой умирающего о посмертном устроении души. Дважды в нём повторяется указание хозяина главному агенту Дмитрию Березину, чтобы все оставшиеся за оговорёнными выплатами и расходами деньги «раздать с приказчиками души моей по церквам и нищим все без остатку». В духовной перечислено 16 монастырей Вологодского и 4 монастыря Двинского уезда, 3 обители, расположенные в самой Вологде (Галактионова пустынь, Ильинский и Горний Успенский монастыри), два монастырских подворья в Вологде (Соловецкого и Кандалакшского

монастырей), десятки отдельных церквей и духовных лиц самого разного ранга (от влиятельного архиепископа Афанасия Холмогорского до попов и причетников скромных приходских храмов в Вологде, Архангельске, Холмогорах и пригородных сёлах). Охват церковных институций в завещаниях Фетиева и Данилова-Домнина тоже примерно сопоставим. Но есть и одно важное культурное различие – в фетиевском завещании ни слова ни говорится ни об одной книге, а из даниловского имущества племянникам Матвею и Тихону было дано немало книг (Библия, Псалтырь и Житие Дионисия Глушицкого), а ещё их больше взято в архиерейскую казну. Неграмотной жене В. Г. Данилова-Домнина Авдотье никаких книг не было дано, но ей вернули приданое имущество, что вполне соответствовало древнерусским правовым нормам.

Масштаб организации заупокойного культа в обеих духовных – архиерейского приказного человека и богатейшего купца – весьма впечатляет. Весь состав чёрного и белого духовенства названных в Фетиевской духовной учреждений щедро одаривался (примерно 3552 руб., у В. Г. Данилова-Домнина, как сказано выше, – 350 руб.). В завещании перечислены синодики – в соборных храмах городов поповский и дьяконский, в монастырских – литийный и подстенный, монахам, попам и причту обещаны большие запасы свеч и ладана, «камки астрадамской», атласа и бархата, целые вёдра и «осьмушные скляницы» церковного вина. Предусматривались и другие дарения по монастырям – лошадями и даже «гнездами лебедей». Не были забыты завещателем тюремные сидельцы и нищие, которым одних только калачей предписывалось раздать для поминовения Фетиева на сумму 100 руб. (у Данилова-Домнина та же «статья расходов» составляла 25 руб.). Если учесть, что калач в то время стоил всего копейку, можно представить баснословный охват милостыней всех голодающих и страждущих по случаю похорон богатейшего гостя и в течение последующей «четыредесятницы». В православном заупокойном культе всегда был очень важен сорокоуст, и эта черта религиозности русских людей в полной мере отразилась на завещаниях Данилова-Домнина и Фетиева. И как здесь не вспомнить наблюдение голштинского посла Адама Олеария о том, что «среди русских находятся люди, которые не только много средств жертвуют на церкви и монастыри, но кроме того щедрою рукою раздают милостыню бедным, хотя, с другой стороны,

они не очень совестятся обмануть своего ближнего при покупке, продаже и других делах».

Особое место в завещании занимает подробная регламентация процедуры отпевания и погребения Фетиева вологодским владыкой, архимандритами и игуменами наиболее старинных и влиятельных вологодских монастырей (Спасо-Прилуцкого и Спасо-Каменного, но не только), духовенством ружных и посадских церквей с последующим поминовением в течение не только сорокоуста, но и целого года.

Выделяя во всём наследии Фетиева три основных компонента – наличный денежный капитал, городскую недвижимость и землевладение, видим, что распоряжения первым и вторым были полностью продиктованы религиозными мотивами посмертного устроения души. Владимирская церковь, в которой «вблизи гробов моих родственников» завещал похоронить себя Фетиев, стала наследницей второго из указанных компонентов (дворов, огородов, лавок, квасоварен и кожевенных изб, дворовых, лавочных, огородных, амбарных мест и пр.). В завещании определялось назначение городской недвижимости для церкви – отдавая данные объекты «в кортому» (в аренду), церковный староста за получаемые доходы ежегодно выплачивал ругу попу (10 руб.), дьякону (5 руб.), пономарю (2 руб.) и просвирнице (1 руб.). Кроме этого, Фетиев назначал владимирскому попу с причетниками в течение 10 лет после своей смерти 15 руб. в год, то есть их поминальные функции бесперебойно оплачивались на многие годы вперёд. В этой связи любопытно выглядит статус Владимирской церкви: будучи посадской, она как тяглая облагалась церковной данью в казну архиерея, имея в то же время явные черты ктиторского храма. После смерти Фетиева контроль над её хозяйственно-торговой деятельностью осуществляла посадская община данного прихода в лице старосты. Некоторое время им в конце 1690-х гг. был фетиевский приказчик Дмитрий Березин. Актуальность фетиевского завещания для Владимирской церкви не была утрачена и к концу XIX в. Сохранилась челобитная священников и прихожан этой церкви вологодскому епископу Палладию Раеву (не позднее 1873 г.), в которой они со ссылками на духовную обосновывали свои права на прописанные в ней для их храма объекты, отдаваемые в кортому (аренду).

Не знаем, состоялись ли похороны самого Фетиева в точном соответствии с предписаниями его духовной. Надо учитывать, что умер он по старому стилю 26 декабря 1683 г. в Холмогорах, поэтому потребовалось время (около трёх недель) для доставки тела на санях в Вологду. Здесь же момент похорон оказался омрачённым не приличествующими случаю обстоятельствами. Московский зять умершего, Л. Б. Протопопов попытался силой увезти тело тестя в столицу, а заодно и его вдову и все «пожитки», которые были весьма немалые. О порочащем поведении дьяка Л. Б. Протопопова в день похорон сообщалось в челобитной фетиевского приказчика Дмитрия Березина вологодскому архиерею Симону. Энергичное противодействие ряда священников и самого Березина попыткам зятя позволило все-таки погрести тело хозяина во Владимирской церкви «с честью» и в присутствии всего «освященного собора» 16 января 1684 г.

Самым дорогостоящим (2 тыс. руб.) дарением Фетиева в пользу Владимирской церкви стало строительство по его завещанию каменного тёплого двухшатрового храма, имеющего один престол в честь небесного патрона гостя архангела Гавриила, а второй – в честь основоположника русского монашеского общежития Феодосия Печерского. Вступая в явное соперничество с архиерейским домом, гость завещал построить к Гаврииловскому храму колокольню такого же образца, что и соборная. Для неё в 1685 г. тем же любекским мастером Альбертом Бенинком, который в 1687 г. изготовит владычный колокол, был отлит двухсотпудовый колокол «по души Фетиева в вечное поминовение». Выполнение подобных заказов бывало возможным при наличии тесных связей заказчиков с торговыми иноземцами, бравшими на себя посреднические функции. Для архиерейского дома такой заказ исполнил голландец Балтазар Фадэмпрехт («Балсырь Балсырев» русских источников). Не исключено, что он же это сделал и для Фетиева.

Таким образом, денежное и имущественное богатство Фетиева, обусловившее его быстрый взлёт, повышенную социальную мобильность на протяжении недолгой жизни, вскоре после смерти оказалось утилизованным, в чём несомненную роль сыграли религиозные установки сознания, собственное понимание сравнительной ценности накопленного неправедным по преимуществу путём богатства и вечности поминовения во имя искупления грехов и

спасения души. Можно согласиться с Н. В. Козловой в том, что в российском менталитете *богатство не было показателем добродетели ни в Средневековье, ни в Новое время*. Взгляд на богатство был как на полученное от Бога в пользование. Следствием такого взгляда стало широкое развитие благотворительности в предпринимательских кругах и в XVII, и в последующие столетия. Причину же некоторые авторы видят в объективных трудностях России доиндустриальной эпохи для получения прибавочного продукта, длительности накопления капиталов в торгово-промышленной сфере.

В завершение очерка стоит сказать о непосредственных наследниках гостя. Судя по духовной, сыновей у Г. М. Фетиева на момент составления завещания не было, единственный раз упомянутый в 1665 г. сын Евдоким ни в каких позднейших известных нам документах не встречается. Большую часть имущества (огромное количество одежды, мехов, домашней утвари, села и деревни) наследовали дочь Акилина, её муж, московский дьяк Л. Б. Протопопов, и второй зять, Я. М. Манойлов. Трое детей Акилины и Протопопова осели, скорее всего, в Москве и с Вологдой не были связаны. В одном из последних известий Л. Б. Протопопов назван участником Азовского похода вместе с П. Гордоном в 1696 г.

Своеобразный итог жизни Фетиева и его ближайшего родственного окружения подводит запись в синодике Спасо-Прилуцкого монастыря («Род гостиной сотни Гавриила Фетиева»). Первые три имени в ней могут быть атрибутированы только предположительно: это монах Никифор, схимник Маркелл, монахиня Зиновия. Первый, возможно, дед гостя (приобретённые им дворовые и огородные места в Ехаловых Кузнецах упомянуты в одном крепостном акте 1626 г. и в завещании Фетиева). Два вторых – это, по мнению Н. И. Суворова, отец и мать гостя. Далее фигурирует «схимник Гавриил» (если имеется в виду сам Фетиев, то определение «схимник» заставляет предположить его предсмертное пострижение, но в таком случае имя его должно быть изменено (по аналогии Мартын – Маркелл), но ни в каких известных нам источниках об этом факте не сообщается. Далее внесено имя Ульяна, указывающее, несомненно, на жену Фетиева Ульяну Иовлевну, урождённую Голохвастову, дочь думного дворянина И. Д. Голохвастова. Внесение её имени (как и имени сестры Фетиева Евфимии) в спасо-прилуцкий синодик оговаривалось в завещании.

Потом назван Евдоким – это, по нашему мнению, мог быть единственный сын Фетиева, умерший при жизни отца, либо один из его племянников, Евдоким Елизаров сын Белоусов. За ним читаем имя Стефан, которого можно отождествить с младшим братом Фетиева, упомянутым в переписной книге 1646 г. как Степан. К моменту составления завещания Степана уже не было в живых, как и другого младшего брата – Семёна (в синодике – «Симеона убиенного»). Из братьев, отмеченных переписью 1646 г. в одном дворе с отцом, оставался только Яков Гаврилов сын Фетиев, известный по приходо-расходным книгам архиерейского дома 1680-х гг. как кузнец. У Якова мужского потомства также не осталось, поскольку в завещании Фетиева фигурируют лишь его жена и дочь. Между именами Стефана и Симеона в синодике помещён схимник Иона, а в завещании Фетиева фигурировали какие-то два старца, Дионисий и Иона, на поминовение которых в Спасо-Прилуцкий монастырь предназначались 10 руб.

Определение людей, стоявших за тремя последними именами в синодике, вызывает у нас затруднение – это Неонила, Григорий и Пётр. Петром звали одного из внуков Фетиева (от брака дочери Акилины и дьяка Л. Б. Протопопова, другие их дети были девочками – Мавра и Анна). Пётр получал по завещанию деда дорогой подарок – жемчужное «гурмышское» ожерелье с лазоревым яхонтом и сундук с драгоценными мехами. Возможно, на Петре прямое мужское потомство Фетиева пресеклось. Род продолжался в ветви Льва Протопопова, Якова Манойлова и Якова Фетиева по женской линии, и конкретное их наполнение именами в конце XVII–XVIII в. требует специальных генеалогических изысканий.

Документы о предпринимательской деятельности Г. М. Фетиева

№ 1

1661 г. августа 23. Купчая москвитина-кадашевца Гаврилы Яковлева Г. М. Фетиеву и С. Белоусову на лавочное место в суконном ряду

Се яз, Гаврило Яковлев сын москвитин, кадашевец, да своею женою Стефанидою Епифановою дочерью, продал есми вологжаном посадцким людем Гаврилу Мартынову сыну Фотиеву да Самсону

Лукьянову сыну Белоусову лавочное свое порозжнее место на Вологде внутри города в суконном ряду, идучи от гостина двора на левой руку. В межах подле Семёново лавочное место Казакова, а по другую сторону Никитино место Григорева сына Овсяника.

А то наше лавочное место по старым межам, чем мы, я, Гаврило з женою своею, владели. А взяли мы, я, Гаврило Яковлев з женою своею Стефанидою, у них, Гаврила Фотиева да у Самсона Белоусова за то свое лавочное место сто рублев денег серебряных. А наперед денги взяли все сполна без выкупа.

А то наше лавочное место наперед сего опроче их, Гарила Фотиева да Самсона Белоусова, иному никому не продано и не заложено и не в каких крепостях не подписано.

А кто учнет у них, Гаврила Фотиева да у Самсона Белоусова, в то наше лавочное место вступатца с прежними купчими или закладными или кабалами или с какими крепостьми ни буди, ин мне, Гаврилу Яковлеву з женою своею Стефанидою, то свое лавочное место ото всяких крепостей очищати начисто своими денгами и убыка им в том своем месте не довести никоторого.

А что ся им, Гаврилу и Самсону, в том нашем лавочном мессе какой убыток учинитца в нашем неочищенье, и нам, мне, Гаврилу Яковлеву, и з женою своею те им Гаврилов и Самсонов убытки по сей купчей платити все сполна. А кои нас, Гаврило или жена моя Стефанида будем в лицах, а нам того лавочного места очищене и убытки все сполна.

А на то послуси: Елизар Сергиев сын, Семён Головков, Иван Якимов.

А купчую писал вологодцкой площадной подьячей Ивашко Калинин лета 7169 августа в 23 де.

На обороте: 170 году сентября в 5 де в съезжезжей избе перед воеводою перед Никитой Костентиновичем Стрешневым да перед дьяком перед Аникием Чистого став, продавец москвитин Гаврило Яковлев сын сказал, что он лавочное свое место вологжанем посадцким людем Гаврилу Фотиеву да Самсону Белоусову продал и денги взял и такову им купчую на то лавочное место дал. И ся купчая на Вологде в книги записана.

Другим почерком: Дияк Аникей Чистого.

К сей купчей Гаврило Яковлев руку приложил.

К сей купчей пятницкой поп Афанасей вместо дочери своей духовной Стефаниды по ея велению руку приложил.

Послух Ивашко Якимов руку приложил.

Послух Елизарко руку приложил.

Послух Сенка руку приложил.

На л. 1 поверх текста помета: 170 сентября в 5 де записать в книги, справяся с прежними крепостями.

На л. 1 по вертикали почерком XIX в.: Гаврило Яковлев с женою Стефанидою продали свое лавочное место Гаврилу Фетиеву и Самсону Белоусову в суконном ряду от гостина двора.

ГАВО. Ф. 1260. Оп. 8. № 147. Подлинник.

№ 2

1665 г. мая 7. Отпись голландского купца В. Иванова Г. М. Фетиеву и С. Л. Белоусову в получении от них 320 руб. долга

(Л. 4) Се яз, Галанские земли торговои иноземец Володимер Иванов, дал есми отпись вологжанину посацкому человеку Гаврилу Мартынову сыну Фетиеву да Самсону Лукьянову сыну Белоусову. Взять было мне, Володимеру Иванову, по кабале триста двадцать рублев. И та кабала у меня отдана на Москве иноземцу Петру Деладалу. И я, Володимер Иванов, по той кабале до меня, Володимера Иванова, те денги все сполна дошли до меня. В том я, Володимер, ему, Гаврилу и Самсону отпись дал.

А отпись писал вологжанин посацкой человек Лучка Лежибоков лета седьмь тысеч 165 году месеца майя в седьм день.

На обороте: К сей отписи яз, Володимер Иванов руку приложил.

Ниже почерком XIX в. : отпись в получении денег.

ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 5170.

№ 3

1670 г. марта 18. Купчая московского торгового иноземца Т. А. Келдермана Г. М. Фетиеву на варницу в Тотьме

(Сст.[9] 4) Се яз, московской торговой иноземец Томос Андреев сын Келдерман, продал есми вологжанину посацкому человеку Гавриле Мартынову сыну Фетиеву и жене ево и детем на Тотме варницу свою со

всякими угодьи с цереном да в новой трубе десятая доля трубы. А наставка то ж, что я купил у дьяка у Ивана Хорламова. Да у тои же варницы анбар саленой да двор с хоромами, что есть на дворе хором, да у двора огород да три сусловки полянки с пашнею и сенными покосы, что на Тотме на посаде на всполье в межах с Рожественским попом Анофреем, а другая половина в межах с Климатовским попом Офонасьем, а третья полянка с Предтеченским попом Иваном да полянка на Медветке реке, что бывало Дмитрея Симонова смежно Зиновием Васильевым, да против двора по другой стороне улицы сенные покосы прозвище Бовыкино и со всеми угодьи к тое варнице, что к той варнице есть.

А взял я, Томас, за тое варницу со всеми угодьи, что к тои варнице есть, у него, у Гаврила, триста рублев денег серебряных. А та моя варница со всеми угодьи и с сенными покосы опричь Гаврила иному никому не продана и не заложена и по душе ни по кокой не отказано и в приданые ни за кем не отдано и в ынех ни в каких крепостях ни у кого (сст. 5) ничем не написано и не укреплено и на великого государя ни в которой приказ ни за что не отписано. А будет хто у него, Гаврила Фетиева, или у жены ево и у детей учнет по каким крепостям в ту варницу или в какие угодья вступатца, и мне, Томосу, ото крепостей очищать и убытка ничево никакова не довести. А будет от каких крепостей или от записки на великого государя в которой приказ, в коком моем, Томасовом, долгу не очищу и убытка отчево каково до него, Гаврила, или до жене ево и да детей в той их варнице или в каком угодье в своем неочищенье доведу, и ему, Гаврилу, и жене ево и детем взяти на мне, Томосе, той варнице и всяким угодьем от всяких крепостей и от записки на великого государя очиска да убытки свои в моем, Томасове неочищенье учинятца все сполна по ево, Гаврилове скаске, что он скажет. А будет ту варницу или каковое угодье у него, Гаврила, возмут на великого государя в каком моем, Томасовом, долгу или в начетных государевых денгах или по каким крепостям или по чему ни будет, а будет тое варницу отдадут мои, Томасовы, сородичи или кому ни буди на выкуп и ему, Гаврилу, взять на тех выкупщиках те свои денги триста рублев по сей купчей все сполна да за прибылое строенье, что Гаврила внов построит всякого варнишного и хоромного строенья, на тех выкупщиках взять ему, Гаврилу, по своей скаске. Да мне ж, Томосу, свою варницу со всеми угодьи записать по сей купчей в

приказе Устюжския Чети на ево, Гаврилово, имя в записные книги. А что у меня, Томоса, на тое варницу была старая купчая Ивана Харламова, и тое старою свою купчую отдал я, Томас, ему, Гаврилу.

А на то послуси: Афонасей Татаринов, Ипат Григорьев, Герасим Микифоров, Василей Веневцов. А купчую писал Ивановские площади подьячей Артюшка Иванов лета 7 тысяч сто семьдесят осмаго году апреля в восм на десять день.

На обороте: К сей купчей Томас Келдерманов варницу свою без цырена продал и денег триста рублев взял и руку[10]

Послух Фомка руку приложил.

Послух Патко руку приложил.

ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 1357. Подлинник писан на столбце из двух пронумерованных ставов – 4-го и 5-го.

№ 4

1675 г. декабря. Поступная запись гостя Г. М. Фетиева старцам Спасо-Прилуцкого монастыря на варницу в Тотьме

(Сст.1) Се яз, гость Гаврило Мартынов сын Фетиев, поступился я, Гаврило, Всемилостивого Спаса Прилуцкого монастыря архимандриту Исаку да келарю старцу Киприяну Докукину да казначею старцу Сергию Белоусову з братьею на Тотме варницу свою со всякими угодьи и с цереном да в новой трубе десятая доля трубы, а наставка тож, что я купил у московского торгового иноземца Томаса Андреева сына Келдермона. Да у тои же варницы анбар соляной да двор с хоромами, что есть на дворе хором, да у двора огород и с сенными покосы, что на Тотме на посаде на всполье. В межах с Рожественским попом Анофреем, а другая половина в межах с Климантовским попом Афонасьем, а третья половина с Предтеченским попом Иваном, да полянка на Медведке речке, что бывала Дмитрея Симанова смежно з Зиновьем Васильевым. Да против двора по другой сторон улицы сенные покосы прозвище Бовыкино и со всеми угодьи к тое варницы, что к той варнице есть.

А взял я, гость Гаврило, за тое свою варницу со всеми угодьи, что к той варнице (сст. 2) есть Прилуцкого монастыря у властей з братьею тысячу двесте пятдесят семь рублев шеснатцать алтын четыре денги серебряных денег. А та моя варница со всеми угодьи и с сенными

покосы, опричь Прилуцкого монастыря, иному никому не продана и не заложена и по душе ни по какой не отдана и в приданые ни за кем не отдана и в ыных ни в каких крепостях ни у кого ни в чем не написана и не укреплена и на великого государя ни в которой приказ ни за что не отписана. А будет кто Прилуцкого монастыря у властей з братьею учнет по каким крепостем в ту варницу или в какие угодья вступатца, и мне, гостю Гаврилу, от всяких крепостей очищать и убытка нигде никакова не довесть. А будет от каких крепостей или от записки а в каком моем, Гаврилове, долгу не очищу и убытка какова Прилуцкого монастыря властем з братьею в той варнице или в каком угодье в своем неочищенье доведу, и им, властем, взяти на мне, госте Гавриле, той варнице и всяким угодьем от всяких крепостей и от записки на великого государя очистка да убытки свои в моем, Гаврилове, неочищенье учинятца вся сполна по их, Прилуцкого монастыря властей, скаске, что они скажут. А будет ту варницу или иное угодье у них, властей, возмут на великого государя в каком моем, Гаврилове, долгу или в начетных государевых денгах или по каким крепостям или по чему ни будет…[11]

А будет тое варницу отдадут… (сст. 3) моим, Гавриловым, сродником или кому ни будь на выкуп, и Прилуцкого монастыря властем на тех выкупщиках те свои денги тысечу двести пятьдесят семь рублев шеснатцать алтын четыре денги по сей поступной все сполна да за прибылое строенье, что они, власти, построят всякого варничного хоромного строенья, на том выкупщике взять им, властем, по своей скаске. Да мне ж, гостю Гаврилу, со всеми угодьи и ту свою варницу по сей поступной записати в приказе Устюжской четверти Прилуцкого монастыря на их, властей имя, в записные книги. А что у меня, гостя у Гаврила, на тое варницу были старые крепости, и отдал Прилуцкого монастыря властем.

На то послуси: Иван Рычков, Елизарий Сергеев, Иван Мурзин, Михайло Афонасьев.

Запись писал Вологоцкой площади подьячей Ивашко Корнилов лета 7184 году декабря в 4 день.

На обороте на расклеенных ставах: К сей записи вместо гостя государя своего Гаврила Мартиновича человек его Митка Фомин по его велению руку приложил.

Послух Ивашко Рычков руку приложил

Послух Мишка руку приложил

ГАВО. Ф. 1260. Оп. 2. № 1880. Подлинник в виде расклеенного столбца из трех сставов.

Там же. № 20. Л. 4 об.-5 – копия XVIII в.

№ 5

1676 г., ноября 14. Поступная запись гостя Г. М. Фетиева и соловецкого старца Марка старосте и прихожанам Владимирской церкви на лавку в Соляном ряду

Се яз, гость Гаврило Мартынов Фетиев, да яз, старец Марко Соловецкого монастыря вологодской службы соляного двора, поступились есми в дом Пречистые Богородицы Владимирские, что на Вологде на посаде, церковному старосте Павлу Ульянову и всем прихожаном за 15 рублев закладною лавкою с лавочным и с передлавочным местом вечно. А та лавка на Вологде внутри города в Соляном ряду и тою поступною нашей лавкою в дом Пречистые Богородицы Владимирские церковному старосте Павлу Ульянову и всем прихожаном, или кто впред иные церковные старосты будут, владеть вечно на всякую церковную утварь, и никому в тое поступную лавку не вступатца. Да и старые крепости на тое лавку и на лавочное и на передлавочное место ему, церковному старосте Павлу Ульянову, и всем прихожаном отдали да в том им на тое лавку сию поступную дали.

А на то послуси: Елизар Сергиев, Иван Мурзин.

А поступную писал Вологоцкие площади подьячей Ивашка Рычков лета 7185 году ноября в 14 день.

На обороте: К сей поступной государя своего гостя Гаврила Мартиновича Фетиева человек его Митка Фомин руку приложил

К сей поступной старец Марк руку приложил

Послух Елизарко руку приложил

Послух Ивашко Кузмин руку приложил

ГАВО. Ф. 1260. Оп. 7. № 1. Подлинник.

Раздел четвертый. Культура и общество

Очерк 10. Богатство и бедность

Милосердие и благотворительность: идеи, нормы, практика

Обращение к историческому опыту благотворительности как способу смягчения социальных противоречий, гармонизации общественных отношений представляет несомненный научный и практический интерес. Актуальность темы уясняется с учётом реалий современной России углублением социального расслоения нашего общества, пропасти между бедными и богатыми. Проявление милосердия в средневековом обществе было органически связано с христианской религиозностью, представлениями человека о спасении собственной души и заботой о спасении душ своих умерших близких путём раздачи милостыни нищим и нуждающимся. В христианстве сильна идея социальной справедливости: «Благотворите и взаймы давайте, не ожидая ничего»; «Будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд»; «Всякому просящему у тебя давай и от взявшего твое не требуй назад» (Лука, VI, 30, 35, 36). Проповедь милосердия проводится в целом ряде евангельских изречений и притч – о самарянине, о богаче и нищем Лазаре, о лепте вдовицы (Лука, X, 30–37; XVI, 19–26; XXI, 2–4).

В памятниках средневековой эпохи (законодательных, литературных и актовых источниках, вкладных и кормовых книгах монастырей, писцовых и переписных книгах) можно найти разнообразные свидетельства казенной, общественной, церковной и частной заботы о нищих, больных, слабых и дряхлых. Уже в церковных княжеских уставах конца X–XIV в. был очерчен круг «богаделенных людей», подведомственных митрополичьему суду (слепец, хромец, вдовица, калика перехожий, странник, задушный человек, пущенник, прощенник), определено назначение церковного богатства («сиротам и старцам немощным на прекормление, убогим промышление и на подаяние… мёртвым память и помилование»), названы учреждения оказания помощи нуждающимся (монастыри, больницы, гостиницы и «странноприимницы»).

Как этическая категория княжеское «нищелюбие» разбирается в Поучении Владимира Мономаха («Прежде всего страх имейте Божий в сердце своем и милостыню подавайте нескудную – это ведь начало всякого добра»; «Всякий день милостыню творит праведник и взаймы дает, и племя его благословенно будет»). Согласно Молению Даниила Заточника, княжеская милость оживляет людей, вдов и сирот, обижаемых вельможами, так же как весна украшает землю цветами. Вместе с тем у этого автора находим социально окрашенное противопоставление богатства и бедности, нищеты: «Аще ли буду богат, гордость восприму; аще ли буду убог, помышляю на татьбу и разбой».

Не случаен приводимый в словаре В. И. Даля широкий набор слов, производных от существительного *милость* и глагола *миловать* (жаловать, щадить, спасать): **милостивец** (покровитель, доброжелатель); **милостивый** (добрый, доброжелательный); **милостник** (любимец, покровительствуемый кем-то), **милостыня** (подаяние); **милостынец** (нищий).

В богословской мысли Византии понятия абсолютного блага, великой милости, милосердия прилагались прежде всего ко Всевышнему *(«magnam misericordem Deum»)*, а для человеческих деяний благо – это то, что соответствует божественному порядку или созданному Богом естественному праву. Пожалования византийскими императорами монастырям земельных владений были обусловлены принципом благотворительности, к этому их также побуждало стремление подражать в земной политике Богу-демиургу, дарующему людям разные блага.

В числе свойств идеального правителя, рисуемых в памятниках русской общественной мысли XIV–XV вв., всегда присутствовали такие черты, как милосердие и забота о церкви. В коллективных грамотах тверских князей Отрочу монастырю *милостыней* они называют пожалование земли и административно-судебных прав (иммунитета). Сближены понятия пожалования и милостыни в грамоте великого тверского кн. Михаила Борисовича Троице-Калязину монастырю 1483–1485 гг. В построении образа справедливого государя в общественной мысли середины XVI в. актуализируются принципы милости и грозы, правды и закона, правого суда. В посланиях Кирилла Белозерского говорится, что даваемая Василием I «нам, нищим»

милостыня приятна Богу и есть проявление веры к Пречистой Богородице. В послании к Юрию Дмитриевичу Галицкому высказана мысль о том, что княжеским «призрением нищих монахов довольными милостынями» восполняется недостаток светских лиц в следовании посту и молитве.

По мере углубления христианского идеала в средневековой Руси этические категории «милости», «милосердия» стали переноситься не только на отдельных князей, но и на монахов. Их духовные подвиги называются *милостивством.* В перечне добродетелей основателей монастырей наряду с постом, молитвой, трудом непременно присутствует и *«милование нищим»*. Подвижники веры определяются в агиографической литературе как «*милостивые* заступники», сеющие *милость* на земле (утешение бедным и печальным, одежду нищим, исцеление молитвой больным, искупление пленным и должникам), а своей братии дающие *милостыню-кормлю.*

В посланиях Иосифа Волоцкого выражено понимание вкладов в монастыри как милостыни, назначение которой – быть средством материального обеспечения и духовного воспитания монашества. Миловать братию со стороны дарителей и настоятелей – это значит её «питать и одевать довольно, и душами их печися еже о спасении и наказывать (наставлять. – *М. Ч.*) их всегда на благая делеса…». У И. Волоцкого не раз приводится дословная фраза из Нагорной проповеди: «Блаженны милостивые, ибо они будут помилованы». Иосиф прямо предупреждает: «Немиловавый не помилован будет». Вместе с тем в устах самих старцев «совершенный *милостивец»* – это человек истинного благочестия. Им мог быть и чадолюбивый отец, наказывающий (*«благомилующий»*) сына, и монастырский настоятель, отказывающийся от богатого приношения «нарочитого Христолюбца», и вообще всякий творящий милостыню, широко понимаемую как благо.

Для русской религиозности и умонастроений XIV–XV вв. было характерно возрастание чувства беспокойства, тревоги за посмертную судьбу людей. На фоне углубляющихся эсхатологических ожиданий неотвратимого конца света усиливается забота людей о спасении своей души и душ своих умерших предков, совершенствуется практика поминальных вкладов в монастыри, в том числе и раздача милостыни нищим и нуждающимся как её составная часть. Развернутое изложение государевой милостыни монастырям встречается в указной грамоте вел.

кн. Марии Ярославны кирилловскому игумену Нифонту 1481/82 г. Данным документом вводилось государственное почитание преп. Пафнутия Боровского. Речь шла о княжеской «*милостыне нищим* и на кормли в монастыри» в размере 495 руб. в память о старце Пафнутии, а также великом князе Василии II и «по всем по нашем роду». Из этой суммы 195 руб. предназначались нищим, неимущим и скудным монастырям, а 300 руб. – на ежегодную (в течение 15 лет) поминальную «кормлю» в день преставления (1 мая) преп. Пафнутия Боровского. Далее перечислялись вологодские и белозерские монастыри и церкви: в Кириллов – 4 руб., Ферапонтов – 3 руб., Спасо-Каменный – 3 руб., Павлов Обнорский – 1,5 руб., Спасо-Прилуцкий – 1,5 руб., к Николе на Комельском озере – 1,5 руб., к Покрову на Сямжену – 1,5 руб., в Троицкий Усть-Шехонский – 25 алт., Покровский Глушицкий – 1 руб., Никитский на Шексне – 25 алт. Указан был также Соловецкий монастырь, получавший 1,5 руб. По наблюдениям А. И. Алексеева, даваемые княгиней деньги должны быть истрачены к 1492 г., который в качестве даты конца света довлел над сознанием людей.

В группе статей о штрафе за бесчестье севернорусского Судебника 1589 г. было отражено правовое положение нищих. Среди них выделяются три группы: 1) с имуществом («животами»); 2) «калики», бродящие «ис кусков» (собирающие подаяние по деревням; *«кусовничать»* – побираться, *кусовник* – нищий-побирушка); 3) московские (то есть иногородние. – *М. Ч.*) кликуны (одержимые падучей болезнью мужчины и женщины, кликуши). Компенсация за бесчестье первым определялась в соответствии со стоимостью их имущества, кусовникам – 4 алт., кликунам – 8 алт. 2 ден. Терпимость севернорусских посадских и крестьянских общин к маргинальным слоям, включённым в систему социальных связей, весьма показательна.

Листая писцовые и переписные книги XVI–XVII вв. по городам и уездам, каждый исследователь замечал в них многочисленные указания на кельи нищих при погостских и приходских церквах. Обитателями келий и скромных избушек были как мирские люди, так и представители нищенствующего монашества. Их учёт свидетельствует о контроле светской и церковной властей над этой категорией городского и сельского населения. В узаконенном существовании нищенских келий при церквах находила выражение церковная и общинная благотворительность. В коллекции столбцов ГАВО удалось

выявить наказную память вологодского архиепископа Маркелла своему дьяку Даниле Столбицкому 1648 г. Согласно этому документу, с нищенских келий у церквей никаких пошлин и платежей в архиерейскую казну не должно было взиматься.

В писцовой книге Вологды 1627/28 г. отражено и нищее келейничество на архиерейской земле при церквах, и существование нищих, самостоятельно проживающих в своих дворах, при этом «бродящих в мире». В итоговой записи книги по городу значится 40 келий и в них 41 нищий. Писцами был также упомянут убогий дом около церкви Дмитрия Солунского, огороженный частоколом. К 1627 г. относятся первые данные о посылке милостыни из Спасо-Прилуцкого монастыря 105 узникам в вологодскую тюрьму в ответ на их челобитную (11 хлебов, лагун квасу, извар капусты). Своеобразным проявлением сострадания церковных властей к своей пастве стало освобождение от уплаты венечных пошлин бедных и нищих («пошлины им отданы по архиепископлю указу за их нищету»). Такие фразы находим в венечных разделах приходо-расходных книг архиерейской кафедры 1620–1630-х гг. О связи милосердия с почитанием в Вологде чудотворной Семигородней иконы Успения Божией Матери свидетельствует указная грамота царя Алексея Михайловича городским властям (воеводе и дьяку) от 18 марта 1648 г. В ней предписывалось предоставить место под храм и кельи для немощных и расслабленных, чтобы получавшие исцеление от иконы молили Бога «за наше государьское здоровье».

Со второй половины XV в. и в течение XVI–XVII вв. в России широко практиковалась одноразовая выдача государством отдельным монастырям и «нищим церквам» *милостыни-руги*, отождествляемой с пожалованием. В состав её входили хлеб, соль, деньги, воск на свечи, мёд на кутью, пшеница на просвиры. Сами же церковные учреждения стремились к её постоянному получению («впрок»). Соборным приговором 1 мая 1551 г. правительство Ивана IV попыталось ограничить ежегодную выдачу руги «новопридачным» церквам и вернуться к порядку, установленному во времена Ивана III и Василия III, предусматривавшую такую выдачу время от времени («в приказ в два-три года»). Об актуальности этой проблемы свидетельствует включение данного уложения в состав Стоглава и сводного Судебника начала XVII в. В Вологде на государеву милостыню-ругу существовали

церкви в пределах города (крепости), Ильинский мужской, Горний Успенский девичий монастыри, Галактионова пустынь и кафедральный Софийский собор. Сохранилась указная грамота царя Михаила Фёдоровича вологодскому воеводе И. И. Салтыкову и дьяку В. Ларионову о выдаче Горнему монастырю «на нынешней 7132 год» (1624) денежной и хлебной руги, а также вина, воска и ладана на «церковной обиход». В 1652 г. таможенный голова А. Оконнишников получил указную грамоту царя Алексея Михайловича о выдаче хлебной и денежной руги причту Софийского собора из средств вологодской таможенной избы. В соответствии с ней руга была выдана и отмечена в сметной книге Вологды за тот же 1652 г. со ссылкой на упомянутую указную грамоту.

Обращение к проблеме государевой милостыни-руги, таким образом, вводит проблематику милосердия в контекст церковно-государственных отношений. Что касается самостоятельного сбора милостыни бедными монастырями (особенно для поддержки ведущегося ими церковного строительства), то церковными властями он обычно ограничивался определённым сроком (2 года), разрешался с ведома архиерейских заказчиков, тиунов и десятильников и должен был учитываться в специально ведущихся «записных книгах подаяний».

Свидетельство земской благотворительности находим в сметном списке Вологды 1652/53 г., где фигурирует руга 11 человекам в богаделенную избу (по 15 алт. 4 ден.; по 1 четв. ржи и овса каждому). Речь должна идти об убогом доме возле церкви Дмитрия Солунского, впервые упомянутом в писцовой книге 1627/28 г. Содержание ему шло за счёт «земского ларца». В общественном приговоре по сооружению Спасо-Обыденной церкви во избавление от чумы 18 октября 1654 г. говорилось об этой богадельне, которой было обещано по 6 фунтов свеч и 2 фунта ладана в год. Священнику, отпевавшему усопших в убогом доме, шло 2 руб., пономарю «что дьячит» – 1 руб., скудельнику (могильщику) – 2 руб., а на просвиры и кутью – полтина.

Ещё одна богадельня, названная «новой больницей» (в виде каменного корпуса на 12 чел.), была устроена в Горнем Успенском монастыре по завещательному указу архиепископа Симона в 1684 г. Здесь должны были жить престарелые, безместные, увечные и скорбные монахини, которым «за древнею старостью и увечьем и болезнею пищи себе на пропитание ниоткуды собою приобрести не

мочно». Средства на её содержание давались из домовой архиерейской казны, что фиксировалось приходо-расходными книгами. В Ильинском мужском монастыре в 1683 г. было 25 увечных и слепых старцев, которым установленной руги не хватало, и они «ходили меж двор, кормясь Христовым именем». Приведённые факты свидетельствуют о развитии в Вологде XVII в. и общественной, и церковной, и государственной помощи нуждающимся. Кроме того, с 1684 г. с 558 церквей Вологодской епархии регулярно собирались деньги на содержание московских богаделен. Так вологодские приходы включились в систему государственной благотворительности, новый этап которой начался в 1680-х гг. В научной литературе его связывают с указом царя Фёдора Алексеевича 1682 г. об обязательном учреждении при монастырях богаделен (из расчёта -5 чел. на каждые сто дворов) и обязательном участии в делах призрения помещиков и крестьян.

В духовных грамотах частных лиц XVI–XVII вв. отчетливо проведена связь посмертного поминания монастырских вкладчиков с их милостыней нищим, в том числе и их кормлением в дни поминовения. В духовной служилого вологжанина И. Л. Злобина от 1 апреля 1557 г. говорится о раздаче на сорокоуст крупной суммы денег широкому кругу церквей, монастырей и нищих. Согласно духовной И. Т. Борисова 1566 г., поминание его должно было совершаться на дворе Соловецкого монастыря в Великом Новгороде: «понахида пети и обедни служити и *нищих кормити за столом* по вся годы в то время, как игумен лучитца в Новегороде или братья на монастырском дворе». В своей духовной Авдотья Иванова дочь Голуба 1577 г. завещала келью на Турчасовском погосте в Спасскую и Никольскую церкви, предписав церковным властям *«держати в ней нищих стариц и вдов»*. Душеприказчик состоятельного посадского человека из Тотьмы И. Е. Брудачева И. П. Харламов должен был раздать нищим 5 руб. (1628).

Милостыни государства и частных лиц имели место не только по отношению к монастырям, но и эти последние оказывали широкий «набор услуг» по социальному обеспечению разных слоёв русского общества. В описи Павло-Обнорского монастыря 1687 г. были поимённо зафиксированы «крестьянские дети – сироты («подроски и малые робята»), оставшиеся после отцов своих» – 47 чел. В описи той же обители за 1702 г. уточняется, что «крестьянские дети, розных деревень сироты» были привезены и «помётываны» в скудные

(голодные) годы в монастырь, «нет у них ни отцов, ни матерей, а кормят их монастырским хлебом и дают из монастырской казны одне рубашечки». Со временем подобные «детёныши» становились взрослыми людьми, обучались какой-нибудь мастеровой профессии, обзаводились семьями и пополняли ряды монастырских слуг и служебников, сохраняя за собой социальное определение «детёшыши».

Ещё одно проявление милосердия в средневековой Руси касается общественных и монастырских больниц. Впервые они упоминались ещё в церковных княжеских уставах древнерусского времени. В главах 71 и 73 Стоглава говорилось об определении неспособных трудиться, больных и престарелых чернцов и черниц в монастырские больницы. Содержались те совместно на средства государевой казны и церкви («вклады» царя и владык), размеры которых не регламентировались, они вносились по усмотрению дарителей («как им Бог известит»). Наличие больниц в монастырях XVII в. фиксируется их описями: в 1641 г. в Троице-Сергиевом монастыре под церковью Зосимы и Савватия Соловецких было 57 больничных старцев, среди которых поименованы Галасия слепой, Корнилий безногой. В 1650-х гг. в Павло-Обнорском монастыре было 9 человек «болнишной братии», в Корнильево-Комельском монастыре – 8 человек.

Попасть в монастырскую больницу не всегда было просто, и порой между духовными корпорациями и светскими лицами на этой почве возникали коллизии. Так, в начале 1670-х гг. Спасо-Прилуцкий монастырь отказался давать содержание своему престарелому конюху Куземке Власову. Однако в 1674 г., согласно указной грамоте царя Алексея Михайловича, прилуцким властям было приказано принять в монастырскую больницу обиженного конюха с женой: поместить его в келью и давать корм «против иных братей болнишных старцов», а его жену кормить мирской пищей за монастырём «против иных вкладчиц». Редкое в источниках указание на порядок предоставления хлебного содержания своим вкладчикам сохранилось в архиве того же монастыря. Отставному дворянину М. Н. Скорбееву в 1701 г. была выдана из монастырской казны вкладная, регламентировавшая годовой хлебный оклад, получаемый из прилуцких житниц, виды и количество хлеба и хлебопродуктов по третям года: с сентября по декабрь, с января по апрель и с мая по август.

Представляют интерес предисловия к Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря 1673 г. и комплексу его копийных книг 1684/85 г. В них одобряются монастырские вкладчики-*благотворцы*, и вместе с тем проводится мысль о приоритете дарений в монастырь по сравнению с милостыней нищим («Яко подаяние на церковь изряднейшее и лучшее видится быти, нежели милостыня к нищим»). В этом сказался постепенный переход от неупорядоченной частной к более организованной государственной и церковной благотворительности в России в конце «нашего Средневековья». Преследование бродячих нищих и запрет милостыни были характерны для политики Петра I (указы 1692, 1694, 1712 гг. и последующих лет), когда сфера социального призрения стала одной из отраслей государственного управления. Акцент на благотворце, на самом ЧЕЛОВЕКЕ, сознательно творящем БЛАГО (тогда как прежде в нём виделся в первую очередь Бого– и Христолюбец), отражал постепенную эволюцию русской культуры от теоцентрического к антропоцентрическому типу на переходном этапе от Средневековья к раннему Новому времени.

Итак, благотворительность восполняла недостающие социальные связи общества. Она входила в круг социальных обязанностей и государей, и церковных институций, и частных лиц, подразумевала некоторое перераспределение материальных благ в пользу малоимущих слоёв населения путём милостыни. Являясь для дающих залогом их собственного спасения, благотворительность несколько гармонизировала социальные отношения и может рассматриваться как движение человечества на его длительном пути к прогрессу и социальной справедливости.

Пиры и братчины

Помимо практики благотворительности, социокультурные аспекты можно наблюдать в сфере коллективных и семейных пиров/братчин. Существенной чертой всех обществ доиндустриальной эпохи была нерасчлененность принципов морали, права, экономики. Формы культурной жизни людей тех далёких времен были тесно связаны с функциями их социальной жизнедеятельности. К числу таких форм принадлежали пиры и братчины. Их можно отнести к наиболее массовым проявлениям средневековой культуры. Они

функционировали на разных «этажах» социума – в отношениях княжеской власти с дружиной, внутри купеческих и ремесленных корпораций, монашеских сообществ, крестьянских и городских миров, семей и дворов. В них находили выражение как коллективные, так и частные формы социальной жизни.

Пиры Средневековья восходили к жертвоприношениям соплеменников языческим божествам первобытной эпохи, маркирующим сакральное время празднества. Оно сопровождалось совместным поглощением жертвенной пищи, напитков и направлялось, как правило, жрецами, волхвами, кудесниками. Имея циклический, магическо-ритуальный характер в земледельческих обществах германцев и славян, эти родо-племенные пиры связывали воедино два уровня восприятия действительности – мифа и практической жизни, макрокосм и микрокосм, что, в свою очередь, отражало *универсализм картины мира* древнего (а в дальнейшем и средневекового) человека.

На Руси, как и в других славянских странах, а также Скандинавии, объезды правителями подвластной территории сопровождались частичным потреблением собранного зерна, хлеба, мёда, рыбы, соли, пушнины, изделий ремесла прямо на месте. В Древней Руси такими пунктами стали погосты, сам корень этого слова отражает понятие гостя, гостевания, угощения, гостьбы как места такого корма (в форме доставки, повоза населением добытых или произведённых продуктов) и одновременно торговли, обмена материальными ценностями (гость как привилегированный купец). В подобных явлениях отразилась определённая упрощённость социально-политического устройства ранних государств, отсутствие в них развитого стационарного управленческого аппарата, осуществление управленческих функций в подвижной форме.

Пиры и братчины христианского периода, обогатившись новым идейным содержанием, став частью церковно-приходской жизни, ещё долго сохраняли в себе отдельные элементы прежней архаической культуры. Согласно церковным поучениям XIII–XIV вв., священникам запрещалось присутствовать на «бесовских позорах» – этих элементах языческих игр и зрелищ с их «свистанием, воплем, кличем и битьем дрекольем до смерти». Невольно вспоминается старинная русская пословица «добрый праздник не без драки». Поп от подобных зрелищ должен был «отходить преже видения». Священники, как и

представители светских властей, не могли ходить незваными в частные дома «на пир и на бракъ», «на пир и на покорм». У поморских славян с их поздней христианизацией ещё и в XII в. существовала языческая традиция совмещения религиозного празднества и политического собрания (веча). Этот факт П. В. Лукин сопоставил с петровской «братьщиной» в Полоцке 1158 г., когда в празднование Петрова дня причудливо вплелись перипетии политической борьбы на вече.

Соотношение понятий «пир» и «братчина» в принципе ясно. И то и другое означает праздничное пиршество, трапезу. Но если пиром являлось и общинное, и семейное торжество, то братчина – это всегда событие общественное, производимое в складчину («ссыпщину»). Братчиной могло называться и употребляемое пиво («пить братчину»), и помещение, где это происходило. Слово «братчина», как и древнерусская «вервь-община», может быть объяснено из сербохорватских *братств* архаического периода, кровно-родственных союзов с их праздниками («вервные братья»). В таком значении братчины фигурируют в памятнике хорватского права XII в. Полицком статуте. Братаничами в Древней и средневековой Руси назывались дети брата, племянники, и это возможный отголосок указанных югославянских параллелей и территориальных пе ремещений славян.

«Пиво», как и «мёд», – это исконно славянские слова. «Пиво» – более ранний термин, синонимичный *«пиру», «празднику»* актов Северо-Восточной Руси, а на Северо-Западе синонимом ему, в свою очередь, служили «обед», «каша», «перевара». Последним словом обозначался, во-первых, чан, варница для производства пива, во-вторых, пошлина за варку пива или мёда и, в-третьих, особо крепкое пиво, полученное в результате вторичной перегонки. В жалованной данной грамоте новгородского боярина Ивана Васильевича Своеземцева Важскому Богословскому монастырю 1470 г. говорилось: «…ни приказчик мой к ним не въезжает, ни перевар не пиет». Пиво как синоним пира отмечено в ранней формуле актов, 1450–1460-х гг. (предшествовавшей более распространённой формуле Белозерской уставной грамоты): «боярские люди и иные нихто к ним незваны в пиво не ездят» (Бежецкий Верх, Дмитровский и Юрьевский уезды). Пиво имело не только праздничное, но и поминальное значение, отражённое, например, в духовной княгини Авдотьи Пронской 1565 г.: «…да что у меня хлеба стоячего и в житницех в обеих селех, и в том хлебе на

поминки пива варити и вина курити, и нищих кормити». Не случайно одна из статей А. Л. Хорошкевич о пиве в средневековом русском обиходе имеет название «В радости и *печали*».

В грамоте суздальских князей В. Ю. и Ф. Ю. Шуйских Спасо-Евфимьеву монастырю на село Омутское 1445/46 г., наряду с пивом, фигурируют *брашинина/брашинины* (во множественном и единственном числе), от слова «борошно», «брашно» – кушанье. Оно известно уже по Покону Вирному Краткой редакции Русской Правды. В духовной первой игуменьи московского Новодевичьего монастыря Елены Девочкиной 1547 г. фигурирует «*брашная* трапеза во время обеда». В одной челобитной властей Ферапонтова Белозерского монастыря 1699 г. «борошно» употребляется как синоним имущества самого разного состава.

О попытке государственного регулирования частного пивоварения свидетельствует указ Бориса Годунова на Соль Вычегодскую от 3 ноября 1601 г., посланный кабацким и таможенным головам, старостам в условиях поразившего страну голода. Наряду с мерами по удержанию твёрдых цен им разрешалось варить «не ото многа пива» только «для великие нужи» – по двунадесятым праздникам, на родительские памяти, родины и на свадьбы и делать это с великим бережением, чтобы не допустить лишнего расхода хлеба. Особое внимание было обращено на деятельность солодовников Соли Вычегодской и всего Усольского уезда, чтобы они «много хлеба не закупали и солодов многих для хлебного недороду не ростили и не продавали». Однако меры по регулированию цен на хлеб и его расходу, как известно, в тех условиях не дали желаемого результата, не предотвратили рост в стране социальной напряжённости, вылившейся в смуту.

Из правовых памятников средневековой Руси институт пиров и братчин отразили: Русская Правда (XI–XIII вв.), Псковская судная, Двинская и Белозерская уставные грамоты (XIV–XV вв.). Наибольшее число упоминаний о пирах и братчинах содержится в жалованных (иммунитетных) грамотах духовным корпорациям и монастырских уставных грамотах XV–XVII вв. Законодательные памятники зафиксировали главным образом моменты, связанные с правонарушениями на пирах, – «свады», «свары» (ссоры), драки, убийства, совершенные в гневе или под действием застольного возбуждения и опьянения. В ст. 6 Пространной редакции Русской

Правды устанавливалась ответственность убийцы («головника») за совершенное им преступление в ссоре или на пиру «явлено» (прилюдно, у всех на глазах).

Согласно Двинской уставной грамоте 1397/98 г., удержавшей некоторые традиции Русской Правды, наместники и их судебные агенты – дворяне – брали пошлину «по кунице с шерстью» за «бой на пиру», расследование которого уже по окончании пира было доведено до суда (3-я ст.). В той же статье допускалось разрешение подобного конфликта в самой общине, если конфликтовавшие стороны тут же сами примирились («взяли прощение не выйдя из пиру»). Архаичные реплики, восходящие к Двинской грамоте, находим в жалованной уставной кн. Юрия Ивановича Кашинского дмитровским бобровникам 1509 г.: «…А в пиру или в братчине посварятся или побьются, а не вышед с пиру помирятся, и ловчему и его тиуну в том нет ничего». Если примирение произошло «вышед с пиру за приставом», то ловчему и тиуну полагалось «хоженое»: в городе 4 деньги, в деревне – 1 деньга. Это, в дополнение к Псковской судной грамоте, указывает на пиры и братчины как на явление общественной жизни и города, и деревни.

В сказаниях писателя Бориса Шергина отразились некоторые мотивы Двинской уставной грамоты и тех исторических обстоятельств, в которых возник этот памятник. Так, в рассказе «Корабельные вожи» речь идёт о двух друзьях-лоцманах – Никите Звягине, возводившем свой род к новгородцам, и Гуляе Щеколдине, происходившем от москвичей. Приятели часто ходили друг к другу на пироги, блины и пиво. Однажды на «вожевой братчине», куда, кроме братчиков-корабельщиков, было приглашено много гостей (разные поморские «города» и «реки»), они крепко поссорились из-за нарушения иерархического порядка рассаживания гостей: высокий стол должна была занимать Новгородская Двина, «середовый» – Москва и Устюг, а низкие столы – «чернопахотные реки». В ходе ссоры бывшие друзья не скупились на взаимные оскорбления: «мужичий род, крамольники новгородские»; «московский таракан, щеколда». Их гневные филиппики распространялись и на предков («твой дед был карбасник, носник, от Устюга до Колмогор всякую наброду перевозил, по копейке с плеши брал», «а твой дед – барабаншик, по дворам ходил, снастей просил – не подали»). Упоминание «барабанщика» косвенно может указывать на музыкальный инструмент бродячего скомороха. В этом

плане прозвище Гуляй весьма показательно. После долгих душевных мук герои сказания примирились со словами «Велика Москва державная!».

В данном сюжете, несомненно, отразились сложные перипетии длительного московско-новгородского противоборства за Двину, вовлеченность в эту борьбу других поморских городов и земель – Устюга, Ваги, Пинеги, Печоры. Угадывается в нём и упорядоченность, иерархичность «братчинного» действа, рассаживание братчиков и гостей на пиру по определённому ранжиру. В приведённом сказании, имеющем несомненную фольклорную окраску, интересно ещё и то, что поссорившиеся новгородец и москвич – это люди разного имущественного достатка (один богаче, другой – беднее), а в Судебнике 1589 г. размер возмещения за бесчестье (каковым являлось и словесное оскорбление, всякая «матерная брань») определялось дифференцированно, в зависимости от имущественного и общественного статуса – от 3 до 1 руб. Образ праздничного коллективного застолья возникает ещё в одном рассказе Б. Шергина – «Грумаланский песенник». Там его на пиру трижды чествовали чашей, а потом хлебы со столов убрали, и тот запел, заговорил.

В Псковской судной грамоте (ПСГ) пиры фигурируют как постоянная форма социальной коммуникации на северо-западе Руси. К числу правонарушений на пирах относилось и похищение вещей. Грамота считала достаточным свидетельством 4–5 чел. о «бою» (драке) на пиру в городе, пригороде, селе или волости. В памятнике упомянуты «пировые старосты» – распорядители пиров, «пивцы» – их участники, «пировые господари» – хозяева помещений, в которых пиры происходили. Именно пировому старосте утративший вещь на пиру мог делать соответствующее заявление, а самой братчине усвоялись судебные функции по рассмотрению имущественных споров, возникших во время пиршественного собрания (покупка вещи «спьяну, обмен, воровство): «Братщина судит как судьи» (113-я статья). Её Ю. Г. Алексеев считает отголоском древнего общинного суда, но в эпоху ПСГ ему были подведомственны малозначительные, второстепенные дела. Приведённую норму 113-й статьи ПСГ можно, думается, сопоставить с практикой примирения «не вышед с пиру», когда конфликт братчиков не доводился до публичного суда.

Похищение вещи на пиру в актах Северо-Восточной Руси, как пишет в специальной статье А. Л. Хорошкевич, называлось по-разному – татьба, гибель, убыток, беда или «иное лихо». Исследовательница тщательно проследила терминологию актов и считает, что термин «убыток» употреблялся в канцелярии московских князей, а на смену ему приходит термин «гибель», восходящий к владимирско-суздальской традиции. «Гибелью» в таком значении отмечено подобное похищение и в Белозерской уставной грамоте 1488 г. (БУГ). А. Л. Хорошкевич выявила употребление в актах терминов «ходить/ездить на пиры» со стороны представителей княжеской администрации, всяких ездоков и «незваных гостей»: хождение предполагает сравнительно небольшое расстояние, а приезды – более отдалённое, что отражало степень дальности властных агентов от управляемых ими территорий. По мнению исследовательницы, само выражение «незваный гость», как и известная поговорка («незваный гость хуже татарина»), – происходят в XV в. с территории окраинного Суздальско-Нижегородского княжества, сильно страдавшего в 1440–1450-х гг. от набегов казанских татар. Не случайно в общие грамоты Спасо-Евфимьева монастыря 1450 и 1551 гг. были включены в развёрнутом виде запретительные статьи по поводу незваных гостей и порядке суда, если «учинится какова гибель» на пирах и братчинах. Показательным считаем и распоряжение, данное Иваном III своему должностному лицу в Переславль в начале 1460-х гг., чтобы на сёла Троице-Сергиева монастыря «не метать проездов и проторов татарских». В этом также отразилась активизация татарских набегов на Русь в указанные годы, поэтому актуальной для монастыря стала забота о неперекладывании обременительных расходов на татарские проезды с чёрных волостей Переславского уезда на защищённые иммунитетом сёла.

О профессиональном характере братчин в Новгороде свидетельствует Рукописание кн. Всеволода Мстиславича, в 8-й статье которого говорится о торжественном трёхдневном праздновании Рождества Иоанна Предтечи (24 июня по ст. ст.) в патрональном храме привилегированной купеческой корпорации «Иванское сто». На богослужение приглашались владыка, архимандрит Юрьева и игумен Антоньева монастырей, которые щедро одаривались купецкими старостами. Тесное переплетение форм профессионально-корпоративной и церковной жизни здесь налицо. В новгородских

былинах удалой купец Садко Сытинич дает взнос в братчину-Никольщину 50 руб., и от того «почали братчики пива варити».

По расходным книгам земских старост Великого Устюга 1660-х гг. Е. Н. Швейковская показала органическое сочетание форм общественной жизни и церковной службы в ежегодной организации «Прокопьевской мольбы» на 8 июля по ст. ст. Исследовательница отметила в этом масштабном мероприятии обрядовые, ритуальные черты, архетипичность коллективного поедания яств, присутствие в их составе сыра, каши, хлеба, складочный характер Прокопьевской трапезы-братчины. Так в сухом, казалось бы, источнике удалось раскрыть многоаспектный материал социокультурного значения.

Обращаясь к белозерским актам, наиболее раннее упоминание незваных пришельцев на крестьянский пир находим в одной жалованной грамоте удельного кн. Михаила Андреевича Верейского Кириллову монастырю 1448–1470 гг. Ею белозерским князьям, боярам и их людям запрещалось останавливаться на ночлег в монастырских деревнях, «ни в *пиво* незваным не ходити». Если же данное предписание будет нарушаться и это вызовет «погибель» имущества, то виновные заплатят по княжескому суду («быть от меня в казни»). Однако широкого употребления терминов пиво-пиры-братчина в ранних (XV в.) актах Белозерско-Вологодского региона не замечено. По Вологодскому уезду наиболее раннее упоминание пиров и братчин встречается в актах 1540-х гг. Заозерской половины – Сямженского Евфимьева (1541) и Дионисьева Глушицкого (1548) монастырей, а также по Первой половине уезда в грамоте Павлова Обнорского монастыря 1546 г. Однако в общей жалованной грамоте Ивана IV Кириллову монастырю на владения в Белозерском, Вологодском, Угличском уездах «и в иных городех» 1548 г. данной статьи нет.

В Белозерской уставной грамоте 1488 г. Иван III напрямую обращался «к своим людям белозерцам – горожаном и становым и волостным». В памятнике отчётливо выражен принцип органической включённости городских и сельских старост, сотских и «добрых людей» в систему наместничьего управления. Без их участия наместники не могли осуществлять свой суд. Этот принцип был затем перенесён в общерусский Судебник Ивана III 1497 г. (ст. 38). Он показывает социальные основы формирующегося Российского

государства, опору великокняжеской власти на местные сословные группы в лице их выборных представителей.

Интересующие нас положения о пирах и братчинах в БУГ были сформулированы в 20-й статье следующим образом.

«А тиуном и наместничьим людем на пир и на братчину незваным не ходити, а хто приедет к ним на пир и на братчину незван, и они того вышлют вон безпенно; а кто у них имеет пити силно, а учинится какова гибель, и тому платити без суда, а от меня, от великого князя, быти в казне» (АСЭИ. Т. 3. М., 1964. № 22).

Налицо три принципиальных момента: во-первых, запрет тиунам и наместничьим людям ходить незваными на пиры и братчины; во-вторых, право городских и сельских общин высылать незваных «гостей» вон «безпенно» и, в-третьих, взыскание на виновных причинённого материального ущерба («гибели») без суда с последующим наказанием от великого князя. По мнению Ю. Г. Алексеева, данная статья превращала в общее правило норму охраны братчин и пиров от незваных гостей. Тем самым великокняжеская власть охраняла общинные институты, вводя суровое наказание для агентов местной администрации, самовольно вторгнувшихся на это мероприятие. О практическом действии указанных норм свидетельствуют последующие актовые источники, не только использовавшие, но и развившие их. В ближайшей по времени жалованной грамоте Ивана III Троице-Сергиеву монастырю по Угличскому уезду 1492 г. видим важное терминологическое добавление – за «гибель платити вдвое без суда и без исправы». В жалованной грамоте Василия III Симонову монастырю на его владения в «Череповеси» Белозерского уезда (село Едома) 1507 г. видно влияние статьи 20-й БУГ. Текстуально близка к ней и запретительная статья в отношении появления на пирах и братчинах «наместничьих и боярских людей и иного никого» в двух жалованных грамотах Василия III псковским монастырям (Гдовскому Никольскому и Верхнеостровскому Петропавловскому) 1510 г. Сходство с нормами 20-й статьи БУГ обнаружено и в заповедном разделе жалованной грамоты удельного кн. Дмитрия Ивановича Жилки Кириллову монастырю на с. Кабаново в Угличском уезде 1522 г.

В развитие норм 20-й статьи БУГ в актах наблюдается большое терминологическое разнообразие: боярские люди, «ни иные

никоторые», «нихто», «не входят», «гибель платити вдвое без суда и без исправы», «без суда и без правды», «…без суда и без истца», «быть в казне и в продаже». Особенно разнообразны терминологические варианты написания в части, касающейся состава лиц, которым запрещалось незваными ходить на пиры, – от весьма широкого перечисления лиц до обобщённого «хто ни буди», «нихто». Например, в актах суздальского Спасо-Евфимьева монастыря отмечены конюхи, истопники, подледчики, рыболовы, закосчики, паромщики и всякие попрошаи»; «наши крестьяне и митрополичьи и княжие и боярские». В Рыльской уставной наместничьей грамоте 1549 г. – люди воеводские, детей боярских, пушкри и пищальники, их дети и племянники. В актах Троице-Сергиева монастыря уже с конца XV в. в состав запретительной статьи включены крестьяне великого князя («мои селчане и боярские люди»).

Таким образом, БУГ стала последним законодательным памятником, имевшим отношение к правовому регулированию пиров и братчин. После него ни в великокняжеском 1497 г., ни в царском 1550 г., ни даже в севернорусском 1589 г. судебниках, ни в Соборном уложении 1649 г. уже не будет специальных статей, посвящённых данному институту. Его функционирование станет регулироваться нормами иммунитетных и монастырских уставных грамот. Вотчинные хозяйственные книги (вытные, приходо-расходные, описные) также по-своему отразили этот институт, причём по преимуществу для сравнительно позднего времени – XVII – начала XVIII в.

Иногда в грамотах фигурирует не братчина и не брашинина, а **браки** как синонимы свадеб, которые тоже сопровождались обедами. В грамоте царевича Дмитрия Угличского Покровскому монастырю 1585 г. читаем: «…на пир и на **брак** не ходити, а хто придет на пир или бърачну незван, того незваного сослать с двора безпенно». Публикация приведённого документа была сделана со старого издания «древнего списка». **Брак** и «бърачна» в данном тексте можно считать испорченным воспроизведением более ранней грамоты тому же монастырю кн. Андрея Васильевича Большого Угличского 1475/76 г., где фигурировала обычная братчина. И всё-таки её сближение со свадьбой имеет под собой основание. Так, в жалованной грамоте Михаила Фёдоровича вологодскому Сямженскому Евфимьеву монастырю марта 1624 г. говорится: «…к их монастырским людям на

пиры и братчины и *на свадьбы* никто никакие люди незваны також не ходят». Одновременно была подтверждена более ранняя грамота тому же монастырю, 1541 г., в которой свадьбы не упоминались, а содержалась обычная терминологическая пара: пиры и братчины. Триада пиры-братчины-свадьбы встречается также в грамотах суздальского Спасо-Евфимьева монастыря от царя В. И. Шуйского 1606 г. на городские дворы и сельские вотчины по широкому кругу уездов – Владимирскому, Суздальскому, Юрьевскому, Нижегородскому, Горо ховецкому, Угличскому, Московскому. Находим её и в грамотах Ивана IV Владимирскому Рождественскому монастырю 1576 г., а также суздальскому владыке Варлааму 1578 г.

В уставной грамоте Соловецкого монастыря 1561 г. на бежецкое с. Пузырево-Никольское при выдаче девушки замуж за волость либо при женитьбе крестьянского сына приказчик, наряду с денежными пошлинами, получал и натуральные компоненты – «хлеб да калач», что может указывать на принадлежность их свадебному столу. Предусматривались продуктовые компоненты за крестьянские свадьбы и в уставной грамоте Иосифо-Волоколамского монастыря 1591 г.: посельскому *«блюдо пирогов»*, а приказчикам коммутированное взимание по 4 деньги с жениха или невесты «за пироги». Блюда с пирогами подносились на вышитых полотенцах-убрусах, и отсюда ещё одно наименование свадебной пошлины – «убрусное», отмеченное, например, в уставной грамоте патриарха Иова домовому Новинскому монастырю 1590 г. – доводчику «убрусного» 1 алтын.

В 1690 г. в духовном приказе вологодского архиерея рассматривалось дело о злоупотреблениях келаря Дионисьева Глушицкого монастыря Мелхиседека Пересветова. Крестьяне в своей челобитной жаловались на то, что он незваным являлся в их дома на каждую свадьбу и досматривал с подклети женихов и невест. Это было вопиющим нарушением традиционных норм сеньориально-крестьянских отношений, известных в том числе и по жалованным грамотам данной корпорации 1548 и 1621 гг.

Обращение к делопроизводственной документации, исходящей от самих крестьян, помогает представить «содержимое» свадебного стола в доме и степень материальной тягости этого мероприятия для семьи. Одна крестьянка в челобитной вологодскому архиерею 1645 г. жаловалась, что срок свадьбы её дочери по сговору был определен или

в великий мясоед за неделю до масляного заговенья, или после Пасхи на Радуницу. Она на оба срока «к свадьбе припасала, два пива варила и две браги сидела, всякую еству припасала, пригласила 10 гостей, издержав всего 100 руб., а жених так и не явился, хотя заряд составлял 200 руб. В челобитной одного крестьянина патриаршего Воскресенского Череповецкого монастыря 1690 г. говорилось, что он к «сватбе» сына («срочному дню», в соответствии со сговором) пива варил и мед ставил, вино и всякий столовый запас купил, а отец невесты отказался её выдать, отчего сторона жениха понесла убыток на 20 руб.

Интересная роспись крестьянских издержек на свадьбу 1698 г. сохранилась по Авнежской волости Вологодского уезда. Хозяину пришлось отдать за дочь «выводу» 1 руб., венечных пошлин 3 алт. 2 ден., за полтуши говядины и баранью тушу по 3 алт. 4 ден. соответственно, полторы свиные полти «домашние недорогие» 3 алт. 2 ден., два студня 5 ден. Вот чем угощал данный хозяин своих гостей на свадебном пире. О расходах на напитки, правда, не сообщается. В структуре его расходов показательно доминирование сеньориальной пошлины – за вывод (целый рубль) на фоне остальных, сравнительно незначительных трат. За двести лет после Белозерской уставной грамоты, определившей размер выводной куницы в 1–2 алт., размер данной пошлины многократно вырос.

В конце той же росписи было деловито добавлено: «А что осталось от свадбы харчу, вместе съели». Есть в данной росписи и ещё один любопытный социокультурный момент. Её составителю хотелось бы сравнить «масштаб» своих расходов с тем, как было в старину. И поэтому он записал, что «подлинно сказать не знает, какие свадебные держи давали отцы наши в давные годы, мы были в малых летех», но от людей слыхал, что «одна была давана неволею, боярин силою выдал». Речь шла о так называемых «девочьих свадьбах», наиболее дорогих для крестьян, поскольку дочерей выдавали замуж за пределы данной волости, под эгиду другому земельному собственнику, почему и приходилось платить «выводную куницу». Скорее всего, подобные свадьбы случались не так уж часто, поэтому память о них наиболее закрепилась.

Приведённые сведения актов и челобитных показывают существенное отличие свадебного пира от братчины, его более

индивидуализированный характер, тогда как братчине усвоялось определение ссыпной, подготовляемой в складчину. С этим связан один наиболее общий вопрос средневековой культуры – разграничение в ней коллективного и индивидуального начала, тенденций к интеграции, универсализму, «сбрасыванию в одно» (выражение М. М. Бахтина) и к дифференциации, партикуляризму.

В наказных памятях вотчинным агентам Иверского монастыря XVII в. варка меда и пива крестьянами на семейные праздники облагалась «явкой» в размере 2 ден. за четверть. В документах этой корпорации фигурирует также пошлина «за стол прикащичий» на крестьянских свадьбах. В его состав входили хлеб, калач, мясной окорок и ведро пива. Допускались и денежные эквиваленты продуктовых (столовых) взиманий: за хлеб 4 ден., калач – 2 ден., окорок – 6 ден., ведро пива – 8 ден.

Упомянутый монастырь разрешал крестьянам, празднующим свадьбу, держать пиво не более трёх дней. Тем самым сказывалось и дисциплинирующее влияние церкви на народную жизнь. Если семейный пир или братчина пришлись на среду (постный день), то вместо окорока предусматривалось взимание «рыбного звена», эквивалент которого составлял 4 ден. Винную брагу и вино крестьянам Иверского монастыря запрещалось варить и продавать, и за этим следили выборные старосты. Запрет приобретать вино у походящих торговцев, а также выкуривать своё собственное вино находим и в более раннем документе – уставной грамоте Соловецкого монастыря на слободку Вирму 1548 г.

О спонтанном проявлении языческих элементов свидетельствуют настойчивые церковные и государственные постановления об изгнании из крестьянских и городских пиров и братчин скоморохов. Достаточно сослаться на Стоглав, правительственные указы 1627, 1636, 1648 гг. Скоморохов, в чем-то аналогичных западноевропейским шпильманам, шутам, жонглерам, фокусникам, следует считать проводниками и хранителями народно-языческого начала. С ними можно также связать культурно-информационный обмен в средневековом обществе, они словно размыкали замкнутость составлявших его социальных ячеек. Наиболее ранний запрет скоморохам «играть» в селах и деревнях содержится в грамоте Ивана III Троице-Сергиеву монастырю 1473 г. по Дмитровскому уезду, хотя сама статья о пирах и братчинах здесь

отсутствует. В жалованной грамоте удельного рузского князя Ивана Борисовича Симонову монастырю 1502 г. видим и других представителей профессии: «…А скоморохи и *смычники* к ним играть по деревням и по селом не ходят». Та же пара встречается в запретительной статье в ещё одной рузской грамоте Симонову монастырю – 1537 г. Согласно уставной грамоте князя, Юрия Ивановича Кашинского 1509 г. бобровникам Дмитровского уезда, различались: скоморошья игра «силно» (которая запрещалась) и добровольное приглашение скоморохов во двор на праздник (оно разрешалось). По широкому кругу уездов запрет скоморохам ходить на пиры встречается в грамотах Московского Богоявленского монастыря XVI – начала XVII в. (Бежецкий, Коломенский, Волоцкий, Рузский, Кашинский, Звенигородский, Дмитровский и др.).

В литературе широко известна указная грамота властей Троице-Сергиева монастыря 1555 г., запрещавшая сотским и старостам Присецкой волости в Бежецком Верхе держать скоморохов, волхвов, баб-ворожей. Здесь в одном потоке представлена борьба с проявлениями и народной смеховой культуры, и язычества, и колдовства, изначальная предрасположенность к которому именно женщин признавалась в эпоху Средневековья как на Западе, так и на Востоке.

И бродячие, и существовавшие наряду с ними оседлые скоморохи в писцовых, переписных книгах и других источниках имели самые разнообразные определения: «веселые», смыкари, рожечники/-цы, медведники/медведчики, гудошники, гусельники, «игрецы», сопцы, свирельники, скрипочники, бубенники, домерники/домерщики/ домрачеи, кукольники, бахареи, плясуны/«плясицы», потешники, ряженые, шуты/шутихи. С ними связаны такие наименования починков и деревень, как Скоморохов/-во, Дудово, Дудиново, Дудкино, Дудомехово. Подобная топонимика обильно отражена в писцовых и переписных книгах северо-запада и центра Руси. В скоморошьем промысле, наряду с мужчинами, участвовали и женщины (все эти рожичницы, шутихи, плясицы), они могли работать, что называется, в паре («баран и коза»), хотя, конечно, роль женщины в информационно-коммуникационном обмене не была равно симметричной мужчинам.

Помимо сел и деревень, скоморохи могли проживать и в городах, занимаясь ремеслами, промыслами, торговлей. И. Д. Беляев выявил

одну кабальную запись 1649 г., в которой крестьянский сын, вольный человек, вспоминал, что он бродил по многим местам и выучился «веселому промыслу скоморошеству». В другой обнаруженной Беляевым же кабале XVII в. гулящий человек говорит о себе, что он родом из Устюжского уезда, «кормился на Устюге Великом работою, а *иное играл в скрыпку*, а потом в Шелонской пятине ходил по деревням и кормился тем же промыслом». В. В. Кошелев приводит одну расспросную речь по Угличу 1649 г. жившего в слободке Троице-Сергиева монастыря Осташка Кузьмина, который платил оброк и «кормился скоморошеством». В писцовой книге Старой Руссы 1624 г. имеются примеры: «Во дворе Федка Козел скоморох, *ходит по дворам*»; «Степанко веселой, *ходит по дворам*».

Имея своё хозяйство, скоморохи являлись людьми семейными. Среди сельских скоморохов встречались как крестьяне, так и бобыли, а также нищие. В севернорусском Судебнике 1589 г. предусматривалась правовая защита скоморохов, среди которых различались «описные» (то есть внесенные в поземельный кадастр) и «неописные»: возмещение за бесчестье первым составляло весьма высокую сумму – 2 руб. («а жене его вдвое»), а вторым – гривна («жене его вдвое»). В неофициальной редакции этого памятника фигурировал *«походный скоморох»*, бесчестье которого компенсировалось минимально – 2 ден. Будучи оседлыми сельскими жителями, «описные скоморохи» могли играть на крестьянских пирах и свадьбах своей деревни. В. В. Кошелев при рассмотрении данных статей подчеркнул, что Судебник поставил честь описного скомороха на один уровень с сотским и добрым городским человеком, что свидетельствует о достаточно высокой общественной оценке этих людей, их профессии. Походный же скоморох, по предположению исследователя, – это человек, находящийся в момент «игры» за пределами своей волости, поэтому столь слабо защищённый. Весьма примечательно также, что в историографии изучение пиров и скоморошества началось одновременно – в 1854 г., работами А. Попова и И. Д. Беляева соответственно.

Наряду со скоморохами, в запретительных статьях актовых источников часто упоминаются «попрошаи», или «попрошатаи». Правда, не всегда их приходы и присутствие жестко увязывалось только с пирами и братчинами. По грамоте кн. Андрея Васильевича Меньшого Кирилло-Белозерскому монастырю 1471–1475 гг., они не должны были

являться в деревни волости Колкач «*жита* просити». Аналогичное требование – и в упомянутой грамоте дмитровским бобровникам 1509 г. Житом называлась такая необходимая в структуре питания средневековой Руси хлебная культура, как ячмень, широко распространённая и отличавшаяся сравнительно высокой урожайностью и неприхотливостью. Благодаря этому ячмень нередко страховал крестьянские урожаи в случае промерзания озимых посевов. Брага и пиво чаще всего изготавливались как раз из ячменного солода (вспомним даже у С. Маршака перевод английской баллады «Джон – Ячменное Зерно»). Бродячие скоморохи и «попрошатаи», наряду с низшими агентами княжеского административного аппарата и княжескими ратными людьми, «всякими ездоками» – таков выявленный А. Л. Хорошкевич на основе тщательного отбора и анализа актов XV в. состав незваных гостей на сельских праздниках, от приезда, прихода, присутствия которых ограждали княжеские грамоты монастырские и митрополичьи вотчины. Тем самым формировался их привилегированный заповедный статус как одна из сторон их феодального иммунитета.

Данное наблюдение подтверждается и жалованными грамотами Василия III псковским монастырям 1510 г., в которых в качестве «попрошатаев» выступают наместничьи и боярские люди. Следовательно, всякое «попрошание или «попрос» – это, по сути, какое-то дополнительное требование и даже вымогательство со стороны должностных лиц себе разных взиманий с местного населения. «Попрос» известен как сеньориальная пошлина в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. Вытная его ставка с разных вотчинных комплексов по оброчной книге 1547 г. была различной – 2–3 ден., 2 гривны, 28 алт. В жалованной грамоте 1534 г. Угличскому Покровскому монастырю включено положение о даче на поруки скоморохов и попрошатаев – «ставить их перед великим князем».

В грамотах 1560-х гг. соседство статей о пирах и братчинах, с одной стороны, с запретительными статьями против скоморохов и попрошатаев перестаёт быть последовательным и обязательным. Например, в жалованной грамоте Ивана IV кремлёвскому Чудову монастырю 1564 г. пиры и братчины не упоминаются, а о запрете въезда попрошатаев и игры скоморохов – говорится. В хронологически близкой грамоте тому же монастырю удельного кн. Владимира

Андреевича Старицкого 1566 г. рядом соседствуют и развёрнутая статья о пирах и брачинах, и запретительная – о попрошатаях и скоморохах.

Обращение к актовым источникам и писцовым книгам Северо-Западной и Северо-Восточной Руси XIV–XVII вв. показывает одну из линий трансформации института пира, а именно – в феодальные повинности зависимого крестьянства. Выражалось это по-разному: и в виде сеньориального постоя-угощения, и в составе компонентов феодальных взиманий. В уставной грамоте митрополита Киприана крестьянам Константино-Еленинского монастыря (1391) указывалось на обязанность монастырских крестьян принимать игумена с его людьми, приезжавшими на сельские церковные праздники, «и сыпцы дают по зобне овса конем игуменовым». В термине «сыпцы» угадывается определение самой братчины – ссыпная, совместная, к которой варились напитки – пиво, квас, мёд. Архетип господского угощения восходил к древнему обычаю гостеприимства как способу нейтрализации чужого, пришлого, не своего человека, умилостивления свехъестественной силы. Классическим примером сеньориального постоя стал «подъезд» архимандрита с братией новгородского Юрьева монастыря, подробно описанный в рядной с крестьянами Робичинской волости ок. 1460 г. Две ночи настоятель мог находиться на стану, а крестьяне обязаны были «положити ему пива доволно», так же как и хлеба, вологи, рыбы и мяса, овса и сена коням.

В древних обществах (германском, скандинавском, славянском) существовал обычай, когда население принимало и угощало вождя, князя, предводителя (позднее – церковного иерарха) при его приездах со свитой на данную территорию. То же по сути, но более сниженное по социальному уровню явление «гостевания-угощения» наблюдаем мы и в упомянутых грамотах. Действие института сеньориального постоя в XVI в. стало распространяться на тех властных агентов, которых позвали на пиры и братчины. В уставной грамоте на дворцовое с. Андреевское 1544 г. (Звенигородский уезд) едва ли не впервые допускается присутствие посельского на них («а хто его позовет»), которое лишь ограничивается сроками: «пив туто не ночевать». Это напоминало принцип Белозерской уставной грамоты: где доводчик обедает, там он не должен ночевать.

Возможно, с явлением сеньориального постоя связано упоминание архаичного платежа – «дара» – в уставной грамоте Иосифо-

Волоколамского монастыря на тверское с. Болашково 1591 г. «Дар» предназначался приказчику за варку пива – тот получит в соответствии со старым обычаем «по чему ево подарят и как у них что было». Подобные фразы наводят на предположение, что приказчик непосредственно появлялся в крестьянском дворе на пиребратчине и получал за это какой-то традиционный «дар». Ключнику же полагалась 1 деньга «дара», но если он располагался на постой в крестьянском дворе, то данный хозяин от «дара» ключнику освобождался. Архаическая пошлина *«за гостинцы»* слугам в размере 4 денег (в дополнение гривны за ведро пива) с выти фигурирует в поздней описной книге Спасо-Каменного монастыря 1701–1702 гг. В ней же находим ещё одно не вполне обычное проявление «гостевания» – во время приезда приказчика в село именно посельские монахи (а не крестьяне) устраивали ему питьё и корм монастырским хлебом. Как обычное вымогательство можно рассматривать требование келаря Дионисьева Глушицкого монастыря Мелхиседека Пересветова с крестьян *«гостинцев больших»* за пользование брёвенным лесом (1690, заозерская половина Вологодского уезда).

В документах Юго-Западной Руси мёд в составе феодального оброка упоминается уже в XIII в. В уставной грамоте владимиро-волынского кн. Мстислава Даниловича для г. Берестья 1289 г. отмечено взимание с административной единицы «сотни» «по два лукна меду». О включении солода, хмеля, пива и мёда в состав феодального оброка по Северо-Западной Руси свидетельствует комплекс новгородских берестяных грамот и писцовых книг конца XIV–XV в. Согласно уставной грамоте митрополита Киприана 1391 г. домовому Константино-Еленинскому монастырю (Владимирский уезд) обедневшим крестьянам-пешеходцам приходилось к празднику «рожь молоти, хлебы печи, солод молотити, *пива варити*». Медовый оброк в 3 пуда отмечен в жалованной грамоте Василия III Троице-Белопесоцкому монастырю 1507 г. (Каширский уезд). Оброчный мёд на трёх возах доставлялся зимой в Москву из дворцовой бортной волости Талши Владимирского уезда (1540) *Медовое* в составе иммунитетных освобождений фигурирует в двух грамотах тверского Отроча, а *бражное* – в двух грамотах суздальского Спасо-Евфимьева монастыря XIV–XVII вв.

Соловецкий монастырь в 1561 г. установил для своих крестьян из бежецкого села Пузырёва повинность молоть *солод на квас* приказчикам, слугам и доводчикам. Солод входил в состав «повоза», который доставлялся в Вологду, Белоозеро или в Москву по норме – 4 четверти на одну лошадь с выти. Крестьяне Чухломского Авраамьева монастыря, согласно жалованной грамоте 1584 г., ретроспективно отражавшей старинные порядки времен ещё вел. кн. Ивана Красного, обязаны были варить на настоятеля «четыре пива в игумнове солоду и в хмелю, а своими дровы». В 1584 г. им было разрешено вместо пива варить на монашескую общину «квас без хмелю». На храмовый праздник Покрова Пресвятой Богородицы крестьяне давали игумену 10-пудовую кадь мёда (или по 8 белок за пуд), «*с братчины* по десятеру хлебов, по меху овса, по носатке пива и по сту яиц». *Носатка* в словарях определяется по-разному: это и деревянный сосуд для пива с носиком вверху, и бочка с пивом вместимостью в три ведра, и берестяной сосуд цилиндрической формы с ручкой и плотно входящей внутрь крышкой, и ёмкость для сбивания масла, и просто разновидность деревянной посуды. Среди расспросных речей о ярмарке в селе Федосьеве патриаршего Воскресенского Череповецкого монастыря 1675 г., наряду **с трёхвёдерной «насадочкой»** вина, фигурирует фляга вместимостью в полведра (Белозерье). Насадки нередко упоминаются среди посуды в описях имущества рядом с ковшами, лоханями, стаканами, ушатами, кадками, пивными горшками и кашеварными котлами.

В уставной грамоте Кирилло-Белозерского монастыря 1593 г. варка пива крестьянами без явки приказчикам штрафовалась «гривной без отдачи». Запретительная статья кирилловской уставной 1593 г. в отношении доводчиков и приказчиков как незваных гостей на крестьянские пиры сочеталась с разрешением им хлеба есть или пить, если их позовут. Эти положения в последующих документах 1654 и 1676 гг. отсутствовали. Среди сеньориальных пошлин крестьян Кириллова монастыря в соборном приговоре его старцев 31 марта 1593 г. на первое место поставлены трёхразовые в году праздничные взимания – по две деньги с выти на Пасху, Петров день и Рождество Христово. Для белозерских сел в состав «праздничного» входили также десяток яиц и сыр с выти, выплачиваемые на Петров день и Успение

Пресвятой Богородицы (храмовый монастырский праздник). Для вотчин в других уездах этот норматив не действовал.

В уставной грамоте 1676 г. кирилловскими властями было определено количество пива, варимого крестьянами на приказчиков: 4 четверти с выти два раза в год. Подчеркнув однотипность кирилловских уставных, З. В. Дмитриева отметила, что в следующих по времени актах 1654 г. нет постановления о праздничных кормах, поскольку они были включены в переписную книгу 1601 г. и их теперь стали платить крестьяне не только Белозерского уезда, но и остальных кирилловских вотчин. И действительно, по комплексу Колкач и Рукина Слободка суммарно указано 145 и 1/6 вытей (которые «мелки, землею скудны и угодей нет никаких»), а собиралось с них «праздничных» 2 руб. 5 алт., то есть в среднем по 2,9 ден. с выти. Это несколько выше размера, установленного грамотой 1593 г. С белозерской части комплекса Сизьма и дмитровских сёл по переписной книге 1601 г. праздничных платилось ещё больше – с выти по алтыну (6 денег). В сёлах Московского, Клинского, Коломенского уездов это взимание переписью 1601 г. не отмечено. В приговоре волоколамского старца Мисаила Безнина 1595 г. выражена забота о качестве взимаемых с выти солода, пшеницы и конопель, которые должны быть «добре добры». При отсутствии доброго солода крестьяне платили по 2 гривны с выти, а всего с 700 вытей в монастырскую казну сходило 140 руб. за солод.

Пивоварение осуществлялось в самом монастыре присланными от крестьян работниками. В челобитной кирилловских крестьян села Волока Славинского 1690 г. говорилось, что они на стряпчих ежегодно «ростят по сороку солоду и варят по сорок варь пива и болши». Величина «рощи солода» составляла 6 четвертей, и работникам от сушения солода крестьяне платили по 6 ден., а пивоварам по 4 алт. за четверть. В соборном приговоре старцев того же 1690 г. крестьянам определялось «указное число» солода: по 8 четв. на приказчика и по 4 четв. – на нарядчика. Это, в сущности, соответствовало нормам уставной грамоты 1676 г., имевшим широкий территориальный диапазон действия, поскольку списки с неё были разосланы в десятки кирилловских сел Белозерского, Вологодского, Дмитровского, Угличского, Пошехонского, Рязанского уездов.

В уставной грамоте Кириллова монастыря 1676 г. есть любопытный социокультурный момент, связанный с запретом агентам

брать у крестьян к праздникам их посуду, а также въезжие и праздничные кормы (во избежание злоупотреблений и «конечного разорения для крестьян от них, слуг»). Параллель можно видеть в уставной грамоте дмитровским бобровникам 1509 г., одна из статей которой также запрещала тиунам и доводчикам брать «насатки» во время своих посещений крестьянских праздников.

В вотчине Спасо-Каменного монастыря, согласно данным описной книги 1702 г., приказчикам полагалось ведро пива либо денежный эквивалент размером в гривну: «кто пива сварит или у кого пир случится». Сеньориальным агентам запрещалось ездить незваными на крестьянские пиры – здесь также имелись в виду и общинные праздники, и индивидуальные (в рамках семьи/двора) мероприятия по случаю рождения младенцев, их крестин, свадеб молодых, «поминок по родителем». В начале XVIII в. эти события назывались уже обобщённо «буде какие дела явятца».

Во владимирском с. Харитонове, принадлежавшем Троице-Сергиеву монастырю, приказчик, согласно уставной грамоте соборного старца Варсонофия Якимова 1590 г., не взимал с семейных праздников где случалось *«пивцо особное»*, никаких пошлин, а с братчин ему полагалось 2 деньги. Вероятно, это указывает на выстраивание взаимоотношений сеньориальных агентов со всем общинным коллективом, а не отдельными крестьянскими семьями/ дворами/ хозяйствами, об определённой автономности повседневной жизни семьи от феодального вторжения. Этот принцип был обычно-правовой нормой.

В приходо-расходных книгах великоустюжского Троице-Гледенского монастыря второй половины XVII в. отмечены расходы на покупки: во-первых, мёда и хмеля для приёма начальных людей, подьячих и гостей в игуменской келье «на пиво на сыту» к Троицыну дню; во-вторых, взносы «на всеуездный земский росход выборным людем сотскому и кабацкому целовалнику и зборному целовалнику и съезжей избы приставу и земской избы приставу и земскому дьячку и гонщику и довотчику» (речь шла о коллективной Прокопьевской трапезе, той самой «Прокопьевской мольбе», по которой имеется социокультурная статья Е. Н. Швейковской); в-третьих, праздничных великоденских перепеч (караваев) для поднесения владыке; в-четвёртых, праздничных подношений приказным людям в почесть; и,

наконец, в-пятых, для платы работным людям, нанятым «к пивному варению».

В приходо-расходных книгах Николо-Коряжемского монастыря середины XVII в. (Усольский-Сольвычегодский уезд, смежный с Устюжским) были учтены поступления в ведомство келаря «провара от больших и малых пивных котлов». Провар (понимаемый как определённый выход пива или мёда в результате варки) здесь близок по смыслу к упомянутой выше древнерусской «переваре». Согласно приходному разделу в книге старца Козьмы 1665/66 г., размер «провары» за предоставление келарем в коряжемские деревни пивных котлов составлял: с большого котла 3 алт., с малого – 8 ден. Иногда подобные пошлины назывались «котельными деньгами». В новаторской статье Е. Н. Швейковской про земский пир на севере отмечена передача пивных котлов старостой устюжской церкви Петра и Павла земским старостам для варки пива к «Прокопьевской мольбе». «Провар» при этом был уплачен в размере 6 алт. 4 ден. В переписной книге Устюжской епархии 1696/97 г. по ц. Симеона Столпника в Устюге зафиксированы котлы-«седуны», кубы и трубы, обмазанные глиной печные места для «бражной перегонки и винного курения».

Николо-Коряжемский монастырь предоставлял крестьянам в деревни готовые «пивные дробины». Под ними следует понимать пивные дрожжи либо гущу, выжимку, осадок после приготовления пива или браги. Дробинами на юге назывались виноградные выжимки. В сентябре 1666 г. келарь Козьма сдал денежному казначею «зборных дробинных денег» 6 руб. 24 алт. В 1672 г. была составлена специальная книга келаря Власия записи денежного сбора с монастырских крестьян «за пивные дробины».

Имеется также немало конкретных свидетельств, хотя и более поздних, о конфликтах участников пира. Интересный факт отмечен В. В. Кошелевым – приглашение скомороха на пир в Суздале к посадскому человеку в 1630 г. и ссора с влиятельным осадным головой. Скоморох обозвал его «бездельником» и добавил, что не боится голову, находясь под защитой кн. И. И. Шуйского.

О том, что в деревнях Николо-Коряжемского монастыря во время праздничных братчин случались конфликты, свидетельствуют записи в тех же хозяйственных книгах о сборе «езда с братчинного дела». Речь должна идти о судебных пошлинах в пользу монастыря, взимаемых его

агентами при расследовании конфликтов на крестьянских пирах. «Ездом» в средневековой Руси называлась судебная пошлина, взимаемая приставами (государственными или вотчинными) за доставку обвиняемых в суд. Размер её зависел от расстояния данного селения от места расследования и суда. Расчёт «езда» в белах от Орлеца в разные пункты Двинской земли приведён в Двинской уставной грамоте 1397 г. В Псковской судной грамоте «езд» составлял деньгу на 10 верст. Согласно 16-й статье Белозерской уставной грамоты, за «езд» доводчика в станы и волости взималась «на две версты деньга, а в городе хоженого деньга, а на правду (то есть на суд) вдвое». В кирилловских уставных грамотах конца XVI–XVII в. «езд» доводчика и приказчика определялся в их «ключах» 5 денег «на десять верст и болше», «хоженого» в селе – деньга. В севернорусском Судебнике 1589 г. (ст. 32) говорится, что приставу «езду имати на версту по денге, колко верст ни буди: хочет пеш поди, хочет лошадь найми». Средняя скорость передвижения в то время составляла пешком 25–30 км, верхом на лошади – до 50–60 км, с переменой лошадей – до 200 км. «Хоженое» доводчику в том же памятнике определялось «на версту по деньге, а в трапезе от поруки 2 деньги». Возможно, именно с трапезой связан запрет недельщикам и доводчикам при взятии человека на поруки претендовать ещё на «поклонное» и «поминки».

Сохранился фрагмент расспросных речей крестьян Николо-Коряжемского монастыря времени царствования Михаила Фёдоровича. В них описывается драка (*«подерюшка»*) между отцом и сыном – Ондроном и Степаном Нечаевыми во время *крещенской ссыпной братчины*. Подерюшка – это явно диалектное слово, поскольку аналогичное событие в одном документе Александро-Свирского монастыря 1659 г. (Обонежская пятина) называлось *подерушкой*. Данный текст насыщен диалогами и даёт основание для анализа методами дискурса, вычленения речевых актов. Текст насыщен определёнными речевыми оборотами, за которыми стояло соответствующее речевое поведение. Пострадавший от побоев отца Степан Нечаев тем не менее уважительно обращается к монастырскому слуге «господине», а своего отца не раз с пиететом называет «батюшко».

Из фрагмента расспросных речей видно, что, действительно, бытовало выражение «пить братчину», организатор пиршества

назывался брацким старостой (здесь это Демка / Дементий, подавший в монастырь исковое заявление), а участники – сыпцами. Перед нами словно оживают статьи Псковской Судной грамоты… Расследование проводил монастырский доводчик с выборными сотским и двумя десятскими. Показательно, что он *осматривал* пострадавшего и спрашивал его, не *сторонний* ли человек дерзнул нанести ему увечье. Данное дело закончилось, видимо, взиманием пени в монастырскую казну с подравшихся, ведь примирения «не вышед с пира» у них, хотя это и были отец с сыном, не произошло, дело получило огласку и было доведено до монастырского суда. Датировать этот конфликт помогает соответствующая запись в приходной книге старца Антония от 26 февраля 1632 г.: «Взял по наказной памяти с Емския волости братчинново дела 3 алт. 4 ден.». Запись включена в 5-ю главу приходной книги «приход денгам с судных дел и езду».

Описанный случай напоминает конфликты, предусмотренные уставной грамотой Кириллова монастыря 1593 г.: «А которого человека поколют или убиют болечо не до смерти…» В кирилловских уставных 1654 и 1676 гг. в случае драки между крестьянами пошлина *«смотреное»* (в отношении избитого или раненого человека) на виноватом взималась в размере 2 алтын. В опубликованной С. М. Каштановым общей жалованной грамоте серпуховскому Высоцкому монастырю 1556 г. доводчику с тиуном полагалась гривна *«осматривалного»*. В грамоте суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1547 г. в подобных случаях «явка» и «смотренное» с крестьян не брались. Согласно включенным в опись Спасо-Каменного монастыря 1701/02 г. уставным записям, приказчик брал «смотренное с человека, кто бит до крови или до чёрного знамени» в размере 4 алт. 2 ден. В 1691 г. архимандрит патриаршего Воскресенского Череповецкого монастыря Гурий с братией расспрашивали одного из крестьян, приглашённого другим «в дом на пир», где произошла колоритно описанная драка между участниками. В ход были пущены и словесные оскорбления, и «подручные» средства – нож и даже светец, сама же «разборка» совершалась в темноте. В ходе её отец тоже бросался на сына.

Таким образом, пиры и братчины в средневековой Руси (в том числе и на её севере) являлись существенными узлами социальных связей, будучи неотделимыми от экономики, политики, права, морали,

включали разнообразные эмоциональные и религиозные аспекты. Праздничное и повседневное застолье в разных социальных стратах средневекового общества являлись формой и зрелища, и церемонии, и ритуала, и плотно насыщенной культурными смыслами знаковой системой. Приведённые сведения актов и челобитных показывают существенное отличие пира от братчины, его более индивидуализированный, семейный характер.

Очерк 11. Устное и письменное в культуре повседневности

Значение *книги* как важного фактора общекультурного развития страны, государства, народа, человека неоспоримо. В изучении рукописной и старопечатной книжности Древней и Московской Руси за последние десятилетия были достигнуты несомненные успехи, суммировавшие усилия книговедов, археографов, палеографов, источнико-ведов, историков, искусствоведов. Подчеркнём важное значение вводимых в настоящее время в научный оборот писцовых и переписных книг городов и уездов, отписных книг монастырей и даже целых епархий, существенно расширяющих резервы для *источниковедения древнерусской книжности, проблемы грамотности и практик чтения (коллективного и индивидуального) как части культуры*.

Сосредоточим наше внимание на количественном и «репертуарном» составе кириллических книг (рукописных и старопечатных, богослужебных и четьих) в городских и сельских *приходских церквах* – основополагающей структурной ячейке церковной организации. С этим звеном были связаны важнейшие этапы жизни каждого человека от рождения до смерти (крещение – венчание – отпевание), здесь люди устной культуры соприкасались с книжным словом, происходило его усвоение, взаимное перетекание, как отмечает И. В. Поздеева, устных и письменных форм словесности. В челобитных архиереям, поступавшим из приходов, можно найти как положительные, так и отрицательные оценки народом «культурного уровня» их духовных отцов: «…А он, Илья, *грамоте худ* и *говорить не умеет*, *речь тяжела*…» или: «А он, Василей, ко всякому церковному обиходу *обучен*, и церковному правилу *искусен*, человек доброй и *грамоте умеет* и от *божественных книг сказителен*…»

Стоглав 1551 г. требовал посвящения в попы и дьяконы только грамотных: первых с 30, вторых – с 25 лет. В нём говорилось также об учреждении в домах у священников, дьяконов и дьяков духовных училищ для обучения грамоте, чтению и письму «всех православных христиан». Они должны были обучаться «книжному письму и

церковному пению псалтырному и чтению налойному». Родителям следовало с учителями расплачиваться «дарами и почестью по их достоинтсву». Однако на практике нередко плата была слишком высокой и даже священники толком не владели письменностью, оставаясь людьми изустными, неграмотными, лишь выучивая молитвы наизусть и отправляя службы со слуха.

Как же соприкасались два этих мира – устной и письменно-книжной культуры? Книжность городская и сельская?

Конкретное перечисление книг в церквах встречается в писцовых описаниях некоторых городов Северо-Запада России – Пскова 1584 г. и его «пригородов» Гдова, Острова, Изборска 1585–1588 гг., Выбора 1587/88 г. В них чётко отчленены книги харатейные («пергаменные»), бумажные («письмяные») и печатные. Для восточной части севернорусского мира ранние известия о книжном собрании содержатся в описи 1579 г. Сольвычегодского Благовещенского собора, ктиторами которого являлись богатейшие солепромышленники этого края Строгановы. Уже тогда в соборе было пять печатных Евангелий плюс печатный Апостол (вероятно, Ивана Фёдорова 1564 г.). Изучивший библиотеку Строгановых А. А. Введенский считает, что она постоянно пополнялась ими путём покупок на столичном рынке, а также через их приказчиков в Литве, через заказы монастырским переписчикам и обмены.

В своё время ещё Н. Д. Чечулин показал качественно однородный состав книг в городских и сельских приходских храмах: это были 1–2 книги библейские и 4–5 книг литургических/богослужебных (Евангелия, Апостолы, Псалтири, Часовники, Минеи, Охтоихи, Триоди и близкие к ним Трефолои). На основе писцовых книг автором были обработаны сведения по 34 церквам и 14 монастырям, причём в использованных им источниках ещё в 70 приходских церквах книги не были указаны (в силу характера описания), хотя они там, безусловно, имелись. Исследователь выяснил количественное распределение книг по 8 городам (более всего – 500 – в Коломне и менее всего – 5 – в Лаишеве) и привёл ориентировочные цифры в 1900–2000 книг в них, в массе своей «письмяных», поскольку книгопечатание в России с 1564 г. только ещё распространялось.

Аналогичную работу проделал В. Ф. Боцяновский по соборным, ружным и приходским церквам Великого Устюга. Источниками для

него явились писцовые книги 1676–1683 гг. Он насчитал в них 700 томов (то есть единиц) и 68 названий книг, из которых две трети (60 %) составляли богослужебные, 19 % – библейские и 20 % – прочие. В рассматриваемое время большинство книг в городских храмах были уже печатными и только 15 % – письменными (обратное по сравнению с концом XVI в. соотношение). Боцяновский отметил три источника формирования церковных книжных собраний: 1) «государево данье»; 2) мирская покупка; 3) дарения частных лиц. Применительно к наиболее крупному книжному собранию – Великоустюжского Успенского собора – он показал возможности сравнительного рассмотрения хронологически разных источников – его описи 1608, сотной 1630 и писцовой книги 1676 гг. В недавнее время к этой проблематике обратился молодой вологодский исследователь А. Н. Красиков, рассмотревший количественный и видовой состав церковных библиотек в городах – Белозерске, Устюге и Лальском Посаде по дозорным и писцовым описаниям 1617/18–1623/25 гг.

Н. Д. Чечулин видел неполноту и неравномерность сведений о книгах в писцовой документации, в которой их больше по соборным и ружным церквам и очень немного (либо отсутствуют вовсе) по церквам приходским. Кроме того, нигде писцами не указывались годы изданий книг (когда речь идёт о старопечатных) и тем более примерные датировки книг рукописных и харатейных, что затрудняет отождествление упоминаний с известными в науке экземплярами этих книг. Требуется привлечение дополнительных источников для более точной атрибуции, а это весьма трудоёмкая и специфическая работа. Не всегда точны и исчерпывающи названия книг религиозного и светского содержания: богослужебные и четьи сборники нередко даются только по названию первого произведения в них. Не передавались и весьма содержательные записи на книгах, отражающие их движение, переход от владельца к владельцу, нередко куплю/продажу/обмены/заклады/дарения, всё богатство функционирования КНИГИ в системе горизонтальных социокультурных связей. При более широком понимании проблема книжности предполагает разную степень вовлечённости представителей отдельных общественных слоёв в письменные практики (умение читать и писать, письменное оформление документов, обращение к документации при ведении судебных тяжб и к книгам как их читателей, слушание чтения книг в

церкви и самостоятельное чтение вне церкви, дома, коллективные и индивидуальные практики чтения), её обусловленность профессиональными занятиями, культурными предпочтениями и социальным статусом человека и локальных общностей.

В этом плане интересны указания на *книжников и писцов* среди городского населения. В писцовой книге Великого Новгорода Леонтия Аксакова 1581/82 г. отмечены несколько книжников, что свидетельствует о существовании на Руси такого ремесленно-профессионального занятия. Это могло закрепляться и в качестве прозвища (по типу – кирпичник, каменщик, извощик, иконник). В Записи о ружных церквах и монастырях Великого Новгорода (составлена при архиепископе Александре, 1577–1589 гг.) упомянут дьякон церкви Преображения Господня в Каменном городе Истомка Павлов *книжник*.

Раннее известие о книгах в Вологодском крае находим в данной грамоте Варвары Лавровой Спасо-Прилуцкому монастырю на жребий села Богородского под Вологдой (волость Ракула) 1572/73 г. в селе было две церкви – Положения пояса Пресв. Богородицы и Дмитрия Прилуцкого. В них отмечено харатейное (пергаменное) Евангелие, Триодь постная, две Минеи, 21 *тетрадь* Служебников и Охтаи. Упоминание о тетрадях можно трактовать как указание на отсутствие переплёта и, возможно, переписывание Служебников прямо на месте. Мы обобщили сведения о книжных собраниях по 15 погостам на дворцовых землях Первой и Заозерской половин Вологодского уезда и пригородных сёлах в дозорной книге Афанасия Замыцкого 1589/90 г. При фиксации книг дозорщики придерживались формата: сначала книги в десть, затем – в полдесть и, наконец, в четвёрку. Состав рукописных книг в вологодских погостских храмах в это время был традиционным, включая необходимый для полноценного богослужения «репертуар». Печатные издания почти не встречались. Исключение составляют указания на печатные напрестольные Евангелия в пригородном селе Кобылине. Такая же ситуация была и у монастырей. По наблюдениям А. Н. Красикова, в библиотеке Кирилло-Новоезерского монастыря в Белозерье по описям примерно того же времени – 1579–1581 гг. – все книги являлись рукописными, а по описи 1657 г. уже преобладали печатные – 52,7 %. Однако и доля рукописных книг в 1657 г. оставалась ещё немалой – 47,3 %.

В некоторых сельских церквах Вологодского уезда вся книжность сводилась только к напрестольным Евангелиям. Аналогично – во многих сельских церквах и других уездов, например Тотемского по описанию 1623–1625 гг. По сравнению с погостскими больше книг, судя по дозорам 1588–1589 гг., было в храмах пригородных сёл Вологды: Говорова, Кобылина, Турунтаева. В Говоровской церкви отмечено 13 книг, из которых три были харатейными. В начале XV в. село это принадлежало Вас. Ив. Говорову, который, возможно, и обеспечил церковь старинными книгами, сохранявшимися и двести лет спустя. Из Говоровской церкви происходит пергаменный Трипеснец (Триодь постная), датируемый Г. И. Вздорновым 1410, а Л. М. Орловой 1409 г. (ныне – в собрании РГАДА). В XIX в. эта книга оказалась в библиотеке Спасо-Прилуцкого монастыря.

Книги в сельских церквах Вологодского уезда (1589/90 г.)

Волость, погост или село и церковь	Евангелие	Устав	Апостол	Псалтирь	Охтай	Минея	Триодь	Часовник	Трефолой	Шестоднев	Канонник	Златоуст	Пролог	Всего
Первая половина уезда														
Вол. Юг — Успения Пречистые	1	—	—	1	2	—	—	—	1	—	—	—	—	5
Сц. Мусара — Воскресения Христова	1	—	—	1	—	1	—	—	—	1	—	—	—	4
Вол. Угла — Происхождения Честного Креста	1 х.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1 х.
Пог. Воздвижения Честного Креста	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Пог. Благовещения Пречистые	1	—	—	1	—	1	—	—	—	1	—	—	—	4
Вол. Раменье — Николы Чуд.	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Пог. Кузьмы и Демьяна	1	—	—	1	—	1	—	—	—	1	—	—	—	4
Пригородные села														
С. Говорово — Симеона Богоприимца	1	1	1	1	2	1	—	1	2	—	1	1	1	13

Волость, погост или село и церковь	Евангелие	Устав	Апостол	Псалтирь	Охтай	Минея	Триодь	Часовник	Трефолой	Шестоднев	Канонник	Златоуст	Пролог	Всего
С. Кобылино — Павла Обнорского	2 п.	—	1	1	—	1	—	—	1	1	—	—	—	7
С. Турунтаево — Николы Чуд.	1	—	—	—	1	9	—	—	—	—	—	—	—	11
Заозерская половина уезда														
Пог. Лещовский — Воскресения Христова	—	—	—	1	—	1	—	—	—	1	—	—	—	3
Пог. Ильи Пророка	1	—	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	6
Пог. Рождества Христова	1 х.	—	1 х.	1 х.	—	—	—	—	—	—	—	—	1 х.	4 х.
Иванова Слобода — Живоначальные Троицы	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5
Вол. Катрома — Рождества Пречистые	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10
Пог. Валга — Преображения Господня	1	—	1	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	5

Источник: Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 2. Вологда, 1972. С. 6–183 (публ. Н. И. Федышина).

Примечание: х. – харатейная; п. – печатная.

Даже в XIX в. рукописная книга ещё не исчезла, а печатные книги нередко использовались для переписывания текстов, дополнения их заставками и миниатюрами, различными записями. Относится это отнюдь не только к старообрядческой среде, в отношении которой сохранение, воспроизведение и длительное бытование рукописной

книжности – факт, давно установленный и хорошо известный в литературе. В одном краеведческом описании церкви Иоанна Юродивого в Устюге 1874 г. отмечено 100 экземпляров различных книг, из которых старопечатными являлись три: два напрестольных Евангелия (1677 и 1698 изд.) и Скрижаль, изданная в Москве по приказу патриарха Никона в 1656 г. Вместе с тем в церковной библиотеке хранилось уставное рукописное Житие св. Иоанна Устюжского (местночтимого святого), написанное каким-то монахом ещё в 1554 г. Аналогичная картина наблюдалась в соседнем Прокопьевском соборе Устюга – на фоне ста с лишним печатных книг выделялось уставное Житие св. праведного Прокопия и его Чудеса. Так древние рукописные книги о местных праведниках средневековой эпохи сохранялись и в Новое время. Аналогичное наблюдение сделано В. И. Срезневским в его отчёте об археографической экспедиции по северу и Приуралью в 1902 г.: в Каргополе им была куплена рукопись конца XVIII в., в которой излагалась Повесть о явлении иконы Николая Чудотворца, великомученицы Варвары и Параскевы против села Ягремы в 1539 г.

Наблюдения над изменением количественного и видового состава книжного собрания Вассиановой Строкиной пустыни под Каргополем позволяют сделать её описи 1581 и 1678 гг. Первая из них была недавно опубликована В. И. Ивановым, а вторая давно уже – В. И. Срезневским. В. И. Иванов отметил, что в монастыре в то время действовал свой скрипторий, книги были рукописные (54 экз. и 33 наименования), а одна – Молитвенник форматом в четверть – на пергамене. Написание некоторых книг имело своим назначением их продажу на городском рынке. О продаже книг в самом Каргополе свидетельствует 26-е Чудо в Сказании о чудесах Хергозерской иконы преп. Макария Унженского. Воевода Г. А. Аничков на свои деньги приобрёл новое напрестольное Евангелие «у некоего купецкого человека». Тем самым было исполнено пожелание самого Макария, явившегося во сне попу Герасиму и посетовавшего на ветхость и изношенность старого Евангелия в монастыре.

Печатным в собрании Вассиановой Строкиной пустыни в 1581 г. являлось только напрестольное Евангелие, данное вкладом каргопольцем Шихоном, состоятельным купцом, переведённым в Москву. В монастыре была распространена практика дарений (вкладов,

«положений») книг игуменами и старцами. Посадские люди и духовенство Каргополя также участвовали своими вкладами в процессе формирования монастырской библиотеки. После 1581 г. произошло увеличение общего количества книг – от 54 к 70, среди которых теперь преобладали печатные – 43 экз., хотя и доля рукописных (24) оставалась всё же заметной. Судя по единственному упоминанию харатейной книги в описи 1678 г., это был пергаменный Молитвенник, отмеченный ещё в 1581 г., значит, пергамен как материал для письма в XVII в. уже не использовался. Таким образом, и немногочисленные пергаменные, и бумажные, и старопечатные книги (дониконовских изданий и «новых выходов») образовывали в конкретной монастырской библиотеке единое культурное пространство.

Книжное собрание Вассиановой Строкиной пустыни по описям 1581 и 1678 гг.

Название	Годы	
	1581	1678
Евангелие	2	5
Апостол	2	2
Апокалипсис	—	1
Псалтирь	6	7
Пролог	4	5
Октоих	2	2
«Богородичен» (разновидность Октоиха)	3	—
Минея	13	13
Триодь	3	2
Трефолой	1	1
Соборник четий	2	3
Соборник	1	—
Пчела	1	—
Потребник	3	—
Требник	4	3
Устав монастырский	2	2
Полууставье	1	—

Название	Годы	
	1581	1678
Каноник	2	1
Служебник	1	3
Ирмолой	1	1
Шестоднев	1	1
Часовник	2	5
Часы Царские	1	—
Молитвенник харатейный	1	1 (?)
Златоуст недельной	1	1
Маргарит	—	1
Иоасаф царевич	—	1
Симеон Новый Богослов	—	1
Ефрем Сирин и авва Дорофей	—	2
Иоанн Лествичник	—	1
Феодор Эдесский	—	1
Патерик Печерский	—	1
Иосиф Волоцкий	—	1
Житие митрополита Филиппа и Никодима Кожеозерского	—	1
Житие Антония Сийского	—	1
«Николино житие»	—	1
Цветник духовной	—	1
Церковник, или Скрижаль	—	1
Стихира певчая	—	1
«Певчие книжицы»	—	3
Кормчая	—	1

Источник: *Срезневский В. И.* Отчет Отделению русского языка и словесности имп. Академии наук о поездке в Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губернии (июнь 1902 г.). СПб., 1904. С.17–18; *Иванов В. И.* Каргопольский Спасо-Преображенский монастырь (Вассианова Строкина пустынь) в XVI–XVII веках. Приложение // XVII век в истории и культуре Русского Севера. Материалы XII Каргопольской науч. конф. Каргополь, 2012. С. 120–124.

В Преображенской церкви Плёсовской волости сольвычегодскими писцами в 1585/86 г. было зафиксировано книжное собрание Спасо-Сойгинского монастыря, включавшее 26 книг, по способу изготовления только рукописных и по содержанию богослужебных, за единственным исключением четьей Повести о царевиче Иоасафе. Те же писцы отметили в деревянных церквах в с. Никольском (Вологодской архиерейской кафедры) Вилегодской волости 22 книги, из которых печатным было только «Евангелие-тетр, в десть». Аналогичная картина наблюдается и в монастырях Северо-Запада России. Например, в новгородском Троице-Клопском монастыре Шелонской пятины по описанию 1581/82 г. среди 42 книг печатной не было ни одной. Незначительное количество печатной литературы в церковно-монастырских собраниях и обиходе в конце XVI в. объясняется начальным этапом развития книгопечатания в Московской Руси, о чём выше уже говорилось. Обращение к писцовой документации 1620–1630-х гг. показывает постепенный рост печатных книг в церквах, хотя полного вытеснения рукописной книги даже в конце XVII в. не произошло. По ориентировочным подсчётам Г. В. Судакова, сделанным на основании описей белозерских и вологодских монастырей, в XVII в. доля рукописных книг составляла в них 36–48 %, а в некоторых (Ферапонтов белозерский, Корнильево-Комельский вологодский) доходила до 67–73 %.

В описании имущества Спасо-Преображенской церкви Кижского погоста 1628–1631 гг. соотношение рукописных и печатных книг было равным: сначала значилось пять печатных книг (три московской печати – Евангелие напрестольное, цветная и постная Триоди и две литовской – Апостол и Евангелие толковое), затем столько же «письмяных» – Соборник, Устав, Охтай, Псалтырь и Часовник. Все приведённые наименования аналогичны тем, что встретились нам при описании книжных собраний сольвычегодских и вологодских церквей в 1590-х гг. Для 1592 г. имеется раннее свидетельство о контроле посадской общины над книжным собранием храма. Устюжские земские судьи, старосты, целовальники передали Михайло-Архангельскому монастырю Воскресенскую церковь со всем имуществом, включая её собрание из 32 книг. В 1620-х гг. появляется новая разновидность учётной документации – отдельные описи сельских церквей.

Вологодским краеведом Н. И. Суворовым была опубликована опись имущества Спасо-Преображенской церкви в вотчинном селе Спасо-Прилуцкого монастыря Глубоком за 1628 г. В храме имелось 10 книг, некоторые в кожаном переплёте «з жуки», а иные ветхие харатейные.

Привлечение разновременных описаний книжных собраний одной и той же церкви (или их совокупности для определённого города) позволяет проследить ряд количественных и качественных изменений (книжного репертуара, соотношения рукописных и старопечатных книг в церквах). Укажем на такую возможность, например, для диахронного изучения книжных собраний городских и посадских церквей Устюжны Железопольской (по описаниям второй половины XVI – первой четверти XVII в.), Вологды (по писцовым книгам 1627 и 1685 гг.), Успенскому собору в Великом Устюге (по описи 1608 г., а затем сотной 1630 и писцовой 1676/83 гг. книге). При описании книжного собрания устюженской Богородице-Рождественской церкви в 1567 г. отдельной рубрикой было зафиксировано Евангелие-тетр, подаренное княгиней Ульяной-Александрой (вдовой царского брата вел. кн. Юрия Васильевича), а в группе приходных книг – два Апостола – тетр и *апракос*. Последний – это, скорее всего, знаменитый первопечатный Апостол Ивана Фёдорова 1564 г., хранящийся ныне в местном музее. На книге имеется надпись о продаже его в 1575 г. торговым человеком В. С. Сверчковым священнику А. Чёрному. Известный источниковед и археограф А. А. Амосов видел особую ценность устюженского экземпляра Апостола как раз в наличии этой записи, показывающей свободную продажу данной книги. Апостол как предмет продажи можно видеть в приписке на духовной основателя Спасо-Суморина монастыря Феодосия Тотемского 1567 г. По его приказу и благословению уже после смерти старец Иона на вырученные после продажи соли («двинской, тотемской и заозерской») деньги приобрёл два колокола, облачения для церковнослужителей и *Апостол-тетр* – всё это за 49 руб.

О включённости широких слоёв городского населения в письменные практики той эпохи свидетельствуют ремарки в писцовой документации (например, в книге Новгорода Великого 1581/82 г. Ф. Мещерского) типа *«промысел его – письмо площадное»*. Аналогично – в писцовой книге Великого Устюга 1623–1625 гг.: «во дворе такой-то, *площадной дьячок*», «во дворе такой-то, а он *пишет на площади*».

Некоторые горожане могли даже переводить с иностранных языков: «двор Сергейка Елисеева, *немецкого толмача*». Лаконичность упоминания не позволяет связать его «работу» только лишь с устной формой деятельности или же ещё и с письменной документацией.

В одной явочной челобитной по Устюгу 1658 г. посадский человек сетует на то, что они-де (его обидчики, несправедливо распределявшие казённые повинности. – *М. Ч.*), «прожиточные и *грамоте умеют*, а он сирота *бедной, неграмотной человеченко*». Несомненно, грамотность служила дополнительным фактором социальной мобильности в городской среде, обеспечивая человеку большую защищённость и одновременно обусловливала двухполюсность социокультурных коммуникаций (имея в виду дихотомию устного/письменного). По мере роста социальной напряжённости городские и деревенские мироеды – «горланы и ябедники, ссорники и мятежники», как их называли в народе, ловко привлекали на свою сторону «посторонних потаковников, *хто умеет писать*», тогда как обездоленные люди называли себя *«безграмотными и грамоте не учеными»*. В переписной книге Вологодско-Белозерской епархии времени архиепископа Симона (1663–1685) по каждому приходу было отмечено количество сыновей и братьев данного священника и то, что *«все они грамоте учены»*. Разумеется, для деятельности духовенства грамотность была совершенно необходима. Тем более учтём потомственную закрепляемость священнических мест – отсюда забота отцов-священников об обязательном обучении своих сыновей грамоте.

Но грамотность не всегда сопутствовала повышенной социальной мобильности экономически активных людей. Например, баснословно богатый вологодский гость Г. М. Фетиев, как уже говорилось о нём в очерке 8, всю жизнь оставался неграмотным. Всю необходимую документацию вели его приказчики. Попав же в пыточный застенок, он даже использовал это обстоятельство для своего оправдания: *он грамоте не умеет и чёрных книг не читал*. Неграмотным, вероятно, был и его торговый компаньон, в дальнейшем казначей Спасо-Прилуцкого монастыря Самсон (старец Сергей) Белоусов.

Интересные факты можно почерпнуть из делопроизводственной документации приходских должностных лиц. Приказчик Спасской церкви Куропольского посада на Двине в расходных записях за 1617–1619 гг. отмечал: «…Грязному, дьячку, дал *от книг* и *от памятей*

писчего за 2 годы 2 гривны… Грязному *от книг* дал 10 алт. … дал Девятому *от книги от письма* 5 алт. … Грязному дал *за шелк и за дело от книг* 2 алт. 4 ден.». Церковные дьячки в приходах и текущие документы оформляли, и книги писали (в том числе списки с писцовых, дозорных, межевых). В условиях небольшой церковно-приходской общины на севере не было разграничения труда писца документов и книгописца, их функции совмещались. К ним ещё могли добавляться *учительные* функции, поскольку некоторые рукописные и старопечатные книги (Псалтири и Часословцы, иногда Канонники) использовались для обучения детей в приходах чтению и письму. Писец ноябрьской Минеи (Новгород, 1438) просил своих читателей не клясть его, грешного, за описки, сделанные невольно «с другом глаголя или *дети уча*». В описи новгородского Софийского собора 1763 г. отмечено «восемь малых псалтирей *учебных*». Учебные Псалтыри фигурируют в некоторых описях белозерских и вологодских монастырей. Одна крестьянка Ферапонтова монастыря из Карголомской волости Белозерского уезда в 1662 г. в двух своих челобитных просила игумена и келаря развести её с мужем («учините меня свободну от мужа моего, благословите постричься, на келейное строение и на прокорм у мужа своего ничего не прошаю»), а в отношении малолетнего сына говорила: «малчика моего Якунку в *грамоте доучити* мне, насколко вы пожалуете». Речь шла о том, чтобы старцы содержали её сына в монастыре «докамест грамоте учится и возмужает». В 1645 г. московский стряпчий Спасо-Прилуцкого монастыря Вас. Семёнов просил келаря Левкея «поберечь его младшего брата, не давать гулять, *а выучить грамоте*». Разумеется, учебная практика приходских церквей и монастырей требовала соответствующих книг.

В опубликованной Н. В. Башниным приходо-расходной книге вологодского архиепископа Симона 1666/67 г. встречаются записи о покупке «для науки (ударение на первом слоге, научения. – *М. Ч.*) подияком книги Грамматики печатной в полдесть, дано рубль». Для учения певчих дьяков и подьячих покупались «нареченные ирмосы, писанные с печатного Ирмология, столповое знамя с пометами, дано 2 руб.». Из того же источника известно о цене бумаги в Москве в середине 1660-х гг. – «десть» стоила 2 алт. Для нужд архиерейского делопроизводства в Москве приобретались также и другие материалы – клей и чернила. В приходо-расходной книге Вычегодского усолья

Спасо-Прилуцкого монастыря 1678 г. имеются записи о наёмной плате казённому дьяку «за письмо и от книг», а ещё расходы на покупку писчей бумаги и медной чернильницы.

Интересный факт был выявлен путём сопоставления актового источника конца XVI и дозорной книги начала XVII в. В отводном списке Кириллова монастыря белозерскому торговому человеку Климу Живляку 1581 г. упоминается двор с сараем, а в нём 15 кряжей липовых и ветловых «на образы и *на книги*». Из дозорной же книги 1617 г. известно, что его отец, Василий Живляк, был строителем (ктитором) церкви Вмк. Дмитрия Солунского в Белозерске и сам заботился об обеспечении её иконами и книгами, для переплётов же последним нужны были липовые доски. Подобные сведения отражают определённую культурно-общественную *среду*, в которой производилась и обращалась книжная продукция, формировался и удовлетворялся спрос на неё. Эти сведения имеют отношение и к более широкой историко-культурной проблеме грамотности городского и сельского населения Московской Руси.

Для социокультурной характеристики посадского мира Вологды интересны сведения Сотной на посад 1630 г. В ней, например, описано книжное собрание Ильинского мужского монастыря на Верхнем посаде. Из 54 книг большинство было рукописных («писмяных»), в том числе ветхих, а одно Евангелие в церкви Варлама Хутынского даже харатейным (пергаменным). Репертуар книг включал прежде всего богослужебную литературу (Уставы, Служебники, Часословы, Евангелия, Апостолы, Псалтири, Минеи, Триоди, Охтаи, Ирмолои, Трефолои), указано также на сборник с житиями святых, книгу Ефрема Сирина и Паримейник (сборник ветхозаветных текстов). Из старопечатных в монастыре имелись книги московской и литовской печати. Есть основание предполагать не только церковное, но и келейное чтение книг в Ильинском мужском монастыре Вологды. Уровень монашеской грамотности Г. В. Судаков по описям Спасо-Прилуцкого монастыря определяет в 48–54 %.

Уровень же грамотности городского населения показывает общественный приговор 232 вологжан о содержании Спасо-Всеградской церкви 18 октября 1654 г. Церковь называлась ещё Спасо-Обыденной и была построена как деревянная за один день всеми горожанами во избавление от эпидемии «моровой язвы»[12]. В

приговоре собственноручно подписались 58 чел., что составляет 25 % грамотных от общего числа его участников. К этому документу также приложили руки четыре попа и один дворцовый крестьянин из пригородного с. Фрязинова. Оригинал был написан по мирскому (то есть всей посадской общиной, всего коллектива) велению посадским земским дьячком Якимкой Городчиковым. Не случайно в числе откупных статей вологжан указная царская грамота того же 1654 г. называет *«площадное письмо»* (наряду с «плаучим мостом», квасом, суслом, дёгтем, салом, ворванью). В 1654 г. было решено с названных статей откупа снять и разрешить ими кормиться посадским людям вольно.

Среди крестьян грамотность была необходима прежде всего наиболее экономически активным из них – торговым. На Глинском посаде в Холмогорах в 1642 г. торговый крестьянин из вологодского Кубенского погоста (боярина М. М. Салтыкова) Игнатий Пантелеев с. Белавинский купил за 25 руб. у местного жителя двор с хоромами, который через два года перепродал за 40 руб. вологодскому архиепископу Варламу. Судя по собственноручной подписи на купчей, Игнатий был грамотным, а написал документ его брат Семёнка. О грамотности говорит факт написания крестьянином Верхне-Раменской волости Заозерской половины Вологодского уезда Якункой Сысоевым «духовной изустной памяти» помещика Г. Я. Малютина в 1639 г. В качестве послуха в ней расписался ещё один крестьянин. В 1645 г. крестьянин П. Головин составил опись Успенской Семигородней пустыни. Книги приобретались всей крестьянской общиной: «А се Евангелие-тетр продал Андрей Трофимов с. Клобуков Егорьевским крестьяном на Красное Раменье Мине Калинину и всему приходу на Обнору под Дябрином». Торговые крестьяне вологодских пригородных сёл Турунтаева и Фрязинова нередко упоминаются как послухи в различных частноправовых актах, расписывались на обороте. Некоторые из них даже подрабатывали в качестве площадных подьячих в городе.

К 1569 г. относится собственноручно сделанная вологжанином Семёном Ворыхаловым запись о продаже им толковой Псалтири на Устюге Федке Салтыкову за 1 руб. Тот её в 1573 г. перепродал некоему старцу Исайе уже за 1,5 руб. Имеются данные о книжных поминальных вкладах крестьян и посадских людей в церкви и монастыри. К 1616 г.

относится сделанная архиерейским крестьянином Афоней Сергеевым вкладная запись о передаче им Евангелия-тетр в соборную Воскресенскую церковь на Ленивой площадке в Вологде. В октябре 1619 г. крестьянин Арсеньево-Комельского монастыря Никифор Данилов дал за себя и сына «две книги печатные новые Охтаи полные за 12 руб.». В 1648 г. крестьянка помещика Ольшевского Феодосья Екимова дочь Иванова дала в церковь Дмитрия Солунского в Раменской волости Житие Николая Чудотворца.

Иногда передача крестьянином книги в монастырь была обусловлена его долгом духовной корпорации: «Се яз, Дружинка Шестунин сын Грибцовской крестьянин из деревни Нестерова, дал сию книгу Шестодневец *за долг* Глушицкого монастыря слуге Науму Денисову» (1606). Выявлены сведения как об индивидуальных, так и коллективных книжных вкладах посадских людей: «Лета 7128 апреля в 16 де положили сию боговдохновенную книгу *вологженя посацкие люди* в дом святителей Христовых Афанасию Великому и Кириллу…»; «…положили сию книгу миром» (в ц. Воскресения Христова на Авнегу). Челобитные от локальных сообществ показывают заметную долю грамотных среди обращавшихся к владыке. Так, в челобитной посадских людей архиепископу Гавриилу о благословлении строительства каменной церкви преп. Димитрия Прилуцкого на Наволоке 1694 г. видим нескольких представителей известной купеческой фамилии Рыбниковых, покровительствовавших данному храму. Аналогичные свидетельства их грамотности видим в другой челобитной, происходящей из Вознесенской градской церкви. Заметным был процент грамотных и среди служилых людей. Обращение к белозерским актам 1560-х гг. показало, что практически все названные при сделках послухами люди (иногда по 8–10 чел.) расписывались собственноручно.

Интересны данные о формах бытовавшей на севере письменности. Это были не только книги и деловые документы. На севере известно поминальное чтение имён в церкви с пергаменных листов, названных И. И. Срезневским в 1863 г. «навертнями», которые наворачивались на вращающийся шарнир. Длина свитка составляла 10 вершков, а ширина в вершок (то есть это примерно 44 × 4,4 см), исписан был с обеих сторон, имел «футляр», на который пергаменный лист наворачивался. В отчёте об археографической экспедиции по Вологодской губернии в

1901 г. В. И. Срезневский отмечал виденный им близ Тотьмы пергаменный свиток с поминаниями, ввертывающийся в деревянный резной челнок длиной в аршин, а шириной в 3 вершка (72 × 13,2 см). В Благовещенском соборе Сольвычегодска до конца XIX в. сохранялся деревянный синодик Строгановых (*«дщица»* – наклеенная на доску бумага длиной в 1 аршин 5 вершков, а шириной 10,5 вершка – получается примерно 94 × 46,2 см) со 154 именами для поминания. И хотя «дщица» была переписана в отдельную соборную книгу форматом в лист ещё в 1748 г., оригинал её сохранялся и полтораста лет спустя. О вписывании имён для поминовения в *«дщицу»* говорится в кормовых и вкладных книгах Николо-Коряжемского монастыря XVII–XVIII вв.

В XVII в. бытовали даже *«каменные книги»*. Эта редкая форма книжности была выявлена Н. Н. Зарубиным в 1928 г., а недавно внимание на неё обратил Н. В. Башнин. Это могли быть сделанные из чёрного глинистого сланца листы (типа грифельных или аспидных досок), которые употреблялись для обучения детей грамоте. Буквы на них могли стираться и наноситься вновь.

Подробности описания и «внутреннего содержания» книг позволяют считать, что его полнота во многом зависела от самих писцов, и нередкими были случаи, когда те непосредственно держали их в руках, рассматривали, листали, выясняя полный состав представленных в ней произведений. Как иначе объяснить такие детали, например, в описи белозерского Николо-Курьюжского монастыря 1626 г.: «Измарагд в затылке, застешки ременные, 129 глав»; «Златоуст, писан с Мытаря и фарисея с апреля первого числа, в затылке». Затылком назывался корешок сшитой, но ещё не переплетённой книги.

Среди совокупности церковных книг указывались подборки определённого назначения: это могли быть, например, певческие рукописи. В отношении их обычно не уточнялось – нотированные они (знаменные) или нет. В описях XVIII–XIX вв. выделение такой рубрики уже встречается: «…да книг нотных». Пение богослужебных текстов в церкви для прихожан являлось такой же аудиальной формой восприятия Писания, как и рассматривание фресок и икон на стенах (визуальная форма).

В церквах имелись книги, необходимые также для отпевания умерших и последующего заупокойного культа: «Поминанье большое

церковное, другое Поминанье большое в тетратех, Поминанье суботные» (соборная церковь северо-западного г. Гдова по описанию 1585–1588 гг.). В описи имущества церквей Великомучеников Прокопия и Варлама Хутынского на Ярославовом дворище в Новгороде 1685 г. отмечена «Лития писменная в полдесть». К поминанию умерших имел отношение упомянутый в новгородской Успенской церкви на Торгу среди утвари «*свиток харатейной*, что кутью святят». Любопытно, что здесь перед нами отдельный лист – *свиток*, весьма древняя форма бытования письменности, ещё не «облечённой» в книгу, *кодекс*. Интересно ещё и то, что рядом с харатейным списком упомянута… *«щеть головочосная»*. Всегдашняя особенность описных книг – это сведение воедино высокого, духовного и обыденного, материального… Аналогичная деталь: в церкви пелены такие-то… а пелены объедены у мышей». Мыши, как мы знаем, и для книг представляли непосредственную опасность. В одном описании книжного собрания устюжского архиерея 1680–1690-х рядом с книгами отмечены… *«архиерейские штаны на песцах»*. В одной из описей Спасо-Прилуцкого монастыря – после стенных росписей богословского содержания вдруг появляются… *«цепь собачья и ножницы овечьи»*. Сближение высокого и обыденного, их «сбрасывание в одно», как говорит М. М. Бахтин, – непременная черта многих традиционных форм культуры, особенно в её повседневном функционировании.

Ветхость книг в разных краях России вследствие частого употребления, в соответствии с особенностями местных диалектов и деловой письменности, могла передаваться словами: ветчаные/ ветшаные, ветошные, ветхие, «гораздо ветхи», «лежащие», старые, «корень попорчен» (переплёт? – *М. Ч.*), «держана или подержана гораздо», «переплёт переломлен», «разбита», «две Минеи старых – петь по ним не мочно». Однако ветхие (старые) книги сохранялись (иногда подкреплялись, реставрировались) в церквах наряду с новыми того же наименования, причём скла ывались рядом по принципу одного формата (*в десть*: «Апостол новопереплетённой, другой поразбит… Псалтирь новопреплетённая»; *в пол-листа и осьмину* – по одному Требнику новопереплетенному). Во вкладной книге вологодского Арсенево-Комельского монастыря под 1618 г. говорится о переплёте и починке книг игуменом Антонием – Евангелия-тетр старого, Апостола, Канунника, Святцев, Триоди постной.

Говоря о структуре книжных собраний, исследователи нередко выделяют в них книги богослужебные и четьи. В описи имущества новгородского Клопского монастыря, включённого в писцовую книгу Шелонской пятины Л. Аксакова 1581/82 г., после обширной группы из восьми различных Евангелий и трёх Апостолов следует значительная по численности группа четьих книг – толковые Евангелия и Псалтири (последние – ещё и «со следованием»), несколько Триодей и Миней (в том числе и новым чудотворцам), Зерцало, Потребник, Ирмолой, Торжественник, Соборник, Богородичник, патристика – книги Ефрема Сирина, аввы Дорофея, Иоанна Лествичника, творения Фёдора Эдесского. В отношении некоторых формат уточняется – «большая десть бумажная», хотя, казалось бы, для целей индивидуального чтения удобнее книги малых форматов – в четверть и восьмушку.

Если богослужебные книги использовались в монастырских храмах на службе в присутствии всей монашеской корпорации, то четьи были рассчитаны на *более индивидуальное* восприятие и осмысление, келейное чтение вне службы и повседневных работ-послушаний. У монахов были свои книги, которые после их смерти передавались в обитель. Некоторые монастырские описи (например, Спасо-Прилуцкого монастыря даже специальную рубрику имеют «…Да книги выморлые», «…Да осталося книг после старца такого-то»). К четьей литературе следует отнести имевшую широкое распространение в Средневековье на Востоке и Западе Повесть про индийского царевича Иоасафа и его наставника, пустынника Варлаама. В русской рукописной традиции данное произведение сближалось с жанром жития и было очень популярно в церковной и светской среде. Этому способствовало и включение повести в Великие Четьи-Минеи митрополита Макария. Как «Асаф» такая книга отмечена в описи Антоньева Сийского монастыря 1556 г. С уточнением формата – «в десть» она упомянута и в библиотеке Николо-Коряжемского монастыря (близ Сольвычегодска) 1586 г., то есть задолго до её первого издания в Белоруссии в 1637 г. (в Кутейнском монастыре) и в России Симеоном Полоцким в Верхней типографии в 1680 г. Среди «письменных книг» это произведение отмечено в ведомости Кольского Воскресенского собора 1711 г.

В писцовой и переписной документации довольно часты указания на книги (Жития, Каноники, Минеи и Трефолои) «новых чудотворцев». Под ними следует понимать широкий круг общерусских святых,

канонизированных на Макарьевских церковных соборах 1547 и 1549 гг. «Минея новых чудотворцов» была в Одигитриевской церкви в Среднем городе Пскова 1584 г. и в Никольской церкви посадского монастырька в Гдове по описанию 1585–1588 гг. «Пять тетратей в коже – писаны новым чудо-творцом жития» отмечены описью Новгорода 1617 г. в церкви Похвалы Пречистой Богородицы. Согласно дозорной книге по Белозерску 1617 г., Каноник и Минея новым чудотворцам имелись в приходских церквах Иоанна Златоуста и Св. Пророка Илии. По-видимому, такая же книга отмечена в описи белозерского Николо-Курьюжского монастыря 1628 г. «Кануники на господские праздники и всех святых – дал вкладом борисоглебской поп Иев». Канониками являлись выборки из служебных Миней. Приведённые упоминания говорят об общерусском распространении канонизированных при митрополите Макарии (на соборах 1547 и 1549 гг.) святых, образующих своего рода единое духовное пространство Московской Руси.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о бытовавших на севере книгах из Литвы, Украины, Белоруссии. Он интересен в плане межкультурных связей народов Восточной Европы, единого восточнославянского культурного пространства. В городских и сельских церквах, а также монастырских библиотеках России имелись *книги литовской печати.* Столь краткое указание не позволяет более конкретно выяснить, в каких именно типографиях были напечатаны данные книги – в Белоруссии при Кутейнском монастыре под Оршей или же в Киеве? Данное определение могло прилагаться и к тем и к другим. При описании Никольской церкви в псковском пригороде Острове 1585–1588 гг. говорится, что «после Литвы остался Пролог в десть в дву книгах». Здесь, возможно, имеется в виду период оккупации Псковской земли на заключительном этапе Ливонской войны (1579–1582). В дворцовом с. Ракоме в церкви Фёдора Стратилата (Шелонская пятина) зафиксировано четыре литовских книги (Евангелие, Апостол, Служебник и Псалтирь), в сёлах Яковлевичи и Лукинском – по одной. Более позднее писцовое описание с. Яковлевичи, 1673–1685 гг., отметило Псалтирь киевской печати в полдесть. В Спасской церкви Старой Руссы в 1624 г. имелся Часовник литовской печати.

Единственное упоминание книги литовской печати (не поименованной) встретилось в описи Новгорода 1617 г. Триодь постная

литовской печати имелась в церкви Всемилостивого Спаса на погосте Красный Бор Двинского уезда, согласно описи 1677 г. Три Псалтири печати литовской отмечены в описи библиотеки Кирилло-Новоезерского монастыря 1657 г., тогда как книг московской печати в нём было 24.

В деловой (раздельной) грамоте Семёна, Максима и Никиты Строгановых 1578 г. фигурирует несколько книг «литовской печати» – Апостол, две Псалтыри, Летописец. Во вкладной книге Великоустюжского Михайло-Архангельского монастыря указана цена Библии в 1586–1588 гг. 2,5–3 руб. Не идёт ли здесь речь об Острожской Библии И. Фёдорова 1581 г.? Проникновение на север этого выдающегося памятника кириллической печати объясняется торговыми связями, деятельностью купечества Литвы, Украины, Белоруссии, России.

Именно Острожская Библия, как мы полагаем, отмечена также и в собрании вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря в ранней описи его имущества 1593 г. В ней она дважды указана как оставшаяся после смерти «старца Якима, бывшего архимандрита» (вероятно, московского Ново-Спасского монастыря) и старца Христофора, бывшего архимандрита Чудова монастыря в Кремле. Скорее всего, книги эти были приобретены ими в Москве, а после опалы в опричнину и ссылки в Вологду они забрали их с собой. Издавшие опись Спасо-Каменного монастыря 1628 г. А. В. Лаврентьев и А. А. Турилов считают, что именно Острожское издание отмечено под названием «Библия печатная в две строки, в десть». Двумя строками в данном случае назван набор её текста в две колонки.

Ещё один её экземпляр был куплен в 1612 г. ярославским купцом Т. Лыткиным у холмогорца Спиридонова за 4 рубля, а затем оказался в составе его обширного книжного собрания, подаренного Красногорскому монастырю на Пинеге (около 150 томов). Как установил Е. Л. Немировский, в Холмогорах неизвестный книжник дополнил экземпляр Острожской Библии в 1636 г. многочисленными миниатюрами и рукописными вставками, предварив рассказом «О преведении книги сия глаголемая Библия». А. А. Введенский привёл запись устюжского купца Силы Усова Леонтию Фёдорову с. Бобровскому о продаже ему Острожской Библии за 2 рубля в июле 1653 г. Более ранняя, чем Острожская, – Библия Франциска Скорины

(пражское издание 1517–1518 гг.) также могла попасть на север в XVI–XVII вв. В. И. Срезневский приобрёл один её экземпляр во время своей поездки по Тотемскому уезду Вологодской губернии в 1902 г. А. А. Введенский указал на экземпляр Библии Франциска Скорины в библиотеке Строгановых, в которой тот оказался, как считает исследователь, не ранее второй половины XVII в. Книги литовской печати имелись и в собрании Успенского собора Великого Устюга – Шестодневец Виленской типографии Мамоничей 1603 г. и Лексикон словено-российский Кутейнской типографии 1658 г. Имелись Евангелия литовской печати (напрестольное и толковое) в Успенско-Кривецком монастыре на Двине, приписном к Антоньево-Сийскому, и Николо-Яренгской пустыни, приписной к Соловецкому монастырю в 1635 г.

Обращение к книжным записям показывает наличие литовских книг в церквах и монастырях Вологодского и Белозерского уездов. Напрестольное Евангелие (Виленского изд. 1575 г.) находилось в Ильинской церкви с. Глубокого в Вологодском уезде. Позднее эта книга попала в библиотеку Строгановых. В 1588/89 г. княгиня Пелагея Сугорская дала за долг старцу Троицкого Усть-Шехонского монастыря Филиппу учительное Евангелие, изданное в Заблудувском замке литовских магнатов Ходкевичей в 1569 г. Другое учительное Евангелие (Виленское изд. 1595 г.) было дано в 1601 г. посадским человеком Е. Алексеевым в церковь Дм. Прилуцкого на Кобылкиной ул. в Вологде. Триодь постная литовской печати имелась в Спасо-Преображенской Красноборской церкви в 1677 г. Весьма примечательно бытование книг литовской печати у светских лиц – княгини, посадского человека, а не только духовенства, включая скромные северные обители.

Острожское издание книги Маргарит 1595 г. (сборник произведений Иоанна Златоуста) было дано устюжским воеводой князем И. Д. Мышецким в церковь Вмч. Георгия как поминальный вклад по членам гостиной сотни Кириллу и Василию Босым в сентябре 1670 г. Запись об этом на книге была сделана крестьянином пригородного сельца Пятницкого А. М. Дружковым. На другом экземпляре того же издания имелась владельческая запись устюжанина, торгового человека Василия Петрова с. Ходутина. Литовское издание Апостола типографии Мамоничей 1595 г. было дано вкладом неким Вас. Ивановым в церковь Покрова Богородицы в Замошскую волость

Вологодского уезда в апреле 1620 г. Печатные «литовские книги» конца XVI в. бытовали в малых монастырях на Двине и спустя столетие. На книге Василия Великого «О постничестве» (Острожское издание 1594 г. Петра Мстиславца) есть запись о взятии её архиепископом Афанасием Холмогорским из Козьеручского монастыря «в старом переплете», а взамен туда была послана его же казённая книга «Беседы на Иоанна Богослова». Архиепископ Устюжский и Тотемский Александр также проявлял интерес к старым книгам. В 1690 г. он указал прислать «для списания» на Устюг из сольвычегодской соборной церкви книгу Козьмы Индикоплова.

Вопрос о книжной культуре севера связан и с такой сложной проблемой, как церковная реформа и раскол. При подготовке реформы в Москву «для справки» было затребовано много книг из разных монастырей: Ферапонтова, Спасо-Прилуцкого, Павло-Обнорского, Спасо-Каменного, Корнильево-Комельского и др. Монастыри Белозерья и Вологодчины были «подключены» к обновлению книжного фонда приходских церквей в сельской местности. Например, в 1677 г. священник из Андопальской волости Белозерского уезда Леонтий взял по приказу архиепископа Вологодского и Белоозерского Симона у игумена Кирилло-Новоезерского монастыря Ионы новоисправный Требник «в тетратех» (то есть непереплетённый. – *М. Ч.*) безденежно, а сдал игумену старый Требник.

Наблюдения над составом книг во второй половине XVII в. показывают появление среди них так называемых новоисправных печатных изданий (Евангелий, Служебников, Требников), книг «новых выходов». Это также свидетельствует о реализации Никоновской реформы середины XVII в. В описи Ферапонтова Белозерского монастыря 1693 г. отмечено, что строитель Корнилий Акинин привёз из Москвы новоисправных книг печатных – Устав, две Псалтири, два Требника, два Охтая да Вечерю Духовную. Новоисправной печатной Служебник отмечен в Зосимо-Савватиевской Брусенской пустыни Устюжского уезда её описью 1690 г., составленной по распоряжению устюжско-тотемского епископа Александра. В том же источнике отражено местное наименование рукописных книг как *«писчих»*, причём 15 таких книг определены как ветхие, указаны суммарно, без наименований. Тем не менее показательно хранение в церкви и таких книг. В этой же описи отражена практика передачи части книг из

одного монастыря в другой, согласно распоряжениям местного архиерея. В описи Иннокентьево-Комельского монастыря 1701/02 г. из 35 печатных книг почти половина были «новыми», «новоисправными». Это Служебники, Прологи, Потребники, Псалтири, два певчих Ирмология.

Новоисправные книги попадали в монастыри и в результате вкладов. Наиболее ранний выявленный факт относится к 1657 г., когда в вологодский Арсеньево-Комельский монастырь неким Фёдором Потапьевым была дана книга Часослов новой печати.

Таким образом, мы наблюдаем не просто состав книг как таковых в городских и сельских храмах, но и различные связанные с ними «манипуляции» – переписку, переплетение, использование в богослужебных целях и для индивидуального чтения, передачу в другие места, дарение, покупку. Возрастание вводимой в настоящее время в оборот писцово-переписной документации разного происхождения (государственного и церковно-монастырского) за XVI–XVII вв. расширяет документальную основу для более детального выявления состава книжных собраний городских и сельских монастырей и церквей. Именно в церквах происходило соприкосновение массы горожан и крестьян с книжной культурой, что важно при изучении общей проблемы соотношения устного и письменного начала в культуре Средневековья и раннего Нового времени. Привлечение приходо-расходной и таможенной документации сделает картину бытования и распространения рукописной и печатной книги ещё более полнокровной, способствуя дальнейшему развитию *источниковедения русской книжности*.

Заключение

Подошло к концу наше научно-популярное повествование. Автор старался показать читателю, в сколь сложных природных и социально-политических условиях шло освоение бескрайних просторов Русского Севера, как в ходе его взаимодействовали Природа-Общество-Человек. Особенность севернорусской урбанизации заключалась в крайне редкой сети городов на столь обширном пространстве (Белоозеро-Вологда-Устюг), растянутых речных и сухопутных коммуникациях. Обращение к старым, уже введённым в научный оборот, и новым, выявленным в федеральных и региональных архивах источникам создало, как нам кажется, доброкачественную научную базу данной книги, обращённой к широкому заинтересованному читателю. Были показаны возможности расширения источниковой базы для познания исторической демографии, семейно-брачных отношений на основе документации церковного учёта. До сих на этот вид источников обращалось недостаточное внимание историков и краеведов.

В стремлении к обновлению источниковой базы мы старались сделать акцент на институте церковного прихода, оценить перспективы дальнейших социокультурных исследований под таким углом зрения. Именно в приходе совершались главные события в жизни человека – его крещение, вступление в брак, рождение его детей, а затем и уход в мир иной. Через призму городского и сельского прихода удалось рассмотреть ряд проблем семьи и брака, обыденной и праздничной жизни, устных коммуникаций и книжности (рукописной и старопечатной, а ещё докнижных форм письменности), роль документа в повседневной жизни горожанина и крестьянина, включённость людей разных общественных групп в индивидуальные и коллективные письменные практики.

Наблюдения над проявлением индивидуального и коллективного стояли в центре наших попыток дать культурное измерение социальной истории и её составляющих – локальных микрогрупп и человека, материальное и духовное, повседневно-привычное и возвышенное в их жизни. Вместе с тем на северные локальные миры с их статикой и динамикой в развитии опиралось в своей сословной политике государство, они были органично включены в общерусские

исторические процессы эпохи Средневековья и раннего Нового времени.

Библиографический список

Источники

Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 1 // Русская историческая библиотека. СПб., 1890–1908. Т. XII, XIV, XXV.

Аракчеев В. А. Новый источник по истории великокняжеской политики в севернорусских землях в третьей четверти XV в. // Российская история. 2011. № 4.

Башнин Н. В. Архиепископ Вологодский и Белозерский Симон и его приходо-расходная книга «московской езды» 1666–1667 гг. // Труды Санкт-Петербургского Института истории РАН. Вып. 1 (17). СПб., 2015.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.

Макаров Н. А., Охотина-Линд Н. А. Сказание о Троицком Усть-Шехонском монастыре и круг произведений по истории Белозерья // Ферапонтовский сборник. Вып. 5. М.; Ферапонтово, 1999.

Описание рукописей, хранящихся в архиве Св. Прав. Синода. СПб., 1904. Т. 1.

Описание свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древнехранилище. Вологда, 1899–1917. Вып. 1–13.

Писцовые книги Русского Севера / Отв. сост. Н. П. Воскобойникова. М., 2000.

Полное собрание русских летописей. Т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959; Т. XXXIII. Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л., 1977.

Старая Вологда. XII – начало XX в. Сборник документов и материалов / Гл. ред. Ф. Я. Коновалов. Вологда, 2004.

Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) / Подг. к печ. и ред. К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950.

Литература

Адаменко О. Н. Бохтюжское княжество (по результатам историко-археологических исследований) // Русская культура нового столетия: проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда, 2007.

Адаменко О. Н. Землевладение и хозяйство Спасо-Каменного монастыря в XV–XVII вв. Автореф. канд. дис. Череповец, 2008.

Аракчеев В. А. Власть и «Земля»: Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII в. М., 2014.

Археология севернорусской деревни. X–XIII вв. Т. 1–3 / Отв. ред. Н. А. Макаров. М., 2007–2009.

Барашкова В. С. Торговые люди г. Белоозера XVI в. Л. Дмитриев и В. Живляк // Белозерье. Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда, 1994.

Башнин Н. В. Дионисиево-Глушицкий монастырь – центр социально-экономической и духовной жизни Кубено-Заозерского края в XV–XVII вв. Автореф. канд. дис. СПб., 2011.

Башнин Н. В. Монастырская колонизация и хозяйственное освоение земель Русского Севера в первой половине XVI в. // Российская история. 2015. № 6.

Башнин Н. В. Архиепископ Вологодский и Белозерский Симон // Вопросы истории. 2016. № 5.

Белов А. В. О волоковых путях волости Лежский Волок // Власть и общество на Европейском Севере России: исторический опыт и современность. Вологда, 2010.

Биланчук Р. П. Летописец белозерской соборной церкви Василия Великого и проблемы реконструкции «местного текста» культуры // Белозерье. Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2007.

Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909–1912. Т. 1–2.

Боцяновский В. Ф. К истории просвещения в Древней Руси XVII в. Книга в Великом Устюге. СПб., 1892.

Бысть на Устюзе… Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1993.

Вернадский Г. В. Монголы и Русь. М.; Тверь, 2001.

Власов А. Н. Устюжская литература XVI–XVII вв. Сыктывкар, 1995.

Водарский Я. Е. Вологодский уезд в XVII в. (К истории сельских поселений) // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970.

Вологда в минувшем тысячелетии. Человек в истории города / Под ред. Ю. К. Некрасова. Вологда, 2007.

Гневашев Д. Е. Вологодский служилый «город» в XV – начале XVI в. // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и раннее Новое время: Сб. статей памяти акад. Л. В. Черепнина. М., 2010.

Гневашев Д. Е., Черкасова М. С. Жалованная грамота царя Михаила Фёдоровича вологодскому архиепископу Нектарию (январь 1614 г.) // Исторический архив. 2013. № 1.

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и её падение. 2-е изд. М., 1998.

Грязнов А. Л., Гневашев Д. Е. Белозерские князья в период опричнины // Вузовская наука – региону. Первая областная межвузовская научно-практич. конференция. Вологда, 2000.

Грязнов А. Л. Белозерские Рюриковичи в XV – начале XVI в. // Труды кафедры истории России с древнейших времён до XX в. Т. 1. СПб., 2006.

Грязнов А. Л., Черкасова М. С. О формировании межуездных границ на Русском Севере в XV–XVI вв.: Белоозеро-Вологда-Великий Устюг // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: Сборник материалов международ. науч. конф. Вологда: Древности Севера, 2012.

Грязнов А. Л. Бохтюжское княжество и землевладение Дионисьево-Глушицкого монастыря в XV в.: Русский удел начала XV в. через призму монастырской истории // Средневековая Русь. М., 2014. Вып. 11.

Заозерская Е. И. Вологодский гость Г. М. Фетиев (Из быта торговых людей XVII в.) // Записки историко-бытового отдела Государственного Русского музея. Т. I. Л., 1928.

Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.

Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. // Исторические записки. Т. 63. М., 1958.

Зимин А. А. Опричнина. 2-е изд. М., 2000.

Казакова Н. А. Летописные известия и предания о пребывании Ивана IV в Вологде // Вспомогательные историч. дисциплины. Т. X. Л., 1978.

Каштанов С. М. Финансы средневековой Руси. М., 1988.

Каштанов С. М. Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М., 1996.

Каштанов С. М. Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. М., 2014.

Каштанов С. М. Московское царство и Запад. М., 2015.

Копанев А. И. История землевладения Белозерского края в XV – начале XVII в. М.; Л., 1951.

Красиков А. Н. К изучению церковных библиотек Русского Севера в первой трети XVII в. // Экология культуры и языка: проблемы и перспективы. Международ. науч. конф., посвящённая 100-летию Д. С. Лихачёва. Архангельск, 2006.

Кром М. М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30–40-х годов XVI в. СПб., 2010.

Кукушкин И. П. Вологодское городище // Вологда. Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 38–41.

Макаров Н. А. Средневековые поселения Устюжской округи // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 11. Памятники эпохи камня и металла. Сыктывкар, 1988. С. 122–131.

Макаров Н. А. Русский Север: таинственное Средневековье. М., 1993.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001.

Макаров Н. А., Суворов А. В. Новые находки каменных образов и матрицы прикладной печати из Вологды и Белоозера // Российская археология. 2001. № 3.

Москва – Вологодчина: времён связующая нить / Под ред. проф. Г. В. Судакова. Вологда, 2009.

Назаров В. Д. Вологда, Кирилло-Белозерский монастырь и Василий II (К истории династической борьбы московских

Рюриковичей) // Paleobureacratica. Сборник статей к 90-летию Н. Ф. Демидовой. М., 2012.

Назаров В. Д. О включении Ярославского княжества в состав Российского государства // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. Четвёртые чтения памяти академика Л. А. Милова. Материалы к международ. науч. конф. М., 2015.

Насонов А. Н. Русская земля и образование территории Древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб., 2002.

Никитин А. В. Раскопки в Великом Устюге // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. Вып. 96. М., 1963.

Пугач И. В. Вдовий удел: Устюжна Железопольская и традиции удельной системы // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX в. Т. 1. СПб., 2006.

Румовский Н. Описание Великоустюжского Успенского собора. Вологда, 1862.

Русь в XIII веке: Древности тёмного времени / Отв. ред. Н. А. Макаров. М., 2003.

Рыбаков А. А. Художественные памятники Вологды XIII – начала XX в. Л., 1980.

Селезнёв Ю. В. Русско-ордынские конфликты XIII–XV веков. М., 2010.

Словарь средневековой культуры / Под общ. ред. А. Я. Гуревича. 2-е изд. М., 2007.

Сословное представительство в России в контексте европейской истории. Вторая половина XVI – первая половина XVII в. Материалы международ. науч. конф. М., 2013.

Судаков Г. И. Грамотность и книжная культура вологжан в XVII в. // Материалы по истории Европейского Севера. Вып. 3. Вологда, 1973.

Судаков Г. В. Монастырские описи XVII в. как источник по истории книги // историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР. Северный археографический сборник. Вып. VI. Вологда, 1978.

Хорошкеич А. Л. «Незваный гость» на праздниках средневековой Руси // Феодализм в России. Сборник статей и воспоминаний, посвящённых памяти академика Л. В. Черепнина. М., 1987.

Хорошкевич А. Л. В радости и печали (пиво в отечественном средневековом обиходе) // Времена и судьбы. Сборник статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. СПб., 2008.

Чайкина Ю. И. Географические названия Вологодской области. Топонимический словарь. Архангельск, 1988.

Чебыкина Г. Н. Летописная книга Устюга. Великий Устюг, 2006.

Черкасова М. С. Кубено-Заозерский край в XIV–XVI вв. // Харовск. Краеведческий альманах. Вологда, 2004.

Черкасова М. С. Портрет Фетиева: Комментарий историка // Портретное искусство Северо-Запада России в контексте русской провинциальной и европейской культур XVII – начала XX в. Вологда, 2007.

Черкасова М. С. Севернорусский город в ордынскую эпоху (на материале Вологды и Устюга) // Верхнее Подонье: Археология, история. Вып. 3. Тула, 2008.

Черкасова М. С. Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв.: Исследование и опыт реконструкции. Вологда: Древности Севера, 2012.

Швейковская Е. Н. Прокопьевская трапеза: Праздник и повседневность на Русском Севере в XVII веке // Одиссей. Человек в истории. Трапеза. Ежегодник. 1999. М., 1999.

Швейковская Е. Н. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – начала XVIII в. М., 2012.

Список сокращений

Алт. – алтын (денежная единица)

АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 3. М., 1964

ААЭ – Акты Археографической экспедиции

БУГ – Белозерская уставная грамота

Вел. кн. – великий князь

ВГИАХМЗ – Вологодский гос. историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

Вол. – волость

ГАВО – Государственный архив Вологодской области

ГКЭ – Грамоты коллегии экономии (ф. 281 в РГАДА)

Губ. – губерния

Ден. – деньга

ДУГ – Двинская уставная грамота

Кн. – князь

Кнг. – княгиня

Л. – лист (в архивных документах)

ОЛДП – Общество любителей древней письменности (фонд в ОР РНБ)

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки

Пог. – погост

ПСГ – Псковская судная грамота

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

С. – село

Сст. – став (в архивных документах)

Стб. – столбец (в архивных документах)

Сц. – сельцо

Ф. – фонд (архивный)

Ц. – церковь

---

notes

Примечания

1

В. Д. Назаров считает, что духовным отцом Василия II Трифон мог стать уже во время пребывания того в обители в сентябре – начале октября 1446 г., «тяжелейший период его политической жизни». Тогда же великокняжеским дьяком Иваном Поповкой была составлена беспрецедентная по полноте таможенно-проезжих привилегий жалованная грамота Василия II Кириллову монастырю (АСЭИ. Т. 2. № 96).

2

В качестве эпиграфа приведены первые строчки исторической песни «Сверлюк Стерлюк Харахорович». Текст его по списку из собрания Вологодского музея-заповедника был изучен и издан Н. Н. Малининой в альманахе «Памятники культуры. Новые открытия. 2005». М., 2006.

3

Наряду с ним, как установил Д. Е. Гневашев, депутатами от вологодского дворянства на соборе 1613 г. были М. В. Лихорев. В. М. Брянчанинов, Л. Я. Монастырев, С. Н. Беклемишев, И. И. Гневашев, Ч. Р. Воронов.

4

Название объясняется тем, что в них мужчины – главы семейств по именам записывались во дворах в пределах городских благочиний – сороков. Обилие церквей в Москве породило метафору «сорок сороков», были свои сороки в Вологде и Белозерске.

5

Q,755 – это формат рукописи (кватро – четверть листа) и ее номер.

6

Стб. – это столбец, столбцы, узкие полоски бумаги, на которых в Московской Руси велось делопроизводство.

7

Цата, цаты – металлические украшения к иконам.

8

Daniel H.Kaiser. The Parsuna of Gavrila Fetiev: Can a Picture Speak? // Word and Image in Russian History. Essays in Honor of Gary Marker. Edited by Maria de Salvo, Daniel H. Kaiser and Valerie A. Kivelson. Boston, 2015. P. 118–132. Благодарю докт. историч. наук О. Е. Кошелеву за предоставленный текст этой статьи (*М. Ч.*).

9

Сст. – *сстав* – склейка, соединяющая края столбцов – узких полосок бумаги.

10

Здесь фраза не дописана, а на другом составе написано: «приложил».

11

Порван правый край листа.

12

Подобная практика вообще была распространена на Руси – коллективное возведение храмов за один день (обыденных) в моменты народных бедствий. Обетное строительство В. А. Аракчеев рассматривает как сущностную черту мировоззрения средневекового человека и важный элемент его жизненной стратегии (*Аракчеев В. А.* Средневековый Псков: Власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII вв. Псков, 2004. С. 33).